

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

3-4

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
✓ В. Адоратский — Карл Маркс, как основоположник научного коммунизма	1
М. Розенталь — Разработка категорий сущности и явления в „Капитале“ Маркса	13
М. Селектор — О раздвоении единого и борьбе противоположностей как сути диалектики	35
✓ В. Познер — Философия марксизма и социал-фашизм	64
Е. Коровин — Германский фашизм и религия	78
Б. Кедров — Понятие термодинамической вероятности	89
✓ Т. Чулок — Экономическое учение Маркса в освещении Каутского	103

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ СЕССИИ ИН-ТА ФИЛОСОФИИ КОМАКАДЕМИИ

/ В. Сарабьянов — Выступление	135
А. Деборин — Выступление	141
И. Подволоцкий — Выступление	153

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. Каммари, Ф. Константинов, П. Юдин и Г. Дмитриев — Рецензия на учебник по диалектике	162
Я. Абрамов — Маркс, „Избранные произведения“ в 2 томах, под ред. Адорат- ского, Партиздат	169
/ Э. Кольман — О полезных книжках, требующих исправления	174

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Литература, обязательная к приемным испытаниям в ИКП Философии на 1933—34 год	178
--	-----

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1933 г.

МАЙ — ИЮНЬ

№ 3

СОДЕРЖАНИЕ № 3.

В. Адоратский — Карл Маркс как основоположник научного коммунизма (1).
М. Розенталь — Разработка категорий сущности и явления в «Капитале» Маркса (13). М. Селектор — О раздвоении единого и борьбе противоположностей как сути диалектики (35). В. Познер — Философия марксизма и социал фашизм (64). Е. Коровин — Германский фашизм и религия (78). Б. Кедров — Понятие термодинамической вероятности (89). Т. Чулок — Экономическое учение Маркса в освещении Каутского (103). МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ СЕССИИ ИН-ТА ФИЛОСОФИИ КОМАКАДЕМИИ. От редакции (132). В. Сарабьянов — Выступление (134). А. Деборин — Выступление (141). М. Подволоцкий — Выступление (153). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. М. Камари, Ф. Константинов, П. Юдин, Г. Дмитриев — Рецензия на учебник по диалекту (162). Я. Абрамов — Маркс «Избранные произведения» в двух томах, под ред. Адоратского, Партизат (169). Э. Кольман — О полезных книжках, требующих исправления (174). СООБЩЕНИЙ И ЗАМЕТКИ. Литература, обязательная к приемным испытаниям в ИКП философии на 1933—34 год (178).

Карл Маркс как основоположник научного коммунизма

Вступительное слово В. Адоратского

на научной сессии Института Философии, посвященной 50-летию со дня смерти К. Маркса.

Пятьдесят лет прошло со дня смерти Маркса. В свете 50-летнего исторического опыта ярко видно все гигантское значение его идей и его деятельности; в особенности, если отдать себе отчет в том, что среди этих 50 лет был ряд лет, даже десятилетия, из которых каждый год равнялся, как говорил Маркс, 20 годам по богатству содержания. Революционная тактика марксизма за это время получила основательную проверку и блестящее подтверждение своей правильности.

Маркс учил, что необходимы два условия для того, чтобы пролетариат стал непреодолимой силой, чтобы он смог выполнить свою всемирно историческую роль: он должен быть организован, и эта организация должна руководиться революционной теорией. Именно оба эти условия должны быть налицо. Организация без революционной теории не даст пролетариату победы (пример—английские тред-юнионы). Теория вне связи с массовой организацией—это доктринерство, сектантство, кружковщина. Во всех произведениях Маркса, начиная со статей 1844 г., эта мысль в течение ряда десятилетий развивается и обосновывается. Маркс говорит об этом в «Коммунистическом манифесте», в «Учредительном манифесте I интернационала», в ряде работ 70-х годов и т. д.

Давая характеристику Маркса как основателя научного коммунизма, необходимо на первое место выдвинуть именно то, что сам он в обоих этих отношениях был вождем пролетариата. Великий революционер в области науки, Маркс был в то же время великим организатором, вождем пролетарской партии. Он создал первую организацию коммунистической партии—Союз коммунистов, первую массовую организацию—I интернационал. Социал-демократы искажали образ Маркса. Имея в своих руках литературное наследство Маркса, они его скрывали. Деятельность Маркса в I интернационале они оставляли в тени. Его роль как руководителя германской с.-д. была искажена и совершенно неправильно изображалась.

Созданием диалектического материализма, своими научными работами Маркс оказал влияние на все области знания. Но не меньшее всемирно историческое значение имеет Маркс как создатель и вождь партии, выработавший основы стратегии и тактики коммунистической партии. У диалектического материализма, созданного Марксом, самая характерная черта—это сочетание теории и практики. Эта черта нашла самое яркое воплощение в самом Марксе.

Я хочу напомнить здесь в общих чертах тот путь, которым шли Маркс и Энгельс, вырабатывая свое миросозерцание. В 1842—1843 гг. перед передовыми деятелями Германии встала, по словам Энгельса, задача перейти от философствования о человеке к действительному изучению исторического развития человеческого общества. «Надо было заменить,—пишет Энгельс в «Людвиге Фейербахе»,—культ отвлеченного человека, это «ядро» религии Фейербаха, наукой о действительных людях и их историческом развитии. Это дальнейшее развитие фейербаховской точки зрения, выводящее за пределы Фейербаха, начато было в 1845 г. Марксом в книге «Святое семейство»¹⁾. Маркс уже в 1844 г. в своих статьях выступает как социалист. В «Святом семействе», как указывал Ленин, уже заложены основы революционно-материалистического социализма. Когда в 1867 г. Маркс гостил у своего друга Кугельмана в Ганновере, то он нашел у него «Святое семейство», 22 года спустя после того, как книга была выпущена, и он писал к Энгельсу:

«Я был приятно поражен, найдя, что нам нечего стыдиться этой работы, хотя культ Фейербаха может показаться теперь смешным»²⁾.

Маркс проделал огромную работу по изучению науки о людях и их историческом развитии. В «Святом семействе» он стоит полностью на почве материализма, только в манере выражаться еще чувствуются следы влияния фейербаховской философии. «Так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли вершины бесчеловечности, так как в пролетариате человек потерял самого себя, но вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, а непосредственно еще вынужден к возмущению против этой бесчеловечности веле-нием ничем неприкрашенной, неумолимой, абсолютно властной нужды, этого практического выражения необходимости,— то поэтому пролетариат

¹⁾ Энгельс, Л. Фейербах, стр. 37.

²⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXIII, стр. 404.

может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не упразднив своих собственных жизненных условий. Он не может упразднить своих собственных жизненных условий и не упразднить всех бесчеловечных жизненных условий современного общества, сосредоточившихся в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, закаляющую школу труда. Дело не в том, в чем в данный момент видит свою цель отдельный пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что такое пролетариат и что он, согласно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое действие самым ощутительным образом предписывается его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества».

Вот перед нами один из образцов материалистической диалектики. Здесь отчетливо сказано: не мышление определяет бытие, а наоборот, общественное бытие определяет мышление. Здесь вскрыто содержание классовой борьбы, указано на противоречия капиталистического общества, отчетливо говорится о всемирно исторической задаче пролетариата, о необходимости его практических действий, практической борьбы, которая обуславливается его положением в обществе, производственными отношениями капиталистического общества.

Энгельс в «Людвиге Фейербахе» вспоминает те времена, когда они с Марксом преодолевали феьербаховскую философию и вырабатывали диалектический материализм. Энгельс говорит: «Из разложения гегелевской школы вышло еще иное направление, единственное, которое действительно принесло плоды (перед этим Энгельс говорил о Фейербахе.—В. А.). Это направление связано главным образом с именем Маркса. Разрыв с философией Гегеля произошел и здесь путем возврата к материалистической точке зрения. Это значит, что люди этого направления решились понимать действительный мир,—природу и историю—таким, каким он сам дается всякому, кто подходит к нему без заранее заготовленных идеалистических выдумок; они решились без всякого сожаления отказаться от всякой идеалистической выдумки, которая не соответствует фактам, понятиям в их собственной, а не в какой-то фантастической связи. И ничего более материализм вообще не означает. Отличие состояло лишь в том, что здесь впервые серьезно отнеслись к материалистическому мировоззрению, что оно было последовательно проведено, по крайней мере, в основном, во всех решительно областях знания»¹⁾).

В «Святом семействе» Маркс уже стоит на почве материализма, но работу «последовательного проведения материалистического мировоззрения во всех решительно областях знания» Маркс и Энгельс проделали в значительной мере в другой своей работе, которую они писали в 1845—1846 гг.,— в «Немецкой идеологии».

¹⁾ Энгельс, Л. Фейербах, стр. 38.

Появление «Немецкой идеологии» полностью после того, как она так долго пролежала недоступной (сначала из-за того, что не нашла издателя, а потом потому, что попала в руки социал-демократов, которые саботировали публикацию этого важнейшего документа), — появление этой работы представляет собой выдающееся событие в литературе марксизма.

«Немецкая идеология» — это первая работа, в которой новое мировоззрение разработано с чрезвычайной полнотой. В этом произведении, в котором, по образному выражению Маркса, он и Энгельс произвели «расчет с прежней философской совестью», впервые дано систематическое изложение их взглядов на весь исторический процесс развития человечества. Энгельс в предисловии к «Людвигу Фейербаху» отметил, что «знания экономической истории» тогда еще у него и у Маркса были «неполны». Но тут необходимо сказать, что основные вопросы мировоззрения были полностью решены Марксом и Энгельсом. Они твердо стоят на почве диалектического материализма, и в дальнейшем они только конкретизируют и развивают уже выработанную точку зрения.

Изучение «Немецкой идеологии» увлекательно тем, что в ней дано первое изложение нового мировоззрения в целом. В ней особенно чувствуется то, что Фейербах называет «огнем первого понимания». В «Немецкой идеологии» имеется очень много материала для освещения пути, каким шел Маркс. В выработке своих взглядов он вышел за пределы Фейербаха тем, что подверг критике не только религию (в чем собственно заслуга Фейербаха), но он пошел дальше, — он подверг критике философию права и государства, он стал изучать историю, в частности историю Франции как историю происхождения современного государства, т. е. действительно стал на почву материализма. Маркс преодолел гегелевский идеализм полностью, освободил метод Гегеля от «идеалистической оболочки», поставил его на ноги, стал изучать анатомию буржуазного общества — политическую экономию и, самое главное, преодолел разрыв между теорией и практикой.

Необходимо обратить внимание на те конспекты, заметки и наброски, которые относятся ко времени «Немецкой идеологии», написанные Марксом перед тем, как было приступлено к этой работе, — в начале 1845 г. (в нашем русском издании — IV том сочинений Маркса и Энгельса, стр. 587—593). Маркс там набрасывает план критики феноменологии духа Гегеля и отмечает: «Самосознание вместо человека». Он отмечает ошибочность идеализма Гегеля, то, что вскрыл Фейербах. Маркс далее указывает, что «Гегель дал в рамках умозрения действительные схватывающие суть дела определения (Distinctionen)... Устранение (Aufhebung) отчуждения отождествлено с устранением предметности (одна сторона, развитая в особенности Фейербахом)». Заслуга Фейербаха состояла именно в том, что он начал критику Гегеля и перешел на почву материализма. Далее Маркс говорит: «Устранение тобою представляемого предмета, предмета как предмета сознания, отождествлено с действительным предметным устранением, с отличным от мышления чувственным действием, с практикой и реальной деятельностью».

Это замечание направлено против левых гегельянцев. В нем уже сформулирована в основном критика левых гегельянцев: Бауэра, Штирнера и отчасти Фейербаха. Здесь Маркс в этих набросках восстанавливает, во-первых, изучение самого предмета и, во-вторых, реальную деятельность, революционную практику.

В предисловии к «Немецкой идеологии» Маркс ярко критикует младогегельянцев.

«Люди до сих пор всегда создавали себе ложные представления о самих себе, о том, что они есть и чем должны быть. Согласно своим представлениям о боге, о нормальном человеке и т. д. они устроили свою жизнь... Научим их «отнестись к ним критически», «выкинуть их из головы... и... существующая действительность рухнет...». «Одному молодцу пришло однажды в голову, что люди тонут в воде только потому, что ими овладела мысль о тяжести. Если бы они выкинули это представление из головы,—хотя бы об'явив его суеверным, религиозным,—то они избавились бы от всякого риска потонуть» ¹⁾.

Блестящая характеристика и критика точки зрения левых гегельянцев.

В отличие от Фейербаха, который, перейдя на почву материализма, к действительному изучению человеческой истории по-материалистически не приступил, Маркс изучает «историю происхождения современного государства или французской революции», как у него сформулировано.

На одном из листков в материалах к «Немецкой идеологии» мы встречаем перечень вопросов, которые интересуют Маркса: Права человека; суверенитет народа; гражданское общество; представительное государство и конституция; разделение властей; законодательная власть, исполнительная власть; государственное управление и коммунальное управление; судебная власть; национальность и народ; политические партии и, наконец, отмечает: «избирательное право, борьба за устранение государства и гражданского общества». Марксом здесь уже поставлена задача коммунистической революции.

К тому же времени относятся тезисы о Фейербахе. Перед тезисами у Маркса записаны любопытные мысли, сформулированы например такие вопросы: «Заблуждение во время революции относительно античной государственности» ²⁾. Известно, что Маркс в дальнейшем в своей брошюре «18 брюмера» дает ответ на этот вопрос. Он там говорит, что буржуазные революционеры, желая скрыть от себя ограниченность своей борьбы, вынуждены были вызывать призраки прошлого и изображать эту борьбу, окружая ее историческим ореолом, одевая ее в одежды прошлого.

Центр всех тезисов о Фейербахе—это «чувственно-человеческая деятельность», революционная практика. Эта мысль о революционной практике освещается в них с разных сторон. «Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто с х о л а с т и

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 3.

²⁾ Там же, стр. 589.

ческий вопрос». «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности или самоизменения может быть достигнуто и рационально понято только как революционная практика»; «раскрыть тайну «Святого семейства» в земной семье, т. е. в условиях товарно-капиталистического общества, и уничтожить последнее «теоретически и практически»; ошибка Фейербаха: «он не понимает значения «революционной», «практически-критической» деятельности»; «философы лишь различным образом об'ясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹⁾, и т. д.

Среди отрывочных записей в листках, относящихся к эпохе «Немецкой идеологии», мы читаем такие мысли: «Влияние разделения труда на науку... Не существует истории политики, права, науки и т. д., искусства, религии и т. д... Почему идеологи все ставят на голову?». И тут же дан ответ: «Обособление профессий вследствие разделения труда..., степень которого зависит от достигнутого в данный момент развития производительных сил»²⁾.

Как видим, здесь намечены были ответы, намечены все линии материалистического понимания общества. В тексте «Немецкой идеологии» это учение уже получает полное развитие. В качестве образца надо указать в этом произведении на блестящее место, в котором дается изображение того, как по-материалистически нужно изучать человеческое общество.

«Мы исходим из людей действительно деятельных и выводим из их действительного жизненного процесса также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми сублиматами (продуктами) их материального жизненного процесса, который может быть установлен на опыте и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с данной действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения исходят из сознания как из живого индивида, при втором, соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как их сознание»³⁾.

Маркс таким образом указывает, что историю идеологии нельзя изучать оторванно от всего материального процесса производства, от жизни общества во всем его целом. Этому пути изучения во всей конкретности Маркс и следовал в течение всей своей жизни. Только такое изучение есть действительно материалистическое, марксистское изучение. Образцом этого изучения являются все работы Маркса после 1845 г., а в особенности «Капитал».

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 568—591.

²⁾ Там же, стр. 592—593.

³⁾ Там же, стр. 16—17.

Маркс в 1867 г. в «Капитале», в примечании в 13-й главе I тома, говорит о необходимости критического изучения технологии и отмечает, что такой работы до сих пор не существует. «Дарвин,— пишет Маркс,— направил интерес на историю естественной технологии, т. е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? И не легче ли было бы написать ее, так как, по выражению Вико, человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами? Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно, и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса,—некритична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, научный метод»¹).

И Ленин в своих философских тетрадах ставит ту же задачу: «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники». Ленин ставит задачу изучения развития материального производства и на этой основе изучения мышления.

Здесь нужно сделать один вывод, касающийся философов: тот вывод, что именно в этом направлении должна быть организована наша работа. Пока еще в этой области ничего не сделано, никаких результатов работы в этом направлении еще нет. А наши марксисты-философы должны поставить именно такое изучение. Задача организовать работу в этом направлении — это одна из основных задач Института философии Комкадемии. Нужно организовать изучение истории культуры, истории техники, технологии и на этой основе — истории мышления. Эта задача трудная, но она должна быть выполнена во что бы то ни стало. Только на этой базе возможно действительное изучение истории философии, которая без этого всегда будет некритичной, т. е. ненаучной.

Здесь можно напомнить, что писал Энгельс в 90-х годах своему корреспонденту, с которым он переписывался, Конраду Шмидту. «Вообще для многих (более молодых писателей в Германии),—писал Энгельс,—слово «материалистический» служит словечком, которое применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание жизни есть главным образом введение к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегельянства. Всю историю надо начать изучать сызнова. Надо знать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде

¹) Маркс, Капитал, т. I, стр. 281.

чем пытаться вывести идеи, соответствующие им, политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что немногие люди серьезно этим занимались». Это было написано в августе 1890 г.

Энгельс неоднократно отмечает чрезвычайную сложность этой задачи. Развитие материалистического понимания истории хотя бы на одном единственном историческом примере,—представляет собой научную задачу, для выполнения которой требуются «годы спокойных занятий»¹⁾—пишет Энгельс в рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» (замечательная статья, которая до сих пор была мало известна, мало изучалась, но которая представляет исключительный интерес, потому что в ней дан анализ самого метода Маркса).

Примером того, как надо вести научную работу, для нас во всех отношениях является Маркс, в частности его изучение экономики как анатомии общества, которому он отдал так много труда. Это изучение свое Маркс начал в 1843 г. и продолжал в течение всей жизни. Здесь конечно невозможно подробно осветить все этапы этого изучения. Для этого потребовался бы большой доклад, а не вступительное слово. Богатейший материал, освещающий эту работу, собран на выставке в Институте Маркса—Энгельса—Ленина. На этой выставке имеются образчики тех записных тетрадей, в которые Маркс имел обыкновение заносить все выписки и конспекты изучаемых им книг. Таких тетрадей имеется в институте 173, в них имеются выписки из книг самого разнообразного содержания.

Вот одно из писем Маркса, которое чрезвычайно ярко рисует подход Маркса и метод его работы (3 февраля 1866 г.):

«Что касается этой проклятой книги (подразумевается «Капитал».—В. А.),—писал Маркс,—то дело обстоит так: она была готова в конце декабря (1865 г.—В. А.). Один только отдел о земельной ренте, предпоследняя глава, составляет, в теперешнем виде, почти книгу. Днем я ходил в Музей, а по ночам писал. Новую земледельческую химию в Германии, специально Либиха и Шенбейна, которые важнее для этого дела, чем все экономисты вместе взятые, с другой стороны, громный материал, созданный французами со времени моих последних занятий этим предметом,—все это мне пришлось теперь проштудировать. Я закончил свои теоретические исследования земельной ренты два года тому назад. А как раз за это время появилось много нового, вполне, впрочем, подтверждающего мою теорию. Тут важны были также данные о раскрывшейся для Европы Японии (вообще-то я никогда не читаю описаний путешествий, если меня не вынуждает к этому профессиональная обязанность). Таким образом я сам к себе применил работу сменами в том виде, как ее применяли английские собаки-фабриканты к одним и тем же лицам на протяжении 1848—1850 гг. Хотя рукопись готова, но имеет такие гигант-

¹⁾ Энгельс, О книге Маркса «К критике политэкономии». К. Маркс, Избранные произведения в двух томах, т. I, стр. 279.

ские размеры и находится в таком виде, что ее никто, кроме меня, даже ты, не в состоянии издать. Я начал ее переписывать и исправлять стиль как раз 1 января, и дело очень быстро продвигалось вперед, так как мне, конечно, очень приятно вылизывать младенца после стольких родовых мук. Но тут опять появился карбункул, так что я не мог подвигаться дальше».

Письмо чрезвычайно яркое. Во-первых, вы видите, какое всестороннее изучение кладет в основу Маркс. Он не ограничивается экономической литературой, а изучает прежде всего материальную основу и заявляет, что для разрешения вопроса о теории земельной ренты важны не теории экономистов, а полное выяснение всех подробностей самого процесса производства. И притом какая научная добросовестность!.. Он постоянно внимательнейшим образом следит за развитием науки и техники. Два года прошло со времени его последних занятий, и он считает необходимым проштудировать весь новый материал, который за эти два года получился, хотя он и подтверждает его взгляды. Интенсивность работы, крайняя добросовестность!..

Энгельс в одной из биографий Маркса, которая была напечатана в берлинской газете «Die Zukunft» в 1869 г., специально отмечает «добросовестность, которая препятствовала Марксу изложить перед публикой выводы своей работы в систематической форме прежде, чем он не был ими вполне удовлетворен и по форме и по содержанию, прежде чем он сам не убеждался вполне, что не осталось ни одной относящейся к предмету книги, которую бы он не прочел, ни одного возражения, которое бы он не разобрал, что каждый вопрос исчерпан полностью».

Достаточно сказать, что для «Капитала» Маркс проработал около полуторы тысячи книг. Каталог этих книг, составленный сотрудниками ИМЭЛ, солидный фолиант, имеется на выставке ИМЭЛ.

Можно указать на чрезвычайно интересные воспоминания Лафарга, который близко знал Маркса, работал вместе с ним и, как он пишет в своих воспоминаниях, служил даже ему писцом, переписчиком и поэтому близко познакомился с методом работы Маркса, с особенностями его мышления. Эти воспоминания сейчас выпущены институтом отдельной книгой и в двухтомнике избранных произведений Маркса.

«Работа шла у него,—пишет Лафарг в своих воспоминаниях,—легко и в то же время все же трудно: легко потому, что для любой темы немедленно же появлялась перед его духовным взором вся полнота, относящихся к ней фактов и соображений; но благодаря как раз этой полноте, исчерпывающее изложение его идей было трудным делом и требовало продолжительного времени. Вико сказал: «Для бога, который все знает, всякая вещь есть только тело; для человека, который познает лишь внешнюю сторону явлений, вещь это только поверхность». Маркс постигал вещи так, как это делал бог Вико. Он видел не только поверхность, он проникал во внутрь, он исследовал составные части в их взаимном действии и их взаимном противодействии. Он выделял каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. Затем от вещи он переходил к окружающей ее среде и наблюдал действие послед-

ней на первую и обратно. Он возвращался опять к возникновению объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям, которые этот последний проделывал, и доходил наконец до самых отдаленных его действий. Он видел перед собой не отдельную вещь самое по себе, вне связи с окружающей ее средой, но весь сложный, находящийся в постоянном движении мир. И Маркс хотел изобразить всю жизнь этого мира в его столь разнообразных и непрерывно меняющихся действиях и противодействиях. Беллетристы школы Флобера и Гонкура жалуются на то, как трудно точно передать то, что видишь. А ведь то, что они хотят изобразить, это только поверхность, о которой говорит Вико, воспринятое ими впечатление. Их литературная работа—детская игра по сравнению с работой Маркса. Требовалась необычайная сила мысли, чтобы так глубоко понять действительность, и требовалось не менее редкое искусство, чтобы передать то, что он видел и хотел сказать...»¹⁾ и т. д.

Нужно отметить, что Маркс во время гигантской и кропотливой работы над своим главным произведением, «Капиталом», был завален практически-политической работой вождя. Он был центральной фигурой в I интернационале, он был бессменным членом Генерального совета I интернационала—его Центрального комитета.

В 1865 г., 13 марта, он пишет Энгельсу:

«Дьявольски завален работой. Вчера, например, я лег лишь в 4 часа утра. Наряду с моей работой над книгой невероятно много времени отнимает у меня Международное товарищество (I интернационал. — В. А.), так как я фактически являюсь его руководителем».

Чрезвычайно интересное и яркое письмо написал Маркс 30 апреля 1867 г. своему знакомому Зигфриду Майеру, жившему в САСШ:

«Почему я вам не отвечал? Потому что все время находился на краю могилы. Я должен был таким образом использовать каждый момент, когда я был работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому в жертву я принес здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что это объяснение не нуждается ни в каких дальнейших добавлениях. Я смеюсь над так называемыми практическими людьми и их премудростью, Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре, но я считал бы себя на самом деле непрактичным, если бы я умер, не закончив всей своей книги, хотя бы в рукописи».

Свою научную работу Маркс вел как вождь партии. В своих произведениях он давал оружие для борьбы пролетариата. В работах Маркса мы имеем таким образом образец материалистической диалектики, наиболее полное, исчерпывающее изучение действительности, соединенное с практической революционной деятельностью. Он изображает законы возникновения, существования и гибели капитализма, или, как Энгельс выразился в одном из писем, вскрывает «всю природу и историческую конечную судьбу капитализма». И в то же время он ведет практическую борьбу, чтобы пролетариат как можно скорее и как можно легче сбросил ярмо эксплуатации.

¹⁾ Маркс, Двухтомник, т. I, стр. 65.

Весной 1845 г. в Брюсселе во время встречи с Энгельсом Маркс отчетливо изложил открытые им взгляды на исторический процесс. В этом изложении Марксом были отмечены, как это передает Энгельс в одном из своих предисловий к «Коммунистическому манифесту», три момента: во-первых, экономическое развитие как основа политической и умственной истории; во-вторых, мысль, что классовая борьба на различных ступенях общественного развития составляет все содержание истории со времени разложения первобытного общинного землевладения; в-третьих, историческая роль пролетариата, ликвидирующего классовое общество, пролетарская революция для завоевания власти пролетариатом, диктатура пролетариата и создание коммунистического строя.

Выводы, которые из этого открытия надо было сделать,—Маркс и Энгельс сделали. Они усердно стали изучать эту основу экономического развития, они организовали борьбу пролетариата за коммунизм, они стали руководителями массового движения пролетариата. В этом и есть суть диалектического материализма.

Бросая общий взгляд на жизнь и работу Маркса, мы ясно видим, что его научная работа и его деятельность политического вождя пролетариата и организатора коммунистической партии были органически связаны друг с другом. Одно невозможно отделить от другого.

В соответствии с ходом исторических событий в революционной деятельности Маркса можно наметить пять крупных периодов, в течение которых Маркс был неизменно вождем пролетарской коммунистической партии.

До 1848 г. он организовал «Союз коммунистов», вел ожесточенную борьбу против мелкобуржуазной идеологии, против соглашательского мелкобуржуазного социализма, создал первую организацию пролетарской партии и выработал основы ее программы, стратегии и тактики. «Манифест коммунистической партии» был написан до революции 1848 г.

В революции 1848—1849 гг. Маркс выступил вождем пролетариата в буржуазно-демократической революции. Как говорит Энгельс, он взял себе знамя борьбы за революционную демократию. Это вовсе не значило, что Маркс как будто бы не понимал, что нужна компартия. Это он прекрасно знал, потому-то он и создал «Союз коммунистов». Но для того, чтобы овладеть массовым движением, пролетарский революционер Маркс поднимал знамя последовательной революционной демократии, такой демократии, которая нужна пролетариату для перехода к социалистической революции, к завоеванию диктатуры пролетариата.

В буржуазно-демократической революции Маркс выделял классовую линию пролетариата и стремился к тому, чтобы завоевать рабочему классу роль руководителя всех трудящихся. Когда июньское восстание в Париже потерпело поражение, Маркс в «Новой рейнской газете» выступил с одной из своих наиболее блестящих статей в защиту парижского пролетариата, и он это сделал в то время, когда вся буржуазия и мелкая буржуазия обливали грязью и клеветой рабочий класс.

В годы реакции Маркс, усиленно занимаясь теоретической работой, ни на минуту не прекращал своей связи с массовым движением, он продолжал быть учителем и вождем пролетариата. Он откликался на все политические события того времени, немедленно давал блестящий исторический анализ этих событий и делал выводы для пролетарской партии, уточнял и развивал ее стратегию и тактику на основе изучения исторических событий.

В 1856 г. на юбилей чартистской газеты Маркс выступил с речью, в которой, как он говорит, провозгласил суверенитет пролетариата всех стран. В письме Энгельсу, в котором он описывал это юбилейное заседание, он замечает: «Будущая пролетарская революция победит в том случае, если она будет поддержана своего рода вторым изданием крестьянской войны».

С наступлением нового под'ема Маркс выступил как вождь первой массовой пролетарской партии, созданной под знаменем марксизма, I интернационала. Высшей точкой этого под'ема явилась Парижская коммуна, восстание пролетариата против буржуазии и первый опыт его диктатуры. Маркс выступил вождем пролетариата в этих событиях, он организовал систематическую связь с членами Интернационала — руководителями Парижской коммуны, писал сотни писем по поводу нее, о ее делах во все концы земного шара, где существовали организации I интернационала, помогал советами, конкретными указаниями; а когда Парижская коммуна потерпела поражение, была затоплена в крови, Маркс немедленно же выступил с одним из своих гениальнейших произведений—«Гражданская война во Франции», в котором он подвел итоги исторического опыта Парижской коммуны и заложил основы теории пролетарской власти, развил, уточнил задачи диктатуры пролетариата. На этой почве Ленин в 1905 г. и далее в 1917 г. развил свое учение, используя также и опыт революций 1905 и 1917 гг. Таким образом работы Маркса были осуществлены на практике.

После Парижской коммуны Маркс в условиях наступившей после этого реакции продолжал также руководить рабочим движением всех стран, главным образом германской с.-д., потому что в то время центр европейского рабочего движения был временно перенесен в Германию.

В Институте Маркса — Энгельса — Ленина собран богатый материал, рисующий Маркса и как ученого, теоретика, теоретического вождя пролетариата и как политика и практика. Мы восстанавливаем истинный образ Маркса-революционера, который близок и дорог нам. Ведь большевизм является продолжением марксизма, развитием его в новых исторических условиях. Диалектическому материализму мы учимся у Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, который является лучшим продолжателем дела Маркса, Энгельса и Ленина и в области теории и на практике, вождем мирового пролетариата и лучшим представителем диалектического материализма.

Разработка категорий сущности и явления в „Капитале“ Маркса

М. Розенталь

I

Проблема сущности и явления фигурировала на протяжении всей истории философии как одна из важнейших проблем.

Значение ее обуславливалось тем, что крупные философские системы в той или иной форме пытались отыскать внутренние существенные стороны действительности, единое первоначало мира, и затем это внутреннее привести в соответствие с многообразием внешних явлений, дать цельную картину мира. Задачей науки является отыскание в многообразии явлений существенного, устойчивого закона, лежащего в основе явлений. Наука, не открывающая в явлениях законов, не поднимающаяся, по выражению Ленина, от единичного и случайного к устойчивому и массовому, является псевдонаукой или, в лучшем случае, каталогом, в который аккуратно заносятся и регистрируются единичные и случайные явления. Но законы не лежат на поверхности явлений и с явлениями непосредственно не совпадают. Маркс говорил, что если бы сущность совпадала с явлением, тогда не было бы никакой надобности в науке. Следовательно, основная задача науки заключается в том, чтобы посредством научного анализа вскрыть внутреннюю, существенную сторону явлений, показать закон их существования и развития.

Именно этим объясняется значение проблемы сущности и явления. Для ряда философских систем эта проблема оказалась настоящим камнем преткновения, о который они ломали себе головы.

Уже в античной философии этот вопрос стоял в центре некоторых философских учений и был предметом обсуждений. Разумеется, этот вопрос был связан с целым рядом других теоретико-познавательных проблем и прежде всего с проблемой отношения мышления к бытию, а также с вопросом чувственного и разумного познания.

На том основании, что чувства не могут дать истинного познания, приходили к выводу, что весь внешний многообразный мир является обманом, видимостью, и действительный мир переносили в некое абстрактное единое бытие (элеаты) или в идеи (Платон).

В новейшей философии, как говорил Ленин, философы спорили о том, «сущность или непосредственно данное взять за основу» (Кант, Юм, всемахисты)¹.

Известно, как этот вопрос решался философией субъективного идеализма Беркли и Юма, критической философией Канта, махистами, нашими эмпириокритиками и т. д.

¹ Лен. сб. IX, стр. 97, изд. 1931 г.

Субъективный идеализм всех разновидностей отрицает реальность объективного мира и превращает его в субъективную видимость, в сумму комплексов ощущений человека. Кант вырыл пропасть между сущностью и явлением, между «вещью в себе» и явлением.

Величайшую заслугу в решении этого вопроса имеет Гегель, хотя и здесь, как и во всех других вопросах, проявился абсолютный идеализм знаменитого философа.

Заслугу Гегеля Ленин видит в том, что он вместо метафизической постановки своих предшественников — или сущность или явление взять за основу — ставит «и», объясняя конкретное содержание этого «и». То-есть Гегель исходил из конкретного диалектического единства сущности и явления, доказывая абсолютную недопустимость разрыва этих двух сторон действительности.

Сущность, по Гегелю, является внутренней закономерностью развития мира, тем, что является «устойчивым», «крепко сидящим» в «беспокойной смене» явлений. Основным признаком сущности является то, что она составляет единство противоположностей, или, как говорит Гегель, сущность «существенна лишь постольку, поскольку она имеет внутри самой себя свое отрицательное соотношение с другим опосредствование»¹⁾.

Энгельс, соглашаясь с определением сущности Гегеля, но вкладывая в него материалистическое содержание, видит основной признак сущности в том, что в ней «все относительно» (например положительное и отрицательное, которые имеют смысл только в своем взаимоотношении, а не каждое само по себе).

Вместе с тем сущность, по Гегелю, не есть нечто само по себе существующее и не проявляющееся.

Сущность необходимо является, и только в своем проявлении сущность разворачивает свои стороны и находит свое осуществление. Вне явления нет сущности, как и наоборот. Гегель издевается над теми, кто «часто пользуются категорией сущности абстрактным образом и затем при рассмотрении вещей фиксируют их сущность, как нечто равнодушное к определенному содержанию своего явления и само по себе существующее. Так именно говорят обыкновенно, что в людях важна их сущность, а не их деяния и их поведение»²⁾.

Таким образом гегелевское учение правильно схватывает в категориях сущности и явления две взаимно связанные и обусловленные стороны действительности. Однако и Гегель благодаря идеалистической сущности своей философии не мог дать до конца верную, последовательную разработку этих категорий. Идеализм в учении Гегеля о сущности и явлении проявился в том, что сущность преподносится им как понятие, идея, непосредственным выражением которых составляют явления действительности. Поэтому сущность у Гегеля носит в конце концов абстрактный, неконкретный, идеалистический характер. В нашу задачу совершенно не входит подробное освещение гегелевского учения об интересующем нас вопросе; ограничиваясь поэтому сказанным, мы снова подчеркиваем глубокий рациональный смысл гегелевской диалектической разработки категорий сущности и явления и большое значение ее для диалектико-материалистической теории познания.

Совершенно очевидно, что последовательное, до конца правильное понимание и разрешение проблемы сущности и явления может дать и дала только философия диалектического материализма.

Буржуазное мировоззрение не может, как это мы ниже подробнее покажем, решить этого вопроса. «Неуклюжая кляча обыденного буржуазного

¹⁾ Гегель, Малая логика, стр. 195.

²⁾ Там же, стр. 194. Разрядка наша.—М. Р.

разума растерянно останавливается перед рвом, отделяющим сущность от явления, причину от следствия» (Энгельс). И это имеет глубокие классовые корни, лежащие в основе буржуазного мировоззрения.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы показать, как Маркс разрабатывал и применял категории сущности и явления на конкретном материале капиталистического общества. Мы поэтому не можем здесь подробно останавливаться на общем учении диалектического материализма о сущности и явлении. Ограничимся лишь некоторыми замечаниями. В противовес Гегелю, рассматривающему сущность как чистую абсолютную идею, диалектический материализм под категорией сущности понимает теоретическое обобщение единичных реальных явлений и фактов, отражение общего, существенного, присущих самим явлениям и фактам.

Поэтому сущность не есть нечто, существующее до явлений и помимо явлений. Обе эти категории являются отражением различных сторон одной и той же реальной действительности, ее внутренней существенной стороны и внешней, непосредственно данной стороны. Но так как явление, как уже было сказано, не совпадает непосредственно с сущностью, то явление есть противоположность сущности, и диалектический материализм рассматривает их как противоречивое единство. Задача диалектико-материалистической теории познания в этой части и сводится к тому, чтобы раскрыть это противоречие, разрешить его и показать, что сущность является обобщенным выражением явлений, а явления — формой выражения и проявления сущности.

Познание в диалектическом материализме соответственно этой задаче начинается с рассмотрения непосредственно данных явлений, с живого созерцания, переходит затем к абстракции, к анализу и вскрытию существенных сторон явлений и затем возвышается на ступень цельного отражения действительности во всем его конкретном многообразии. Практика при этом является основой всего процесса познания.

На первой ступени дается лишь видимость явлений, еще неопосредованная познанием сущности и поэтому неадекватно отражающая действительность, на второй ступени вскрывается сущность и наконец на третьей восстанавливается многообразие явлений, уже опосредованных познанием сущности.

На примере разработки и применения этих категорий в «Капитале» Маркса мы будем иметь возможность поставить этот вопрос шире и конкретнее.

Разработка категорий сущности и явления занимает в марксовом «Капитале» большое место.

Помимо важнейшего теоретико-познавательного значения этих категорий это объясняется еще тем, что «Капитал» является не только теорией, вскрывающей закономерности капиталистического хозяйства и обосновывающей его неизбежную гибель, но и критикой предшествовавшей политической экономии (Смит, Рикардо, вульгарная экономия). Характерной же чертой последней (особенно вульгарной экономии) являлось неумение обосновать конкретные явления действительности, раскрыть их видимость, неумение сочетать абстрактный анализ существенных сторон капиталистического производства с объяснением внешних форм их проявления.

Это в меньшей степени относится к классикам буржуазной политической экономии (Смит, Рикардо), в большей или целиком — к вульгарным экономистам.

Первые пытались проникнуть вовнутрь капиталистической системы производства, в «физиологию буржуазной системы», по выражению Маркса, познать ее внутренние, существенные связи, благодаря чему «им удалось

подойти очень близко к истинному положению вещей» (Маркс)¹⁾; однако и классики не смогли целиком освободиться от фетишизирующего влияния капиталистических отношений, не сумели последовательно объяснить закономерности капиталистического производства и формы их проявления.

Вторые просто переводили поверхностные представления капиталистов на язык теорий, обобщали их и выдавали за политическую экономию.

Именно поэтому Маркс на протяжении всего своего исследования и в «Капитале» и в «Теориях прибавочной стоимости» неоднократно возвращается к вопросу о сущности и явлении, критикует по этому вопросу экономистов и дает положительную разработку этих категорий с точки зрения диалектического материализма.

Кроме того «Капитал» Маркса был посвящен специально объяснению законов капиталистического способа производства, особенностью которого являются крайняя фетишизация общественных отношений, скрытость внутренних, существенных связей, резкое несовпадение между сущностью и формой ее проявления. Задача Маркса состояла в том, чтобы раскрыть и объяснить этот фетишизм и показать скрывающиеся за плотной стеной непосредственных явлений действительные, существенные движущие силы капиталистического производства. Таким образом исследование капиталистического способа производства требовало особого внимания к категориям сущности и явления и их разработки на конкретном материале.

II

Маркс прежде всего исходит из того, что тип соотношения сущности и явления различен в зависимости от различия исторических условий.

Различные исторические условия, и не только это, но и различные объекты, предметы вносят своеобразие в соотношение сущности, явления и видимости, и поэтому решение вопроса о сущности и явлении всегда должно отправляться от своеобразной природы рассматриваемого предмета.

Можно на основании высказываний Маркса утверждать, что каждой общественно-экономической формации (если взять такой пример) присуща определенная, своеобразная форма соотношения и связи сущности и явления, что последняя определяется каждый раз данной структурой общественных отношений. Именно в зависимости от общественной структуры определяется степень несовпадения явления и сущности, количество посредствующих звеньев между ними, характер и форма соответствия сущности и явления, наличие иррациональных форм и т. д.

В справедливости такого утверждения легко убедиться, если обратиться к конкретным примерам, которые приводит сам Маркс.

Маркс например показывает, что отношение классов в процессе производства, выражающееся в эксплуатации одного класса другим, имеет в различных общественно-экономических формациях различные формы проявления, различную видимость этих существенных отношений.

Так в рабовладельческом обществе при рабском труде кажется, что даже та часть рабочего времени, которая идет на восстановление самой рабочей силы, является трудом на рабовладельца.

При барщинном труде в феодальном обществе рабочее время крепостного «самым осязательным образом», по выражению Маркса, делится на работу на помещика и на работу на самого себя. А при капитализме труд наемного рабочего представляется целиком оплаченным.

¹⁾ Это объясняется помимо всего тем, что классики политической экономии были представителями еще прогрессивной в то время буржуазии. Но об этом подробнее ниже.

Ясно, что различное соотношение сущности и видимости здесь определяется различием исторических условий, различным характером самих общественных отношений.

Если взять общественно-экономические формации, проследить формы проявления их внутренних закономерностей, то ярко бросается в глаза все различие в формах соотношения существенных сторон и непосредственно данных явлений, например при рабовладельческом строе, капиталистическом и коммунистическом.

Однако Маркс в этом отношении выделяет из ряда общественных формаций и ставит на особое место капиталистический строй.

Рассматривая различные общества, он указывает, что товарное производство, и особенно капиталистическое товарное производство, отличается крайней таинственностью общественных отношений, мистицизмом, призрачностью и что «все чудеса и привидения, окутывающие продукты труда при господстве товарного производства, — все это немедленно исчезает, когда мы переходим к другим формам производства».

Эта таинственность и мистичность товарного производства и относительная прозрачность других форм производства опять-таки определяются характером, природой этих формаций.

Фетишизм товарного производства означает резкий разрыв и несовпадение между сущностью, закономерностью этого производства и формами их проявления. Внешняя видимость явлений, как они даны непосредственно, совершенно скрывает действительный характер отношений между классами, превращает эти общественные отношения в отношения вещей, наделяет последние магической силой устанавливать отношения между людьми, смазывает эксплуататорскую природу капитализма и выдает его за царство «свободы, равенства и братства».

Фетишизация производственных отношений при товарном производстве представляет собой исторический процесс.

Этот процесс фетишизации идет параллельно процессу развития и роста капиталистического производства: чем выше и развитее формы стоимости, тем более таинственными и мистичными становятся общественные отношения, тем более отделяется явление от сущности и теряется или извращается их связь между собою, тем более видимость представляется сущностью. «Чем дальше, — говорит Маркс, — мы следим за процессом увеличения стоимости капитала, тем более затемняется капиталистическое отношение и тем менее раскрывается тайна его организма» ¹⁾.

Если рассматривать движение капитала, переход его из фазы производства в фазу обращения и т. д., то и здесь прежде всего движение совпадает с все более нарастающей фетишизацией характера этого движения: чем дальше от фазы производства, тем больше облакаются в тайну отношения между классами.

Но дальнейшая фетишизация отношений есть лишь развитие фетишизма основных отношений в процессе производства.

Уже здесь, в процессе производства, где непосредственно противостоят друг другу капиталист и рабочий, отношения между ними замаскированы, извращены. Процесс увеличения стоимости и создание прибавочной стоимости представляются результатом не эксплуатации рабочей силы, а применения всего капитала. Капиталист не знает деления капитала на постоянный и переменный; обычное деление капитала на основной и оборотный и включение в последний наряду с элементами переменного и элементов постоянного капитала окончательно облачают увеличение стоимости в тайну.

Заработная плата, выражающая цену рабочей силы, кажется ценой труда и оплатой не только необходимого, но и прибавочного, неоплаченного

¹⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, стр. 22, изд. 1923 г.

труда. Таким образом источник создания прибавочной стоимости и прибыли переносится на капитал, который представляется единственным обладателем сверхъестественной способности самовозрастания.

Процесс воспроизводства и накопления капитала благодаря расщеплению прибавочной стоимости и процессу обращения затемняется и имеет видимость, противоположную действительному характеру этого процесса.

Особенно мистический вид принимает капитал, когда он из сферы «внутренней органической жизни», по выражению Маркса, вступает в сферу «внешней жизни».

Процесс реализации прибавочной стоимости в сфере обращения, влияние времени и издержек обращения на прибавочную стоимость, переплетение времени обращения и рабочего времени и т. д.—все это отрывает процесс обращения от процесса производства, делает первый вполне самостоятельным, благодаря чему кажется, что и производство и обращение являются одинаково источниками прибыли.

Прибыль представляется просто избытком продажной цены над издержками производства, и теряется всякая связь между нею (прибылью) и трудом.

Кажущаяся независимость нормы прибыли от органического состава капитала, уравнивание различных норм прибыли через конкуренцию придают конкуренции и внешнему механизму, действующему на поверхности явлений, видимость единственно действительного и истинного регулятора или конечной причины всего движения капитала и его возрастания. «Под углом зрения конкуренции все представляется в искаженном виде» (Маркс).

Расщепление прибавочной стоимости на различные формы прибыли: торговую прибыль, процент, земельную ренту, кажущаяся самостоятельность этих форм прибыли, отчужденность их друг от друга еще более усиливают фетишизм капиталистических отношений.

Исключительно высокой степени достигает эта мистификация в проценте. Здесь уже потеряна вся цепь посредствующих звеньев, и капитал, приносящий проценты, выступает в роли кудесника, создающего из ничего прибыль.

В итоге вся эта видимость, весь этот «автоматический фетиш» (Маркс), вся капиталистическая «религия повседневной жизни» (Маркс) синтезируются в триединой формуле: капитал — прибыль, земля — рента, труд — зарплата. В этой формуле «завороженный», искаженный и на голову поставленный мир, в котором господин капитал и мадам земля как социальные характеры и в то же время непосредственно, как просто вещи, совершают свой шабаш¹⁾. Итак, отношение классов и отношение вещей, отношение эксплуатации и отсутствие всякой эксплуатации, прибавочный труд как источник прибавочной стоимости и излишек продажной цены как источник прибыли, стоимость и лежащий в ее основе труд как решающий фактор, определяющий обмен и весь процесс движения капитала, и конкуренция как решающая и существенная причина и т. д. и т. д. — таковы сущность и видимость капиталистических отношений.

Вскрыв иллюзии, которые возникают из поверхностного рассмотрения капиталистических отношений, Маркс показывает, что эти иллюзии и фетишизм товарного производства не являются плодом чисто субъективных представлений или просто, как это думает критикуемый Марксом Годскин, обманом господствующих классов.

Годскин, как и другие экономисты, заявляет Маркс, «не видит, что способ представления вытекает из самого реального отношения, что последнее не есть выражение первого, а наоборот»²⁾.

¹⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 368, изд. 1923 г.

²⁾ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 344—345.

И доказывая неизбежность и объективность товарного фетишизма, вытекающего из капиталистического способа производства, он развивает ту мысль, что и видимость капиталистических отношений не является поэтому чисто иллюзорной игрой представлений, а что она также объективна и обоснована существующим порядком вещей.

Мы здесь не будем подробно доказывать, почему товарный фетишизм неизбежен при простом товарном хозяйстве и капитализме, почему он объективно существует и т. д. Ограничимся только некоторыми указаниями Маркса. Маркс показал, что уже в самой товарной форме заложен источник фетишизма. Поэтому и законы простого товарного хозяйства зафетишизированы, но гораздо сложнее обстоит дело с причинами фетишизма в капиталистическом обществе.

В капиталистическом обществе производительные силы противостоят индивидам, оторваны от них и, по выражению Маркса и Энгельса, существуют «в виде какого-то особенного мира наряду с индивидами; причиной этого является то, что индивиды, силами которых они являются, существуют в раздробленном виде и в противоположность друг к другу, меж тем как эти силы, с своей стороны, являются действительно силами лишь в сношениях и в связи с этими индивидами»¹⁾.

Маркс и Энгельс в этих словах высказывали основное противоречие (между производительными силами и производственными отношениями) капиталистического общества.

Это враждебное противопоставление производительных сил и индивидов (т. е. рабочих) придает производительным силам вещественный вид и превращает их в мистическую, таинственную силу частной собственности капитала. Индивиды же или подавляющее большинство их лишаются «всякого реального жизненного содержания» и превращаются в «абстрактных индивидов».

«Единственная оставшаяся еще связь их с производительными силами и с их собственным существованием — труд — потеряла у них всякую тень самостоятельности и сохраняет их жизнь лишь тем, что калечит ее»²⁾.

Процесс самого производства, его общественный характер, основное общественное отношение между классами фетишизированы, и это кладет отпечаток на все остальные производные капиталистические отношения.

Именно отсюда вытекают фетишизм меновых отношений и кажущаяся господствующая роль обмена, фетишизм денег, процента, земельной ренты и т. д.

Таким образом все вышеприведенное доказывает необходимый и объективный характер товарного фетишизма при капиталистическом производстве.

Поэтому само собой разумеется, что и видимость явлений не может не иметь в себе момента объективного и существенного.

Видимость капиталистических отношений, согласно Марксу, прежде всего имеет в себе момент объективного в том смысле, что она необходимо возникает из существующих отношений.

Говоря о «затемненной форме» прибыли, Маркс замечает, что она (затемненная форма) «необходимо возникает из капиталистического способа производства».

Вскрывая истинную роль конкуренции, он пишет, что «как ни грубы такие представления (возникающие из взгляда на конкуренцию. — М. Р.), но они необходимо возникают при том превратном виде, какой получают в сфере конкуренции имманентные законы капиталистического производства». Таким образом капиталистические отношения, имманентные законы в своем проявлении неизбежно и необходимо носят искаженный характер,

¹⁾ «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 249.

²⁾ Там же.

поэтому и видимость этих отношений и законов, как они проявляются на поверхности, вследствие этого включает в себя момент объективного.

Видимость имеет момент объективного также и в том смысле, что она отражает некоторые стороны, свойства, признаки существенного в явлениях.

Некоторые категории, которые отражают видимость явлений, как например стоимость труда, стоимость земли и пр., возникают, во-первых, из самих производственных отношений капитализма и, во-вторых, являются, по выражению Маркса, категориями «для форм проявления некоторых действительных существенных отношений»¹⁾ (разрядка наша. — М. Р.).

Различные формы прибыли, например в действительности отчужденные от всеобщей формы прибавочной стоимости и зависящие от нее, обособляются друг от друга, ведут относительно самостоятельное существование, имеют свои относительно самостоятельные законы и т. д.

Такая форма прибыли, как процент, обособилась от всеобщей формы прибыли, производство этой формы стало специальной, независимой профессией определенного круга капиталистов, и она имеет свои непосредственные, самостоятельные законы.

Самовозрастание капитала связано с наличием денег или денежного капитала, и без наличия последнего не может быть и прибыли. Отсюда и возникает представление о мистической роли денег, хотя в действительности самовозрастание капитала выражает эксплуатацию рабочего.

Категория «стоимость земли» выражает то отношение в условиях капитализма, что наличие у земельного собственника земли обеспечивает ему непосредственно земельную ренту. И так далее и так далее.

Все эти свойства капитала необходимо возникают из самых существенных отношений, из самого капиталистического способа производства.

Стало быть видимость выражает момент объективного и существенного в явлениях, но она схватывает лишь одну, притом внешним образом, непосредственную сторону капиталистических отношений.

Видимость проявляется лишь как момент бытия. Это целиком совпадает с теми замечаниями, которые сделал Ленин в своем конспекте «Науки логики» Гегеля.

«Кажущееся, — писал он, — есть сущность в одном ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов. Сущность кажется тем-то. Кажимость есть явление сущности в самой себе»²⁾.

Но о тех же категориях «стоимость труда» и «стоимость земли», которые Маркс называет формами для проявления некоторых действительно существенных отношений, он пишет как о «мнимых выражениях», «не соответствующих действительности»³⁾, понимая это в том смысле, что видимость отражает явления, как они непосредственно даны, не опосредствуя их сущностью, а потому и искажая их.

Например та же категория «стоимость земли», которая отражает тот момент, что наличие земли у землевладельца обеспечивает ему непосредственно земельную ренту, вместе с тем искажает действительность, не связывая эту форму прибыли с производством прибавочной стоимости, превращая ее из относительно самостоятельной формы в абсолютно самостоятельную.

Та же видимость такой формы прибыли, как процент, которая выражает ту сторону капитализма, что эта форма прибыли обособилась, стала самостоятельной сферой приложения капитала и что она внешне получается

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 419, изд. 1931 г.

²⁾ Лен. сб. IX, стр. 95.

³⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 419.

непосредственно, без всякого опосредствующего процесса производства прибавочной стоимости, вместе с тем искажает действительность, превращая ее из относительно самостоятельной в абсолютно самостоятельную сферу капитала, выдавая непосредственные, внешние источники процента за опосредованные, действительные источники.

Поэтому видимость, не опосредованная сущностью, оторванная от сущности, взятая как самостоятельная форма представления, дает иллюзорное выражение действительных отношений, ибо момент бытия, который в ней отражается, видимость выдает за все бытие, за ее существенные, сокровенные стороны. Перед Марксом таким образом стояла труднейшая задача — показать действительные законы движения капиталистического производства, снять с них мистический покров, который их покрывает, и показать, как эти законы проявляются во-вне.

III

Настоящая статья не ставит перед собой задачу показать, каким образом Маркс раскрыл в явлениях закон движения капиталистического производства — закон стоимости и прибавочной стоимости.

Нас интересует преимущественно вопрос о взаимоотношении закона и его форм проявления. Сам Маркс писал, что «задача науки состоит именно в том, чтобы объяснить, как проявляется закон стоимости».

Выше было показано, что существует резкое несоответствие между сущностью, имманентными законами капиталистического способа производства и формами их проявления.

Из высказываний Маркса вытекает то существенное положение, что сущность и явление какого-нибудь процесса или вещи вообще не могут целиком совпадать; они могут лишь приближаться друг к другу, приблизительно совпадать, причем сущность, внутреннее, скрытое ядро, может иметь тысячи разнообразных форм проявления, но ни одна из этих форм проявления не тождественна сущности, не есть сущность.

Это положение имеет у Маркса очень важное значение, и он им руководствуется при разрешении ряда вопросов.

Прежде всего Маркс исходит из единства сущности и явления, из того общего, высказанного Гегелем положения, что сущность должна являться и что явление существенно. Причем, в противоположность Гегелю, сущность у Маркса не является некоей метафизической идеалистической сущностью, чем-то вроде гегелевского понятия, лежащего в основе развития; категория сущности Марксом понимается как теоретическое выражение закономерностей, внутренних, существенных связей самого объективного мира, в данном случае капиталистического мира.

Он критикует классиков буржуазной политэкономии (Смит) за то, что они в своем исследовании допускают разрыв между сущностью и явлением, что эти последние живут сами по себе, по своим абсолютно самостоятельным законам. Смит, рассматривая какое-нибудь явление, исследует сначала внутреннюю связь, затем обращается к непосредственным явлениям, беря их вне всякой связи с сущностью. Так например стоимость и воплощенный в ней труд у него первоначально определяют всякий вид дохода (зарплату, прибыль, ренту), но благодаря неумению объяснить поверхностные явления из сущности он, наоборот, выводит стоимость из зарплаты, прибыли и ренты.

Маркс сумел объяснить внешние явления, возникающие на поверхности капиталистического способа производства, только потому, что он исходил, во-первых, из единства сущности и формы проявления, что он, исследовав глубочайшую внутреннюю связь капиталистических отношений, показал, какую форму проявления принимают эти существенные связи, он следова-

тельно выводил явление как движение сущности, ибо явление, по Марксу, относительно самостоятельно и свою основу имеет не в самом себе, а в сущности.

Поэтому такие явления, как заработная плата, прибыль, цена производства и пр., могут быть объяснены только из стоимости и прибавочной стоимости, причем все эти явления сами лишь суть превращенные формы внутренних сторон.

«Задача науки состоит именно в том,— писал Маркс Кугельману,— чтобы объяснить, как проявляется закон стоимости; следовательно, если бы захотели сразу «объяснить» все кажущиеся противоречиями закону явления, то пришлось бы дать науку раньше науки»¹⁾.

Вместе с тем Маркс исходил из того, во-вторых, что явления не совпадают непосредственно с их сущностью, так же, как и сущность не есть непосредственно явление. Они, выражаясь словами Энгельса, приближаются друг к другу, но никогда не встречаются.

Так, цена товара например выражает стоимость товара, но она (цена) никогда не совпадает со стоимостью, колеблясь вокруг нее, то приближаясь, то удаляясь от этой своей сущности.

Цена производства лишь приблизительно совпадает со всей стоимостью, норма прибыли — с нормой прибавочной стоимости и т. д.

Нельзя на том основании, что цена выражает стоимость, смешивать ее со стоимостью.

«Но хотя товар,— пишет Маркс,— имеет тысячу различных родов стоимости или тысячу различных цен, столько родов стоимости, сколько имеется товаров, вся эта тысяча выражений всегда представляет одну и ту же стоимость... Одно и то же отношение товара, о цене которого идет речь, выражается в тысяче различных «меновых отношений» ко всем различным товарам и все же всегда выражает одно и то же отношение. Следовательно, это отношение, которое остается себе равным, должно отличаться от своих тысячи различных выражений; или стоимость отличается от цены; и цены суть лишь выражения стоимости; денежная цена есть ее общее выражение, всякая другая цена особое выражение»²⁾.

Таким образом цена вообще есть лишь общее проявление стоимости, а конкретная цена есть конкретное проявление стоимости, но непозволительно смешивать в одну кучу стоимость и цену.

К этому Маркс еще добавляет, что «мы не приходим к выражению, пока не придем к единству, которое отлично от непосредственного бытия товаров».

Смешение сущности и форм ее проявления приводит к ошибочному решению важнейших вопросов.

Маркс критикует Смита, Рикардо и вульгарных экономистов за то, что они отождествляют прибавочную стоимость с отчужденными от нее формами прибыли.

Маркс доказывает всю ошибочность такого отождествления, которое затемняет источники прибыли и создает видимость каких-то особых самостоятельных источников различных форм прибыли. Критикуя автора одного памфлета, Маркс ставит его выше Рикардо только потому, что он не смешивает «всеобщую форму прибавочного труда» с ее «особенными формами». Но эту всеобщую форму прибавочного труда автор памфлета называет интересом капитала, и этого достаточно было для того, чтобы Маркс сделал следующее замечание: «Но название одной из этих особенных форм, интерес,

¹⁾ Письма Маркса и Энгельса, стр. 212, изд. 1931 г.

²⁾ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 115, изд. 1932 г.

он все же принимает как название общей формы. А этого достаточно, чтобы снова «запутаться в экономической тарбарщине»¹⁾.

Такое же понимание соотношения сущности и явления мы находим у Энгельса, который дает более широкую и обобщающую формулировку.

В одном из писем к К. Шмидту (от 12/III 1895 г.) он в ответ на непонимание Шмидтом соотношения между стоимостью и ценами производства пишет:

«Упреки, которые вы делаете закону стоимости, касаются всех идей, если их рассматривать с точки зрения действительности... И то и другое — и идея вещи (под идеей вещи Энгельс понимает общее, существенное, закон самих вещей.—*М. Р.*) и ее действительность—движутся рядом как две асимптоты (т. е. прямая линия, идущая рядом с кривой и никогда с ней не встречающаяся.—*М. Р.*), все время приближаясь друг к другу и никогда не встречаясь. Эта разница их обеих и есть та разница, которая делает то, что идея не является непосредственно без дальнейшего — действительностью, а действительность не есть непосредственно ее собственная идея»...

Далее Энгельс заявляет, что идея не является просто фикцией, как это думают Шмидт и др., только на том основании, что она, идея, не совпадает прямо без дальнейшего с действительностью. Это в свое время очень ярко высказал Гегель, когда он иронически писал, что случайные мысли конечно не имеют никакой цены, но они не становятся этим ниже «случайных действительностей», которые тоже не имеют иной цены кроме цены случайных явлений. Показав на примере стоимости и цены невозможность прямого совпадения идеи и действительности, Энгельс делает вывод:

«Другими словами, единство идеи и явления представляется в виде процесса по существу бесконечного и таковым оно является и здесь так же, как и во всех остальных случаях».

К этому Энгельс делает еще одну замечательную приписку о сущности и явлении в органическом мире.

«В тот день,— пишет он,— когда идея и действительность в органическом мире совпадут друг с другом вполне, в тот день — конец развитию»²⁾.

Маркс в некоторых местах «Капитала» так же, как и Энгельс, называет сущность, «внутреннюю организацию» капиталистического производства «идеальной средней»³⁾, понимая это в том смысле, что всякий закон существует только в приближении, в стремлении, в среднем, как говорит Энгельс.

Итак, сущность и явление суть единство, но нужно видеть различие обеих частей этого единства.

Существенные отношения капиталистического способа производства разветвляются, движутся в определенных явлениях, но они не есть непосредственно явления, так как они имеют тысячу форм проявления, причем эти последние носят в себе много случайного, несущественного (например в цене, зарплате, прибыли и т. д.), поэтому сведение сущности к какому-нибудь явлению означало бы извращение действительных закономерностей капиталистического производства.

Все это выдвигает одну чрезвычайно важную и интересную проблему. Это вопрос о посредствующих звеньях между сущностью и явлением.

Из установленного выше, согласно Марксу и Энгельсу, положения, что явление не совпадает непосредственно с сущностью, нельзя сделать вывода, что между сущностью и явлением нет никакой связи. Очевидно,

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 443, изд. 1931 г.

²⁾ Письма Маркса и Энгельса, стр. 411—414.

³⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 369, изд. 1923 г. Письма Маркса и Энгельса, стр. 212.

Маркса и Энгельса нужно понимать так, что между ними нет непосредственной прямой связи, что эта связь осуществляется через большее или меньшее количество посредствующих звеньев.

Известно, что буржуазные экономисты в свое время подняли свистопляску вокруг так называемого противоречия между первым и третьим томами «Капитала». Противоречие, по их мнению, состояло в том, что выведенная и обоснованная в I томе теория трудовой стоимости как закон движения капиталистического производства в III томе потеряла всякую силу и уступила место конкуренции как основному закону капиталистического производства. Основным теоретическим источником заблуждений буржуазных экономистов являлось непонимание того обстоятельства, что сущность не может непосредственно проявляться, что явления могут быть выведены лишь посредством массы промежуточных звеньев. Именно это заблуждение лежит в основе критики Маркса со стороны таких экономистов, как например Бем-Баверк, Ф. Петри, Струве и др.

По мнению Бем-Баверка явления капиталистического производства противоречат марксовой теории трудовой стоимости. Маркс, пишет он, должен «в конце концов признаться перед читателями, что в действительной жизни товары обмениваются и притом постоянно и необходимо не в соответствии с воплощенным в них рабочим временем, а то ниже, то выше этого соответствия, в зависимости от того, требует ли затраченный капитал большей или меньшей суммы средней прибыли или, говоря иначе, что рядом с рабочим временем затрата капитала является равносильным основанием, определяющим меновые отношения товаров»¹⁾.

Поэтому перед Марксом, продолжает критик, стоит трудная задача «представить своим читателям такое теоретическое объяснение явлениям, противоречащим его теории, которое явно и не сливалось бы вполне с его теорией трудовой ценности, но с другой стороны — все-таки не противоречило бы ей»²⁾.

Но это конечно Марксу не удалось, и его система поэтому представляет собою «в высшей степени искусно задуманный с бесчисленными этажами мыслей, возведенными при помощи сказочной силы к комбинированию, при помощи удивительной силы мысли поддерживавшийся — карточный дом»³⁾.

По мнению другого критика Маркса, Франца Петри, трудовая стоимость, выражающая внутреннюю связь товарного производства, является у Маркса некоей сверхметафизической сущностью, самостоятельным фактором, определяющим явления.

По Марксу, «ценность, — пишет он, — содержит в себе самой принцип своего движения и распределения», она «обуславливает путем какого-то мистического сверхиндивидуального, причинного ряда, протекающего вне сознания отдельных агентов производства, такую форму общественных отношений, по отношению к которой явления конкуренции обладают лишь мнимой независимостью»⁴⁾.

Приведем еще одну выдержку: «Общественная причинная обусловленность конкуренции, от которой зависит воля отдельного индивидуума, превращается в надобщественную метафизическую необходимость, от которой зависит конкуренция»⁵⁾.

Наш «отечественный» классик вульгарной экономии, превращающей теоретическую экономию в капиталистическую бухгалтерию, Струве тоже

¹⁾ Бем-Баверк, Теория Карла Маркса и ее критика, стр. 92, изд. 1897 г.

²⁾ Там же, стр. 192—193.

³⁾ Там же, стр. 127.

⁴⁾ Ф. Петри, Социальное содержание теории ценности Маркса, стр. 68, 1928 г.

⁵⁾ Там же, стр. 68.

в свое время совершал воинственные походы против теории трудовой стоимости Маркса.

Струве об'являл стоимость схоластической категорией, фантомом, некоей сверхестественной субстанцией, дающей бытие эмпирическим ценам, и сравнивал Маркса с Фомой Аквинатом и схоластиками вообще, которые эмпирические действия людей определяли как первородный грех.

Здесь ярко видно, как буржуазные экономисты действуют по известному, указанному Марксом принципу: они внутренней связи противопоставляют видимость явлений и их противоречие этой внутренней связи, делая из этого вывод о несостоятельности всяких законов, в частности — закона трудовой стоимости.

В действительности то пресловутое противоречие между первым и третьим томами «Капитала», о котором так много вопили буржуазные экономисты, объясняется тем простым обстоятельством, что явления, как они даны непосредственно на поверхности капиталистического производства, не могут прямо совпадать с законами, с внутренней связью капиталистического способа производства.

«Вульгарный экономист, — писал Маркс, — не имеет ни малейшего представления о том, что действительные обыденные отношения обмена и величин стоимости не могут быть непосредственно тождественными. Остроумие буржуазного общества состоит как раз в том, что для него аргюи не существует никакого сознательного общественного упорядочения производства. Разумное и естественно-необходимое проявляется лишь как слепо действующее среднее. А вульгарный экономист думает, что делает великое открытие, когда он разъяснению внутренней связи гордо противопоставляет тот факт, что в явлениях вещи имеют иной вид. И выходит, что он гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимает видимость за конечное объяснение. К чему же тогда вообще наука?» ¹⁾

Маркс в своем анализе капиталистического способа производства исходит из рассматривания внутренних закономерностей, скрытых за оболочкой внешних явлений. Установив эти внутренние закономерности, Маркс показывает, как они проявляются во-вне, почему они принимают такой характер и т. д.

«Превращение прибавочной стоимости в прибыль следует выводить из превращения нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, не наоборот... Прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости представляют относительно нечто невидимое, требующее раскрытия существенное, между тем как норма прибыли, а потому и такая форма прибавочной стоимости, как прибыль, обнаруживается на поверхности явлений» ²⁾.

Без такого опосредствования явлений через раскрытие их существенных связей явления необъяснимы; в противном случае исследователь обречен на пассивное следование за явлениями. Маркс совершенно резонно замечает, что только знание пределов стоимости и прибавочной стоимости составляет основу для уразумения, «каким образом конкуренция превращает стоимости в цены производства» и т. д.

В противном случае, говорит он, нельзя понять, почему конкуренция доводит общую норму прибыли до 15 проц., а не, допустим, до 1.500 проц. ³⁾.

Но опосредствование явления не есть простое непосредственное подведение явления под сущность, конкуренции под закон стоимости. Такое подведение является метафизическим рационализмом и ничего общего не имеет

¹⁾ Письма Маркса и Энгельса, стр. 212. Разрядка моя.—М. Р.

²⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, изд. 1923 г., стр. 17.

³⁾ Там же, стр. 296—297.

с методом Маркса. Методом подведения руководствовался например Рикардо, за что Маркс его и критикует.

Метод исследования Рикардо состоит в том, что он «исходит из определения величины стоимостей товаров рабочим временем и затем исследует, не противоречат ли остальные экономические отношения, категории, этому определению стоимости, или насколько они это последнее модифицируют»¹⁾. То-есть Рикардо пытается объяснить конкретные явления непосредственно, без всяких промежуточных звеньев, сущностью. Ошибочность этого метода Маркс видит в том, что «этот метод перепрыгивает через необходимые промежуточные звенья и стремится показать непосредственным образом совпадение экономических категорий между собою»²⁾.

Ниже будет показано, что такое понимание соотношения сущности и явления приводит к рационалистической, формальной абстракции и к самому грубому, ползучему эмпиризму.

Ошибочность и порочность такого метода приводят Рикардо к ряду грубейших ошибок в конкретных вопросах анализа капиталистического способа производства, и они фактически обусловили все те противоречия, которые имеются в его экономической системе. Приведем пример.

Рикардо отождествляет прибавочную стоимость и прибыль и предполагает среднюю прибыль данной.

Маркс упрекает его в этом и пишет, что, вместо того чтобы предполагать среднюю прибыль, нужно было бы исследовать, «насколько ее существование вообще мирится с определением стоимостей рабочим временем». Тогда бы, продолжает Маркс, он увидел, что она противоречит ему, следовательно «ее существование следовало развить при посредстве массы промежуточных звеньев,—развитие весьма отличное от простого подведения под закон стоимости»³⁾.

И Маркс снова и снова подчеркивает, что сущность и явление не так просто совпадают, что законы прибавочной стоимости не так просто и непосредственно применимы к законам прибыли.

В своих «Теориях» и в «Капитале» Маркс доказывает, что прибыль имеет свои относительно самостоятельные законы, но, разумеется, зависящие от законов прибавочной стоимости и определяющиеся этими последними.

Норма прибыли может падать или повышаться независимо от изменений в стоимости вследствие повышения или падения ренты, одна и та же масса прибыли возможна при изменяющейся норме прибавочной стоимости; далее, норма прибыли зависит от органического состава капитала при данной норме прибавочной стоимости; прибыль также зависит от умения, ловкости, экономности капиталиста и т. д.

Поэтому нельзя непосредственно и прямо вывести прибыль из стоимости. С другой стороны, если не связать посредством промежуточных звеньев норму прибыли с нормой прибавочной стоимости, то на сцену выступает вся мистичность капитала. Возьмем приводимый Марксом пример о влиянии оборота на торговую прибыль и торговые цены.

«Влияние оборотов купеческого капитала на торговые цены,—пишет Маркс,—обнаруживает явления, которые, если не произвести очень обстоятельного анализа промежуточных звеньев, как будто предполагают чисто произвольное определение цен, именно просто тем, что капитал вдруг решил получить в течение года определенное количество прибыли».

В чем же состоит анализ промежуточных звеньев? В том, что Маркс с точностью воспроизводит картину движения и кругооборота капитала, его

¹⁾ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I-я, стр. 11.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 19.

переход из одной сферы в другую, анализирует те влияния, которые претерпевает он при этом переходе, принимает во внимание усложняющие благодаря конкуренции обстоятельства и т. д. Причем все эти посредствующие звенья суть формы, в которых проявляются и развиваются существенные отношения капитала.

В приведенном примере Марксу нетрудно доказать вздорность такого представления относительно произвольного определения цены прибыли купеческим капиталом. Маркс в начале своего анализа установил, что стоимость и цена товара определяются рабочим временем, затраченным на его производство, и что прибыль своим источником имеет также не что иное, как прибавочную стоимость, г. е. неоплаченный труд. Далее, торговый капитал представляет собою обособившийся от промышленного капитала, со своими особыми функциями, капитал. Он есть дальнейшее развитие производительного капитала, его следующей исторически высшей ступенью. Отличие его от промышленного капитала в том, что он не участвует в создании стоимости и прибавочной стоимости, следовательно и прибыли, а раз это так, то и продажная торговая цена, являющаяся формой проявления стоимости, созданной в процессе производства, не может быть произвольно установлена торговым капиталистом. Стало быть и прибыль имеет свои пределы, установленные опять-таки не торговым капиталистом.

Для торговой продажной цены даже цена производства является наперед извне данным условием» (Маркс).

«Для торговца,—писал Маркс,—норма прибыли есть величина данная, определяемая, с одной стороны, массой прибыли, произведенной промышленным капиталом, с другой стороны,—относительной величиной всего торгового капитала, его количественным отношением к сумме капитала, авансированного на процесс производства и процесс обращения» ¹⁾.

Торговый капиталист может увеличить количество оборотов своего капитала, что окажет влияние на торговые цены товаров, но это влияние никак не может выразиться в том, что процент накладки на продажную цену устанавливается какой угодно. Поэтому влияние оборота сводится лишь к тому, по выражению Маркса, что данная годовая норма прибыли, устанавливаемая независимо от характера операции торгового капитала, «распределяется на массы товара одной и той же стоимости различным образом». То-есть если годовая норма прибыли 15-проц., то при пятикратном обороте делается накладка не более 3 проц. Но купец никак не может сделать накладку в 20 — 100 проц. Вульгарному же экономисту, как и купцу, кажется, что цены и прибыль устанавливаются произвольно.

Так Маркс, анализируя посредствующие звенья в движении капитала, раскрывает видимость явлений.

Исследуя например деньги как форму проявления стоимости, он показывает, что вся мистичность их заключается в том, что в деньгах как результате исчезло и не оставило никакого следа все посредствующее движение, приведенное к образованию денег.

И путем анализа различных форм стоимости и процесса развития обмена он восстанавливает все эти посредствующие звенья и раскрывает этим истинную природу денег.

Таким же способом Маркс раскрывает сущность промышленной и товарной прибыли, ренты, процесса накопления и воспроизводства, кризисов и пр.

Чем дальше от сферы производства отстоит явление, тем более оно мистифицировано, тем более скрыто все посредствующее движение. Это

¹⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, изд. 1923 г., стр. 293.

легко видеть на примере процента, форму которого Маркс называет «крайней мистификацией капитала».

«В этой форме стерты все посредствующие звенья и готова фетишистская форма капитала, так же как представление о капитале-фетише»¹⁾.

«В проценте,— пишет Маркс,— овеществленные отношения получают законченный вид, как отношение некоей вещи к самой себе. Производить стоимость, приносить процент, становится таким же свойством денег, как свойство грушевого дерева приносить груши»²⁾. И в этом случае Маркс вскрыл сущность процента как формы прибавочной стоимости, восстановив, так сказать, его родословную.

И здесь анализ посредствующих звеньев сводится к тому, что показывается исторический процесс обособления процента как формы прибавочной стоимости, вскрываются его питательные источники, и таким образом процент как явление с головы ставится на ноги.

Итак, противоречие между сущностью и явлением, выражающееся в их несовпадении, разрешается Марксом путем анализа посредствующих звеньев. Посредствующие звенья представляют собой различные ступеньки, формы товарного производства, исторически откладывавшиеся в процессе его развития, а также различные стадии в движении и круговороте капитала. Товарное производство, развиваясь, переходит от низших, еще не развитых, форм к все более и более высшим. Исторический процесс этого развития совпадает с все большим усложнением общей картины капиталистического производства; простая и случайная форма обмена и ослепляющий блеск процентного капитала—таковы два полюса исторического пути, проделанного товарным производством. Между этими двумя полюсами находится длинная лестница отложившихся форм товарного производства, которые составляют ступеньки исторического восхождения от простого товарного производства к капиталистическому и развитие последнего (сложная и всеобщая форма обмена, деньги, историческое развитие самих денег и их функций, процесс обращения, историческое развитие форм эксплуатации рабочих, исторический процесс накопления капитала, развития кредита, процента и т. д. и т. д.).

Разумеется, все эти исторические ступеньки в развитии товарного производства не есть явления, оторванные от сущности, которая где-то изолированно от них находится; напротив, они суть явления, в которых развивается сама сущность, т. е. реальные существенные отношения товарного производства, отношения все более и более углубляющихся противоречий капитализма, неизбежно разрешающихся на определенной ступени в пролетарской революции, в экспроприации экспроприаторов. Таким образом, из всего сказанного видно, что анализ посредствующих звеньев сводится преимущественно, во-первых, к восстановлению в мышлении исторически следующих друг за другом звеньев цепи развития товарного производства и, во-вторых, к воспроизведению порядка движения и кругооборота капитала и связи вытекающих друг из друга стадий этого движения. Поэтому неслучайно ход мыслей в «Капитале» совпадает в основном с историческим развитием самого капитала. Этот ход мыслей в «Капитале» Ленин прекрасно выразил в афоризме: «История капитализма и анализ понятий, резюмирующих ее»³⁾. В этом смысле теория познания, логика и диалектика совпадают в «Капитале», как об этом писал Ленин.

IV

Неправильное понимание связи и соотношения сущности и явления имеет своим результатом и является источником всякого рода — метафизи-

¹⁾ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 361.

²⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, изд. 1923 г., стр. 378.

³⁾ Лен. сб. XII, стр. 292.

ческого, идеалистического и сугубо эмпирического — способов рассмотрения предметов.

Рассмотрение явлений, совершающихся на поверхности вне всякой связи с сущностью, одно голое описание, рассказывание, каталогизация явлений способны схватить только внешнее движение, внешнюю группировку фактов, внешние, бросающиеся в глаза различия, и, наоборот, оставляют в тени внутреннее, существенное движение, внутренние различия и противоречия.

Этот же способ рассмотрения лишает всякой возможности познать внутренние связи явлений, обрекая исследователя на познание одних внешних связей, на метафизическое познание явлений как самостоятельных, независимых друг от друга, застывших, раз навсегда данных и не развивающихся. Простое и непосредственное подведение явлений под сущность дает, с одной стороны, рационалистическую, формально-абстрактную схему, в которую насильственно вгоняется все многообразие явлений, и, с другой стороны, выдает эти явления и эмпирические факты, в которых много случайного, наносного, несущественного, за самые внутренние, существенные законы.

Только с точки зрения диалектико-материалистического понимания соотношения сущности и явления можно правильно познать действительные закономерности какого-нибудь процесса и этот процесс в целом.

Маркс рассматривает каждое явление товарного производства как выражение или проявление внутренних противоречий. Самую простую элементарную клеточку товарного производства — товар он рассматривает как единство противоположностей, причем в этой клеточке в эмбриональном состоянии уже заключены все противоречия капиталистического способа производства.

Дальнейшее развитие товарного производства является развитием его внутренних, существенных противоположностей и образованием новых форм противоречий. Поэтому, исследуя какое-нибудь капиталистическое отношение, как оно дано на поверхности, Маркс за внешним различием и движением вскрывает его внутреннее, существенное различие и движение.

Это дает ему руководящую нить в исследовании, пользуясь которой, он застраховывает себя от смешения существенного и несущественного, внутреннего противоречия и внешнего различия.

Таким образом на поверхности явлений даны только внешние различия, или явления представляются просто как тождественные себе, без всяких различий.

Таково например деление капитала на основной и оборотный. В этом делении дано чисто внешнее различие, хотя это деление, как говорит Маркс, навязывается капиталисту как существенное различие.

Труд кажется простым тождеством, и те противоположности, которые он в себе содержит — абстрактный и конкретный труд, — на поверхности явлений скрыты, затушеваны.

Таким же тождеством представляется товар, хотя он в действительности является единством двух противоположностей — потребительной и меновой стоимости. Внутренние противоположности между капиталистом и рабочим, выраженные в прибавочной стоимости, в проявлении своем в форме прибыли даны как внешние различия между покупателем и продавцом (продажа по ценам выше издержек производства).

Действительное, внутреннее движение капитала, являющееся источником всех форм прибыли и в частности процента, в явлении дано как чисто внешнее движение ($D-D + d$) и т. д. и т. д.

На поверхности внешним образом явления существуют также вне связи, как самостоятельные.

«Действительный процесс производства, как единство непосредствен-

ного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые образования, в которых все более утрачивается нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают взаимно самостоятельное существование и составные части стоимости фиксируются в самостоятельных одна по отношению к другой формах»¹⁾.

Промышленная прибыль, торговая прибыль, земельная рента, проценты существуют как самостоятельные формы прибыли.

Сфера обращения, являющаяся по сути продолжением сферы производства и неразрывно с ней связанная, кажется абсолютно самостоятельной сферой, ничего общего с процессом производства не имеющей. Внутри самой сферы производства ее отдельные области также фиксируются как самостоятельные и независимые. Накануне самого жесточайшего экономического кризиса, вызываемого глубочайшими внутренними противоречиями капитализма, видимость явления самая спокойная, цветущая.

Кризис насильственно и самым наглядным образом доказывает внутреннюю связь и зависимость всех форм капитала.

«Внутренняя зависимость, внешняя самостоятельность приводят его к такому пункту, когда внутренняя связь вновь восстанавливается насильственно, посредством кризиса»²⁾.

Все эти факты подтверждают выставленное положение, что рассмотрение одних внешних явлений приводит к их метафизическому оскотлению, выхолащиванию их внутренних, движущих противоречий, обособлению друг от друга и т. д.

Маркс критикует отчасти классиков и особенно вульгарных экономистов за их доктринерское преклонение перед явлениями, за их способность схватывать лишь внешние различия и неумение познавать существенные источники движения.

Маркс прекрасно понимает классовую подоплеку этой неспособности, и каждый шаг, каждую ошибку этих буржуазных экономистов он объясняет классовой функцией, которую они выполняли в качестве идеологов буржуазии.

Непосредственные, поверхностные явления для вульгарного экономиста — самая родная стихия; и чем дальше от существенных сторон капиталистического производства он находится, тем лучше он себя чувствует. «Вульгарный экономист думает, — писал Маркс, — что делает великое открытие, когда он разъяснению внутренней связи гордо противопоставляет тот факт, что в явлениях вещи имеют иной вид. И выходит, что он гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимает видимость за конечное объяснение.

К чему тогда вообще наука?»

Вульгарный экономист, плавая в своей стихии поверхностных представлений, созерцая только внешние различия и связи, отделяет себя китайской стеной от познания существенных различий и противоположностей.

И в своей филистерской ограниченности вульгарные экономисты, как остроумно замечает Маркс, наивно изумляются, «когда то, что, как им казалось, они только что держали в руках как вещь, вдруг является в виде общественного отношения, а затем то, что они едва успели определить, как общественное отношение, опять дразнит их в виде вещи»³⁾.

Маркс критикует также и Смита и Рикардо, которые своим непосредственным подведением под сущность эмпирических фактов делают грубые метафизические ошибки.

Смешивая прибавочную стоимость с более развитыми формами при-

¹⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, изд. 1923 г., стр. 366.

²⁾ Маркс, т. III, ч. 1-я, изд. 1923 г., стр. 288.

³⁾ Маркс, К критике политической экономии, стр. 99.

были, они, как говорит Маркс, грубо набрасываются на данный эмпирический материал и интересуются только им. В таких случаях они сугубо эмпирики. И к этому их приводит неумение до конца вскрыть сущность капиталистических отношений.

Но конкретные явления не совпадают прямо с открытыми ими законами, прибыль противоречит закону стоимости, и тогда Смит и Рикардо оборачиваются спиной к явлениям действительности и во имя спасения своих законов извращают действительность, вгоняют ее в схему. В таких случаях они сугубо идеалисты, рационалисты, схоластики.

«Грубый эмпиризм,—говорит Маркс,—превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая с мучительным усилием старается непосредственно вывести из общего закона или объяснить согласно с ним посредством простой формальной абстракции неопровержимые явления эмпирической действительности»¹⁾.

Так мстит неправильное понимание соотношения сущности и явления. Или грубый эмпиризм и ползание на четвереньках, вслепую на поверхности явлений, и тогда — не познание законов, а видимость «автоматически действующего фетиша» — капитала. Или абстрактный формализм и метафизика, и тогда — та же видимость познания законов, но в несколько иной окраске.

Ко всему написанному следует еще добавить и то указание Маркса, Энгельса и Ленина, что неправильное понимание соотношения сущности и явления является одним из источников идеализма. В сознании и идеях затираются всякие следы посредствующего движения, результатом которого является сознание и идеи. Последние поэтому гипостазированы в самостоятельные сущности и делаются конечными причинами всего развития (ср. гегелевскую философию).

Это очень хорошо выражено Лениным в его отрывке о гносеологических корнях идеализма²⁾.

* * *

Выше мы пытались показать марксово понимание вопроса о сущности и явлении и противопоставили его пониманию точку зрения на этот вопрос буржуазных экономистов.

Но решение интересующей нас проблемы было бы неполно, неточно, следовательно неверно, если не рассмотреть ее с точки зрения классовой подоплеку или классовой роли, которую играют различные решения этой проблемы, тем более, что классовая точка зрения имеет непосредственное и прямое влияние на решение этой проблемы, впрочем, как и всякого теоретического вопроса.

Если с этой стороны подойти к вопросу, то легко понять, почему буржуазные экономисты — как классики, так и вульгарные экономисты — не могут дать правильного решения вопроса о сущности и явлении и почему только теория, выражающая точку зрения пролетариата, единственно может правильно его решить.

Эту сторону вопроса и Маркс, и Энгельс, и Ленин неоднократно со всей настойчивостью подчеркивали и объясняли во всех своих работах.

Правильное до конца решение этого вопроса означает смелое, безбоязненное, решительное, можно сказать революционное, проникновение внутрь капиталистического способа производства, раскрытие всех его источников и движущих сил, ясное и четкое установление отношений между классами и т. д. Но именно такой анализ капиталистического способа производства крайне невыгоден буржуазии; она больше всех заинтересована в том,

¹⁾ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 108.

²⁾ Лен. сб. XII, стр. 326, 327, 339.

чтобы эти сокровенные, тайные, скрытые, но существенные, главные углы находились в тени, не были осознаны, не стали достоянием сознания рабочего класса и трудящихся масс.

Поэтому буржуазные вульгарные экономисты, выдающие поверхностные явления капиталистических отношений за существенное, или классики, не до конца познающие это существенное и тоже нередко выдающие явления и видимость за сущность, делают это не только благодаря своей теоретической ограниченности или, как у вульгарных экономистов, теоретическому филистерству, но и благодаря прямой классовой функции, которую они выполняют в качестве представителей класса капиталистов (что и является причиной их теоретической ограниченности).

Здесь, правда, следует различать классиков буржуазной политической экономии и позднейших апологетов буржуазии. Маркс говорил, что основная заслуга Смита и Рикардо в том, что они пытались делать упор на существенное, основное и им более или менее удавалось притти к истинному положению вещей, хотя они это не формулировали сознательно.

Но «этого она (классическая политическая экономия) и не может сделать,—заявляет Маркс,—не сбросив своей буржуазной кожи»¹⁾.

В другом месте Маркс прямо говорит, что школа Рикардо по вполне понятным причинам обошла проблему прибавочной стоимости.

«Инстинкт,—говорит он,—совершенно правильно подсказал этим буржуазным экономистам, что очень опасно слишком глубоко исследовать жгучий вопрос о происхождении прибавочной стоимости» (там же, стр. 401). Именно этим, помимо всего, объясняется то, что буржуазный экономист знает только внешние различия, связи, отношения и т. п., а не внутренние связи. Это невыгодно капиталисту. Наоборот, «его интерес как раз заключается в том, чтобы окутать туманом это определенное отношение и эту внутреннюю связь» (Маркс).

Итак, «апологетическое невежество» (Маркс), боязнь подорвать господство буржуазии раскрытием внутренних связей, страх, как замечательно выразился Маркс, перед тем, что вдруг «получится соблазнительно неблагоприятный, с полицейской точки зрения, результат»,—вот одна из решающих причин неправильного решения проблемы сущности и явления буржуазными учеными.

Эту же сторону вопроса настойчиво подчеркивали Энгельс и Ленин.

Энгельс писал, что «неуклюжая кляча обывденного буржуазного разума растерянно останавливается перед рвом, отделяющим сущность от явления, причину от следствия» (Рецензия на «Критику» Маркса). Ленин в своей статье «Еще одно уничтожение социализма», направленной против экономической работы Струве «Хозяйство и цена», показывает, что поверхностность этой работы, сведение теоретической экономии на ступень капиталистической бухгалтерии, каталогизирующей обывательские представления буржуазии, есть по сути выражение боязни глубокого раскрытия капиталистических отношений и убегания от теоретического анализа.

Струве изгоняет законы из науки, ибо законы против капиталистов. Но «Изгнание законов из науки,—писал Ленин,—есть на деле лишь протаскивание законов религии». «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес деревьями,—вот классовый смысл того модного буржуазного скептицизма, той мертвой и мертвящей схоластики, которые мы видим у г-на Струве»²⁾

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1923 г., стр. 523—524.

²⁾ Ленин, т. XII, ч. 2-я, стр. 391, изд. 1-е.

Но такое бегство от теоретического анализа, особенно в эпоху загнивания капитализма, является главенствующей тенденцией буржуазной науки на известной ступени развития капитализма.

Маркс, Энгельс и Ленин были представителями и идеологами пролетариата. Здесь нет нужды доказывать, почему именно это обстоятельство позволило им вскрыть до конца и теоретически обосновать закономерности капитализма и указать дальнейшие пути его исторического развития.

* * *

Мы уже писали, что фетишизм капиталистических отношений и извращенная видимость этих отношений являются не просто плодом субъективных иллюзий, а имеют глубочайшие корни в самой капиталистической действительности.

Отсюда вытекает и этим обуславливается важнейшее положение Маркса, Энгельса и Ленина о роли практики в вопросе о сущности и явлениях. Это положение заключается в том, что для правильного объяснения явлений капиталистического способа производства и для уничтожения извращенной видимости товарных отношений недостаточно одной теоретической критики или одного теоретического раскрытия товарного фетишизма и вытекающей из него видимости. Весь этот фетишизм, вся эта «повседневная религия» капитала основываются на господстве буржуазии и материальной и духовной уничтоженности пролетариата и трудящихся масс, на разделении труда и «превращении личных сил (отношений) в силы вещественные» (Маркс и Энгельс), на частной собственности и идиотизме городской и деревенской жизни.

Поэтому только уничтожением этих реальных отношений, только революционной практикой приведения в соответствие производительных сил и общественных отношений, личных сил и вещественных сил, развеществлением первых и отнятием сверхестественных функций у последних, т. е., если перевести этот философский язык на политический, свержением диктатуры буржуазии и установлением диктатуры пролетариата, — только этим будут уничтожены товарный фетишизм и видимость «автоматически действующего фетиша» — капитала.

Практика пролетарской революции и социалистического строительства в СССР прекрасно подтверждает это положение марксизма-ленинизма. Уничтожение экономических и политических основ капитализма является одновременно процессом дифетишизации законов общественного развития.

Диалектический материализм, говорили Маркс и Энгельс, не вынужден гнаться, подобно идеализму, за какими-то категориями, он «остается постоянно на почве реальной истории, не объясняя практику из идеи, а объясняя идейные формации из материальной практики». В связи с этим, продолжают они, диалектический материализм «приходит к тому результату, что все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением в «самосознании» или превращением в «привидения», «призраки», «причуды» и т. д., а лишь практическим переворотом в реальных общественных отношениях, из которых произошли все эти идеалистические выверты; не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории»¹⁾.

Говоря о роли практики, нужно вообще отметить, что только с помощью практической деятельности можно проникнуть в сущность того или иного явления, отнять у действительности черты видимости и т. д.

С помощью одних теоретических рассуждений этого достигнуть нельзя.

¹⁾ «Немецкая идеология», «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 227.

Ленин указывает, что только в процессе изменения самой действительности, только тогда, когда категории, в частности такие, как сущность, явление и видимость, улавливаются практикой, только тогда познается объективная истина.

«Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира,— пишет он,— изменяет внешнюю действительность, уничтожает ее определенность» (меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само — в себе и само — для — себя сущей (объективной истиной)¹⁾.

Все эти высказывания Маркса, Энгельса и Ленина являются выражением революционной действительности их учения.

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 289.

О раздвоении единого и борьбе противоположностей как сути диалектики

М. Селектор

В учении о раздвоении единого, о развитии путем противоречия заключается, говорит Ленин, суть диалектики.

Каково же содержание материалистическо-диалектического учения о противоречии и почему именно оно является сутью диалектики?

Диалектика как наука о развитии представляет собою противоположность метафизики. Диалектическое мировоззрение явилось на смену господствовавшего до этого метафизического взгляда.

Метафизическое мировоззрение состоит в представлении о мире как об абсолютно неизменном и неразвивающемся. Все в мире, полагает метафизик, является постоянно равным самому себе. Никакого исторического развития ни в природе, ни в обществе нет. Метафизик имеет дело не с процессами, а с готовыми, законченными предметами. Метафизика, как определяет Энгельс, наука о вещах, а не о процессах.

Это не значит, что представители метафизических учений совсем на-
чисто отвергают наличие движения. Нет. Французские материалисты XVIII в.
например, один из недостатков материализма которых заключается именно
в том, что это был материализм метафизический, признавали движение не-
отъемлемым свойством материи, определяли движение как атрибут материи.
Нет, говорили они, материи без движения. Движение вечно и несотворимо,
как вечно, несотворима сама материя. Но это движение понималось ими ме-
ханически, как простое перемещение, как перемена места в пространстве
«Движение, — писал Гольбах, — это усилие, с помощью которого какое-нибудь
тело изменяет или стремится изменить свое местоположение»¹⁾.

И такое понимание движения не могло, во-первых, дать ключа к пони-
манию развития. Благодаря движению, учили французские материали-
сты, изменяется все существующее. Но это изменение выступало у них как
увеличение или уменьшение уже данного, как количественная и простран-
ственная перегруппировка имеющихся частиц материи — молекул. Есть эле-
ментарные однородные и совершенно неизменные частицы материи, различ-
ным количественным сочетанием и расположением которых и образуются
наблюдаемые в мире вещества и явления. Всякое тело возникает в резуль-
тате известной комбинации элементов, существует, растет, а затем распа-
дается, возвращая природе все те части, из которых оно было составлено.
И из этих частей складываются потом другие сочетания, другие тела. Так
идет вечный круговорот материи. Он совершается, как мы видим, в одном
неизменном, однородном и постоянно вновь повторяющемся круге. «Та-
ков, — пишет Гольбах, — постоянный ход природы; таков вечный круг, кото-

¹⁾ Гольбах, Система природы, «Библиотека материализма», стр. 17.

рый вынуждено описывать все существующее. Так, движение дает начало, сохраняет некоторое время и разрушает последовательно одну с помощью другой части вселенной, между тем как сумма существования остается всегда одной и той же»¹⁾. Сумма существования остается всегда одной и той же. Это значит, что ничего качественно иного не возникает. Смерть тела есть возврат к исходному пункту. Нет ничего нового под луной. Французские материалисты, несмотря на отдельные гениальные высказывания в этой области, в основном оставались беспомощными перед вопросами развития.

А затем представление французских материалистов о движении исключительно как о механическом делало недостаточно прочной и устойчивой почву и под самой проповедывавшейся ими идеей вечности движения, неразрывности материи и движения.

Французские материалисты доказывали, что природа получила движение из себя самой. Они решительно боролись против утверждений о первом толчке и о сотворении мира. Они горячо убеждали, что нет ровно никакой необходимости в привлечении какого-либо внешнего агента для объяснения возникновения движения. И вместе с тем, поскольку движение они понимали механически, поскольку следовательно движение каждого отдельного тела рассматривалось ими как результат воздействия на него других тел, а о всеобщем движении они говорили, что «всеобщее движение... возникает из всех частных движений, непрерывно сообщаемых друг другу телами»²⁾, постольку этим самым они, несмотря на все свое желание провести до конца, последовательно материалистическую точку зрения, оставляли лазейку для допущения некоего первого толчка, который изначально должен был привести вселенную в движение.

Французские материалисты дальше утверждали, что мир един. И подобное утверждение является правильным. Но само это единство они представляли опять-таки механически: мир рисовался им как простая сумма отдельных составляющих его тел. Между этими телами существует лишь внешняя, пространственная связь. Они связаны между собой наподобие того, как соединены в некое целое картофелины в мешке. В конечном итоге мир оказывался миром разрозненных вещей, каждая из которых отгорожена от другой, между которыми имеются лишь внешнее соприкосновение и механическое воздействие друг на друга. Как каждое единичное тело представляет собой сумму материальных частиц, точно так же и весь мир в целом — сумма отдельных вещей. Закономерности мира — это совокупность закономерностей образующих его частей.

Метафизическое мировоззрение оперирует с застывшими и изолированными предметами.

И логической основой этого мировоззрения является формальная логика с ее законами тождества, противоречия и исключенного третьего, являющаяся логикой покоя и логикой обособления. Тождество и различия стоят для метафизика на разных полюсах. Он имеет дело с конечными обособленными определениями, вращается в сфере неизменных, абсолютно отграниченных друг от друга противоположностей.

Метафизик мыслит законченными непосредственными противоположениями; речь его состоит из: «да—да, нет—нет; что сверх того, то от лукавого» (Энгельс).

Этим метафизическим взглядам противостоит диалектика, материалистическая диалектика.

✕ В чем суть материалистической диалектики? Материалистическая диалектика — это «учение о развитии в его наиболее полном»

¹⁾ Гольбах, Система природы, «Библиотека материализма», стр. 36.

²⁾ Там же, стр. 372.

глубоком и свободном от односторонности виде» (Ленин), учение, являющееся отображением законов движения материального мира, диалектики самой действительности.

Материалистическая диалектика учит, что мир един и единство мира в его материальности.

Материя неотделима от движения. Нет материи без движения, как и нет движения без материи. Движение обладает абсолютно всеобщим значением. Как говорит Энгельс, *causa finalis*, последняя причина всего сущего, это материя и присущее ей движение. Имеется само движение материи. Самодвижение присуще и материи в целом и отдельным частям материи, отдельным материальным телам.

Мало однако сказать, что движение является формой существования материи. Нужно понять правильно природу движения. Движение в применении к материи означает не просто перемещение, а изменение вообще. И притом изменение не только количественное, но и качественное. Движение материи есть развитие ее.

Но может быть двоякое понимание развития.

Одно представление о развитии состоит в том, что развитие сводится исключительно к увеличению или уменьшению. Развитие изображается как разворачивание тех зародышей, какие уже с самого начала имеются в предмете. Это — плоская, вульгарная эволюция, которая отнюдь не тождественна диалектике, от которой Ленин постоянно отграничивает диалектику, давая характеристику последней.

Имеется и другой взгляд на развитие, когда развитие берется как возникновение и уничтожение, уничтожение старого и возникновение нового, когда имеется в виду не только количественное изменение, но и качественное преобразование, превращение одного в другое. Это и есть диалектическое, единственно верное понимание развития. И Ленин указывает: «С «принципом развития» в XX веке (да и в конце XIX века) «согласны все». — Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское «согласие» есть того рода согласие, которым душат и опошляют истину. — Если все развивается, значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный рост, увеличение (соответственно уменьшение) и т. д. — Раз так, то, во 1-х, надо точнее понять эволюцию, как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы»¹⁾.

Как же совершается диалектическое развитие материи?

Оно есть прежде всего саморазвитие ее. Предмет сам из себя порождает новые, отрицающие его тенденции. Ленин в своих философских конспектах записывает такое определение диалектики: «Диалектика = «разрушение себя самого»»²⁾.

Разрушение себя самого проявляется в раздвоении предмета, в наличии в нем различных тенденций, внутренних противоречий, и эти «внутренние противоречия приводят к замене старого содержания новым, высшим»³⁾.

Наконец переход от одного качества к другому происходит путем скачка, путем превращения постепенных количественных изменений в качественное и в отрицание старого. И здесь опять-таки водораздел между диалектикой и вульгарной эволюцией. «Чем отличается диалектический переход от недиалектического?» — ставит вопрос Ленин. И отвечает: «Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности»⁴⁾.

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 185.

²⁾ Там же, стр. 267.

³⁾ Лен. сб. IX, стр. 49.

⁴⁾ Лен. сб. XII, стр. 237.

Мир — единство многообразия форм материального движения. Единая материя своим движением через внутренние противоречия порождает многообразные формы своего бытия. Мир — единство непрерывной материи и качественного ее многообразия, единство непрерывности и прерывности.

Материальный мир — это цельность. Это не сумма обособленных вещей. Все в нем находится в теснейшей и многосторонней связи и взаимозависимости. Ни одна вещь не может быть понята сама по себе. Она должна быть взята в связи с остальными. Каждая отдельная вещь является частью целого, и имеются всеобщие закономерности вселенной, которые по-разному выражаются в различных формах движения материи.

В мире нет, стало быть, застывших и изолированных предметов, а имеются материальные процессы и их взаимная связь. Все течет, все изменяется. Все возникает и уничтожается. Материя находится в беспрерывном круговороте. Не в таком круговороте, который замыкает движение в порочный неизменный круг, а в таком, где все преходяще, «в котором ничто не вечно; кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения» (Энгельс).

Этот единый и развивающийся материальный мир, мир текучести и универсальной связи необходимо правильно отразить в нашем сознании. Задача научного познания состоит в том, чтобы давать картину, адекватную объективной диалектике материальной действительности.

Здесь представляется необходимым сделать небольшое замечание в связи с теорией познания марксизма. Философия марксизма — это материализм. Марксизм стоит на позициях теории отражения. Теория отражения гласит, что мысль есть функция мозга; что ощущения и понятия — это образы внешнего мира, копии, снимки, порождаемые действием существующих вне нас и независимо от нас вещей на наши органы чувств; что, одним словом, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное (Маркс). Марксизм несовместим ни с каким отступлением и шатанием в сторону от материалистической теории отражения.

И материалистическая теория познания марксизма есть вместе с тем диалектическая теория познания. Философия марксизма — диалектический материализм. А это имеет тот смысл, что саму теорию отражения нельзя представлять мертво, застывше, механически. Ленин неустанно борется за диалектическое понимание теории отражения.

Что означает эта борьба?

Она означает, во-первых, обязательность исторического подхода к познанию. Нужно рассматривать познание как историю познания. Нет готового знания. От незнания человечество на основе своей практики идет к знанию, от неполного и менее точного знания к более полному и точному знанию. Наше познание может дать и дает нам объективную абсолютную истину. Но пределы нашего приближения к этой объективной абсолютной истине исторически условны. В каждый данный момент мы обладаем относительной истиной. История познания, познания абсолютной истины складывается из суммы относительных истин, которые все более и более приближают нас к полному и всестороннему отображению объективного мира.

Познание — процесс, процесс противоречивый, совершающийся диалектически. «Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоре-

чий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их»¹⁾).

Во-вторых, отражение объективной действительности нашим сознанием не является мертвым слепком и в том отношении, что копирование объекта нашей мыслью нельзя рисовать на манер простого щелчка фотографического аппарата.

Источником познания являются ощущения, порождаемые действием движущейся материи на наши органы чувств. Ленин воюет против какой бы то ни было недооценки роли ощущений для познания. «Иначе, как через ощущения, — пишет он, — мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения узнать не можем». Ощущения являются первым объективно истинным отображением внешнего мира. И неверно, что ощущения дают только «туманную неопределенность», только нерасчлененное единство мира. Уже в чувственном познании содержится возможность установления сходства, различия, элементов всеобщности.

Одних ощущений однако недостаточно для нашего познания. Требуются еще обработка и обобщение чувственных данных теоретическим мышлением. Задача познания состоит в том, чтобы за явлением вскрывать сущность, от менее глубокой сущности итти к более глубокой. А это невозможно без абстракций, без образования понятий и формулирования законов. «Подход ума (человека) к отдельной вещи, — указывает Ленин, — снятие слепка (= понятия) с нее, не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни»²⁾).

Понятие — высшая ступень познания. Именно через понятия, абстракции, формулирование законов мы постигаем общие закономерности природы и общества. Путь познания есть путь от непосредственного восприятия, от живого созерцания, от ощущений к теоретическому мышлению, к созданию абстракций, законов, а затем к проверке выведенных законов человеческой практикой.

В этом вопросе, в вопросе о соотношении между ощущениями и понятиями, марксизм-ленинизм ведет борьбу на два фронта: и против всякого рода идеалистических теорий и против всякого рода метафизических концепций. Он борется, с одной стороны, с уклоном в сторону рационализма, который изображает понятия, абстракции идеалистически, игнорирует материалистический характер абстракций, отрывает абстракции от ощущений и их основы — объективной реальности. Он бьет, с другой стороны, по эмпиризму, по метафизическому, механическому материализму, беда которого в том, что он не умеет применить диалектику к теории отражения, который рассматривает отражение внешнего мира в мозгу человека как снятие мертвого слепка, отказываясь и отмахиваясь от абстракций, понятий, законов.

После сказанного ясно, как должно выглядеть марксистско-ленинское отношение к логике и ее категориям. Логика — не выдумка, не просто некое вспомогательное орудие, которое помогает при мышлении. Логика имеет объективный характер. Категории логики суть отражения бытия, это — выражение закономерностей материального мира. Как пишет Ленин, «категории логики суть сокращения... «бесконечной массы» «частностей внешнего существования и деятельности»³⁾; это — ступеньки выделения человеческим сознанием окружающего мира. Логика — наука не о внешних формах мышления, а о законах развития природы, общества и самого человеческого мышления.

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 209.

²⁾ Лен. сб. XII, стр. 339.

³⁾ Лен. сб. IX, стр. 17.

Естественно, что для того, чтобы логика могла играть такую роль, ее категории должны быть верными, научными, т. е. правильно отражающими объективную реальность. Под этим углом зрения необходимо подвергнуть исследованию логические категории. В таком исследовании — отличие диалектической логики от метафизики, которая не анализирует, не проверяет своих категорий, а лишь догматически их перечисляет и описывает. Известно замечание Энгельса, что все виды рассудочной деятельности — индукция, дедукция, абстракция, анализ, синтез, эксперимент — по типу своему общи человеку и высшим животным, различаясь только по степени своего развития. «Наоборот, диалектическая мысль, именно потому, что она предполагает исследование природы самих понятий, — свойственна только человеку, да и последнему лишь на сравнительно высокой ступени развития»¹).

* * *

Мы выяснили, что мир — это совокупность находящихся во взаимном переплетении и сцеплении материальных процессов. Так вот встает вопрос: как выразить это всеобщее движение и всеобщую связь материального мира в категориях логики? Каковы должны быть категории логики, чтобы отразить диалектическое движение действительности? Ответ пока в общем виде гласит: материалистическая логика должна быть логикой противоречий, ибо движение в мире есть не что иное, как противоречивый процесс.

Возможна (и в истории философии мы наблюдаем ее) такая позиция: можно не отрицать за вещами движения, трудно не признавать вообще движения, если оно — чувственная достоверность. Можно, дальше, видеть, что движение содержит в себе противоречие. Но считать затем, что противоречие — нечто неистинное, невозможное, недопустимое, и на этом основании полагать неистинным и движение, относя его только к явлениям, тогда как сущность вещей-де неподвижна. Так именно и поступал греческий философ Зенон. В своем софизме о стреле Зенон рассуждал таким образом: если допустить, что стрела движется, то что это значит? Это значит, что во время движения она должна занимать определенные точки пространства, т. е. в каждый данный момент находиться в состоянии покоя. Получается апория. затруднение: стрела должна и двигаться, т. е. не быть в должном месте, и покоиться, т. е. находиться в нем. Это — противоречие. Противоречие же невозможно. И стало быть, движение невозможно, движения нет. Но ведь движение — факт. О наличии движения свидетельствуют наши чувства. Уже простая ходьба показывает движение. Как же это примирить с выводом о невозможности движения? В итоге Зенон пришел к следующему заключению: движение неистинно; оно только видимость, «мнение», а на самом деле в своей сущности мир не обладает реальным движением. «Зенон, — отмечает Ленин, читая «Лекции по истории философии» Гегеля, — и не думал отрицать движение, как «чувственную достоверность», вопрос стоял лишь «об его (движения) истинности... — (об истинности движения)»²). И Ленин расшифровывает смысл зеноновых апорий, вскрывает, в чем тут суть проблемы, указывая: «Сие можно и должно обернуть: вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий»³).

Речь идет о том, чтобы выразить противоречивость материального движения в логике понятий.

Может ли это сделать метафизическое мышление? Нет. Как оценивает метафизик движение? Он судит так: что такое движение? Движение означает, что тело сначала находилось в одном месте, затем перешло в дру-

¹ Энгельс, Диалектика природы, стр. 40.

² Лен. сб. XII, стр. 187.

³ Там же.

гое. Но совершенно очевидно, что в таком определении движения никакое движение в действительности не заключено. В самом деле: если тело находится сначала в одном месте, затем в другом, значит оно находится в одном из обоих мест, т. е. покоится. Не спасет также положения, если, объясняя движение, сказать: суть движения в том, что тело находится между двумя крайними точками. Тело снова в одном месте, оно покоится. Суть движения не в том, что тело сперва было в одном месте, потом оказалось в другом или что оно находится между ними. Это — итог движения. Если тело движется, то это значит, что в каждый данный момент тело и находится в этом месте и не находится в нем, находится в одном и том же месте и не находится в нем (Энгельс).

Движение — это противоречие. Понятно, что метафизическое мышление, не вмещающее противоречий, чурающееся их, будучи не в состоянии воспроизвести и движения, приходит в конечном счете к отрицанию движения. Метафизики «не согласны» с утверждением диалектики, что уже механическое движение представляет собой противоречие, ибо предмет в одно и то же время и тут и не тут. Нет, говорят они, все это — вымысел, «диалектический трюк». Никакого противоречия тут нет. Тело в один момент было в одном месте, в другой момент очутилось в следующем месте. Какое же тут противоречие? Под таким углом зрения «опровергает» и «разносит» Энгельса например В. Чернов в своих «Философских и социологических этюдах».

Что однако заключает в себе подобное представление о движении? Прежде всего оно передает результат движения, а не само движение. Если заявить, что тело было сначала в одном месте, потом перешло в другое, то это значит показать не само движение, а его последствие, итог. Затем если считать, что движение состоит в том, что тело в один момент находится в одном месте, в следующий момент — в другом месте, то это значит брать тело как покоящееся, рассматривать движение как сумму состояний покоя. Движения тогда нет, движение исчезает, пропадает всякая возможность движения¹⁾.

И если древний диалектик Зенон видел противоречивость движения, но отказывался признавать движение истинным, относил его только к видимости, то метафизика вообще отвергает наличие какого-либо противоречия в движении и тем самым совершенно убивает движение, делает его невозможным.

Материалистическая диалектика показывает противоречивость движения. В чем тут суть противоречий? В том, что движение материи означает единство пространства и времени. Движение — это единство непрерывности и прерывности. «Движение, — говорит Ленин, — есть сущность времени и пространства. Два основных понятия выражают эту сущность: (бесконечная) непрерывность и «пунктуальность» (= отрицание непрерывности, прерывность). Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий...»²⁾.

И необходимо обратить внимание на следующее: движение является живым целостным процессом. Мы же, воспроизводя его в мышлении, давая мыслительную копию с него, несколько разлагаем и тем самым упрощаем этот процесс. Предмет движется, а мы, осмысливая движение, анатомируя, так сказать, его, говорим: это значит, что предмет в один и тот же момент находится в данном месте и не находится в нем. Передавая движение в категориях мышления, мы неизбежно в некоторой степени омертвляем живой

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 193.

²⁾ Там же, стр. 191.

акт движения. «Мы не можем, — указывает Ленин, — представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, углубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия.

И в этом, — продолжает он, — суть диалектики. Эту-то суть и выражает формула: единство, тождество противоположностей» ¹⁾.

С другой стороны, совершенно невозможно передать суть движения кроме как логикой противоречия, кроме как формулой: единство, тождество противоположностей. «В абстрактных понятиях (и в их системе) нельзя иначе выразить принцип движения, как принципом тождества противоположностей» ²⁾.

Движение, взятое даже как простое перемещение, представляет собой противоречие, единство противоположностей. Если так обстоит дело с механическим движением, где никакого развития еще нет, то тем более это так в отношении качественного изменения, в отношении развития. Что означает качественное изменение вещей? Оно означает, что предмет является и самим собой и не собой, оно означает единство бытия и небытия. Предмет в каждый данный момент является и тем и другим. Он противоречив. Он представляет собой единство противоположностей. Причем противоречивость развивающегося предмета — не плод нашего мнения, не обман чувств, не видимость. Нет, противоречие свойственно самим вещам, самой сущности вещей. «В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей также» ³⁾.

В чем же более подробно содержание формулы — единство противоположностей?

Если взять к примеру цветной карандаш, составленный из двух половинок — красной и синей, то можно ли характеризовать этот карандаш таким образом, что так как, мол, в нем имеются две совершенно различных части, то поэтому он и представляет собой единство противоположностей? Конечно нет. Это — абсурд. Во взятом нами карандаше будет механическое объединение и пространственное сосуществование двух совершенно самостоятельных, независимых, хотя и противоположных, частей, соединенных под одной оболочкой. Никакого диалектического единства противоположностей, никакого противоречия в этом нет.

Правда, мнение о противоречии как о сумме двух самостоятельных сторон в предмете, такое мнение существует. Его мы встречаем у представителей мелкобуржуазного социализма, в частности у Прудона. По Прудону диалектическое противоречие кроется в том, что в каждой вещи можно различить две стороны: хорошую и дурную. Прилагая эту точку зрения к политической экономии, Прудон устанавливает затем, что каждая экономическая категория противоречива, т. е. является соединением хорошей и плохой сторон; добра и зла, выгоды и неудобства. И разрешение противоречия требует удаления одной из сторон — дурной и сохранения другой стороны — хорошей. Как известно, Маркс подверг сокрушительной критике это извращение диалектики, раскрыв «нищету» механистической и идеалистической философии Прудона.

В простом факте сосуществования и сведения воедино двух самостоятельных вещей противоречия нет. Противоречие начинается там, где есть

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 193.

²⁾ Там же, стр. 301.

³⁾ Там же, стр. 183.

раздвоение единого, где имеется взаимоотношение противоположностей, взаимопроникновение их на основе того, что одна противоположность порождает другую, ведя этим к развитию. Жизнь, скажем, сама рождает смерть. Жизнь — это форма существования белковых тел. Сущность жизни заключается в том, что белковое тело усваивает извне и перерабатывает одни вещества и выделяет другие, отжившие. В организме происходят постоянный обмен веществ и постоянное самообновление его составных химических элементов (Энгельс). В каждое данное мгновение всякое органическое тело является и таким, каким оно было раньше, и не таким. Одни клеточки в нем нарождаются, другие умирают. И без этого непрерывного созидания и разрушения невозможна сама жизнь. Жить таким образом значит вместе с тем и умирать. Жизнь необходимо связана со смертью, предполагает ее. Она представляет собой единство двух противоположных процессов — восстановления и умирания, ассимиляции и диссимиляции. Это — единство взаимопроникающих противоположностей.

Капитализм например сам подготавливает свое отрицание, свою гибель и материальные основы нового, социалистического общественного строя. Маркс указывает в «Нищете философии», что характер буржуазных производственных отношений отличается двойственностью, а вовсе не однообразием и простотой. С одной стороны, эти отношения производят богатство, в рамках этих отношений совершается развитие производительных сил капитализма, с другой — благодаря им же развивается нищета и растет сила угнетения. Развитие капиталистических производственных отношений знаменует, с одной стороны, рост капитализма, с другой стороны, эти же производственные отношения, именно как капиталистические производственные отношения, ведут к усилению противоречий буржуазного общества, создают условия, подготавливающие крах капитализма, укрепляют, организуют и воспитывают могильщика капитализма — пролетариат. В этом и заключается противоречие, ведущее вперед, к замене капитализма социализмом.

Мало, выходит, сказать: единство противоположностей. Нужно отметить, что это — раздвоение единого, что это — единство и взаимопроникновение противоположностей.

Притом противоположности, находясь в единстве, не только предполагают друг друга, но и исключают друг друга. Каждая противоположность связана с другой, требует ее бытия. Но в то же время каждая противоположность отрицает другую, требует ее «небытия». Жить — значит умирать. Это так. Но вместе с тем жизнь есть там, где нет смерти, жизнь организма продолжается до тех пор, пока не победила смерть, пока процессы умирания и распада не восторжествовали над процессом рождения и восстановления. Противоречие таким образом — это единство, взаимопроникновение и взаимоисключение противоположностей.

Это, стало быть, такое единство противоположностей, где имеется борьба между противоположностями. И Ленин указывает, что единство противоположностей условно, временно, преходяще, а «борьба же взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение».

Противоположные стороны и тенденции в предмете и явлении далее не являются какими-то застывшими, постоянными, всегда одинаковыми. Сами противоположности изменяются, развиваются. Соотношение между противоположностями, их острота и напряжение, характер того единства, в котором они пребывают, на разных ступенях развития различны и своеобразны. Это и нужно вскрыть и отразить при исследовании предмета.

На основе борьбы и развития противоположностей внутри вещи имеет место переход путем скачка в новое. И следует иметь в виду, во-первых, что

возникающее со скачком новое не есть просто равнодействующая двух ранее бывших противоположностей. Новое не является результатом того, что обе противоположности нейтрализовались, примирились и слились без остатка в некий общий поток. Скачок означает победу одной из противоположных тенденций в предмете и гибель другой, а вместе с тем и уничтожение старого предмета в целом и образование нового качества. С другой стороны, утверждение одной из противоположностей и гибель другой отнюдь нельзя представлять на манер того, что новое уже полностью складывается и выражает в старом. Скачок чреват тем, что элементы нового, бывшие в старом, в связи со скачком также преобразуются: элементы нового становятся теперь в полном виде новыми. Зародыш организма например не то же самое, что готовый и всесторонне функционирующий организм. Материальные предпосылки социализма, складывающиеся в лоне капитализма, отнюдь не то же самое, что действительное социалистическое общество. И т. д. и т. п.

В мире происходит непрерывное изменение, непрестанное развитие. А развитие означает раздвоение единого, наличие противоречия в предметах, означает, что предметы являются единством противоположностей.

Сказанным однако не исчерпывается полное уяснение сути закона единства противоположностей. Материальный мир — мир развивающийся. И этот мир един. В этом смысле Ленин говорит о двух принципах действительности: «I принцип развития... II принцип единства...»¹⁾. Он указывает: «Кроме того всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить со всеобщим принципом единства мира, природы, движения, материи и т. д.»²⁾.

А какой смысл имеет этот принцип единства мира на основе движения материи? Он означает, что каждое отдельное, существующее в мире есть в то же время так или иначе и общее. Каждое отдельное необходимо рассматривать как проявление общего. С другой стороны, общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Общее является сущностью отдельного. «Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему»³⁾. Из того, что мир един, вытекает, что каждый предмет является единством общего и особенного, т. е. единством противоположностей.

А затем принцип единства мира означает, что в мире все находится во всеобщей связи, что здесь имеется живая всесторонняя связь всего со всем. Каждая вещь на основе своей определенности стоит в самых разнообразных отношениях к другим вещам. И вследствие этого предмет является единством противоположностей: в отношении одного предмета он один, обладает одними свойствами, в отношении другого предмета он иной, показывает другие свойства. Ленин так и замечает: «Это остроумно и верно. Всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, ergo бывает самим собой и другим»⁴⁾.

Таким образом если, как устанавливает материалистическая диалектика, неизменных вещей нет, все в мире развивается, если, во-вторых, мир един и все в нем находится во всеобщей связи, то это и значит, что вещи сами в себе противоречивы и что основным законом нашего познания должно быть познание вещей как единства противоположностей. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущ-

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 187.

²⁾ Там же.

³⁾ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 302—303.

⁴⁾ Лен. сб. IX, стр. 105

ностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики» (Ленин).

* * *

Материалистическо-диалектический подход к исследованию явлений предполагает единство анализа и синтеза. Синтез—также непреходящий элемент диалектики. Без синтеза нет действительного диалектико-материалистического познания, причем диалектическое понимание синтеза в корне отлично от метафизического. В единстве анализа и синтеза лежит коренное отличие диалектики от софистики и эклектики. Софистика и эклектика не идут дальше того, чтобы заявить: «С одной стороны, предмету свойственно то, с другой стороны — это». И они путаются беспомощно между разными сторонами предмета. Материалистическая же диалектика, обнаруживая противоречивые тенденции в явлении, воспроизводит потом на этой основе явление в его целостности, конкретности и определенности.

Тут в целях дальнейшей характеристики закона раздвоения единого уместно поставить вопросы следующего свойства: допускает ли материалистическая диалектика ответы по формуле «или—или»? Или же ответы в духе материалистической диалектики должны всегда быть по типу: «и да и нет, да—нет, нет—да»? Не являются ли решения в форме «или да или нет» лишь известной данью формальной логики?

Существует мнение, будто материалистическая диалектика несовместима ни с каким иным выводом, кроме «и да и нет», а отвечая по методу «или—или», «или да или нет», мы целиком и полностью следуем формальной логике. Подобный взгляд развивает например такой «знаток и учитель» марксизма, как... Асмус.

По Асмусу выходит, что диалектическая логика отнюдь не подрывает позиций формальной логики, что эти две логики равноправны, и формальная логика должна быть непременно дополнением логики диалектической. Почему так? Потому, рассуждает Асмус, что деятельность людей—это деятельность практическая. В своем практическом действовании люди ставят перед собой определенные цели и пускают в ход определенные, более или менее устойчивые приемы и средства их осуществления. И эта определенность и конкретность человеческой практики предопределяют правомерность и необходимость применения законов формальной логики. «Именно потому, что в данном случае речь идет о решении, которое необходимо принять, о действии, которое нужно выполнить, — требуется полная определенность, а следовательно и самое решение и все вытекающие из него последствия должны соответствовать нормам формальной логики: закону противоречия, закону исключенного третьего и т. д.»¹⁾

То, что верно, продолжает Асмус, по отношению к человеческой практике вообще, справедливо в частности и в отношении социальной практики, а стало быть и в отношении политического поведения партии, ее стратегии и тактики. Общественная жизнь — жизнь практическая. История складывается из поступков людей, действующих в определенном направлении. И «вот на этой-то определенности, конкретности социального опыта, социальной практики и основана возможность и даже — в известных пределах — необходимость применения закона формальной логики: законов тождества, противоречия, исключенного третьего. Там, где мы должны принять практическое решение, осуществить практическое действие, часто не может и не должно быть места никаким колебаниям, никакой неопределенности. Нельзя одному человеку выйти из комнаты, в которой он находится, сразу через две двери. Здесь приходится дей-

¹⁾ Асмус, Формальная логика и диалектика. «ПЗМ» № 4, стр. 52, 1929 г.

ствовать согласно формуле закона исключенного третьего: или—или. Третье решение здесь невозможно»¹⁾. А затем Асмус переходит к тактике нашей партии и «доказывает», что когда во время дискуссии о Брестском мире Ленин говорил «мир», то он действовал по законам формальной логики, а Троцкий, который твердил «ни мира, ни войны», оставался в рамках логики диалектической. Троцкий — диалектик, а Ленин — сторонник формально-логических решений, — такова картина, нарисованная Асмусом. Какая пища для богов!

Лживость и фальшь этого вывода, какой получается у Асмуса, очевидны. И сам Асмус об этом видимо догадывается. Он спешит обставить свои рассуждения рядом оговорок. Он оговаривается, что диалектичность Троцкого была лишь внешней, видимой, что Троцкий зря в этом случае придерживался диалектики, ибо раз налицо была необходимость принятия практического решения, то следовало-де не мудрить и поступать согласно формальной логике, что благоразумно и сделал Ленин. Он оговаривается дальше (еще бы не оговориться!), что хотя Ленин, имея в виду практическое решение, и отказался от «неопределенности» и двусмысленности логики противоречий в пользу точности и определенности логики формальной, предпочел, дескать, формально-логическую синицу диалектическому журавлю, тем не менее он не отбрасывал вовсе диалектики. Диалектика у него была. В чем же? «Следует различать, — отвечает Асмус, — между определенным практическим решением и между основанием, из которого это решение — со всеми дальнейшими следствиями — вытекает... Формально-логическое — по отношению к практике ближайшего, непосредственно следующего исторического этапа — решение Ленина было диалектическим — по отношению ко всей практике в целом, по отношению к более широкому масштабу мировой борьбы пролетариата с буржуазией»²⁾.

Каков смысл всей этой «философии»? Она означает в первую очередь не что иное, как проповедь и оправдание одной из вреднейших догм II интернационала — разрыв теории и практики. Асмус в наиболее откровенном и прямо бьющем в глаза виде выразил то, что свойственно его учителям — меньшевистствующим идеалистам. Выходит, по Асмусу, что в общем, «в широком масштабе», по отношению к эпохе в целом анализ Ленина был диалектическим; практические же его решения и тактические шаги в каждом отдельном конкретном случае покоились на законах формальной логики. В своих теоретических изысканиях Ленин, выходит, применял диалектическую логику; когда же он спускался к политике, к тактике, к практической деятельности, тогда целиком руководствовался требованиями формальной логики. Для теории — диалектика, для практики — формальная логика, — вот что в общем итоге получается у Асмуса. Но что это, как не самый вопиющий отрыв теории от практики? Что это, как не издевательство над ленинизмом и превращение Ленина в дюжинного «героя» II интернационала?

В своих рассуждениях Асмус ссылается на Плеханова. И действительно, у Плеханова мы находим ошибочное решение вопроса о соотношении между формальной логикой и диалектикой.

В основе мира, говорит Плеханов, лежит материя. Материя движется, изменяется. И этим движением материи создаются более или менее устойчивые ее сочетания. Так вот, поскольку материя изменяется, мы обязаны судить о ней согласно логике противоречий: «да — нет, нет — да». Но каждый предмет и изменяется и существует. И поскольку он существует, мы должны судить о нем по формальной логике: «да — да, нет — нет». В целом:

¹⁾ Асмус, Формальная логика и диалектика, «ПЗМ» № 4, стр. 53, 1929 г.

²⁾ Там же, стр. 53.

«Поскольку данные сочетания остаются данными сочетаниями, мы обязаны судить о них по формуле: «да — да, нет — нет». А поскольку они изменяются и перестают существовать как таковые, мы обязаны апеллировать к логике противоречия; мы должны говорить, рискуя навлечь неудовольствие гг. Бернштейнов, Н. Г. и прочей метафизической братии: «и да, и нет, и существуют, и не существуют»¹⁾).

Такое распределение функций между логикой формальной и логикой диалектической показывает, во-первых, неправильное понимание соотношения между движением и равновесием. У Плеханова получается: с одной стороны, — движение, с другой — равновесие. Упуская из виду, что движение само включает в себя равновесие, что движение неотделимо от равновесия, он создает равноправие двух логик: момент движения охватывается законами диалектики, момент покоя — формальной логикой.

Этим самым затем получает уродливый и искаженный вид сама диалектика. Выходит, что если мы хотим получить определенный ответ, тогда должны действовать согласно формальной логике; логика же диалектическая имеет в своем распоряжении только неопределенные ответы: «да — нет, нет — да». Диалектика объявляется тождественной колебаниям и неопределенности. Диалектика по существу сводится к той ее форме, в какой она выступает у Кратила, учившего об абсолютной текучести вещей, не видевшего в движении момента относительного равновесия. Понятно, что на почве такой диалектики, превращающейся в софистику, никакие, не то что определенные решения, но вообще какие-либо суждения невозможны. Показателен в этом отношении пример того же Кратила, о котором рассказывают, что он в конце концов отказался даже называть вещи на том основании, что пока название вещи будет произноситься, сама вещь уже успеет измениться. И потому Кратил только указывал быстро на предметы пальцами.

Подлинная материалистическая диалектика марксизма отлична от этого однобокого, одностороннего взгляда. Марксизм-ленинизм видит единство движения и равновесия. Относительно устойчивые сочетания материй необходимо познать в их цельности на основе вскрытия противоречивых сторон, вскрывая то, что является в них решающим, определяющим на данной ступени развития.

Приведем лишь один пример для иллюстрации.

Как известно, Р. Люксембург отрицала возможность национальных войн в эпоху империализма по тем соображениям, что-де в условиях империализма всякая национальная война неизбежно должна превратиться в империалистическую. Что на это отвечал Ленин? Он писал: «Основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистическую и обратно». И вместе с тем «только софист мог бы стирать разницу между империалистической и национальной войной на том основании, что одна может превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа данного в его обстановке и в его развитии»²⁾).

Марксизм-ленинизм видит свою задачу в том, чтобы не только правильно

¹⁾ Плеханов, Предисловие к кн. Энгельса «Л. Фейербах», изд. 1931 г., стр. 22.

²⁾ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 181.

но объяснять мир, но и преобразовывать его. И потому определенные решения — и именно на почве и основе материалистической диалектики — не только возможны, но и необходимы.

«Спорьте о тактике, — пишет Ленин, — но давайте ясные лозунги!» «Спорить о тактике необходимо. Но обязательно при этом добиваться полнейшей ясности. Вопросы тактики — это вопросы политического поведения партии. Обосновывать то или иное поведение можно и должно и теорией, и историческими справками, и анализом всей политической ситуации, и т. д. Но партия борющегося класса обязана при всех этих спорах не упускать из виду необходимости совершенно ясных, не допускающих двух толкований ответов на конкретные вопросы нашего политического поведения: да или нет? делать ли нам теперь же, в данный момент то-то или не делать?»¹⁾

Партия пролетариата, вооруженная учением Маркса, стоящая на позициях диалектического материализма, может и должна давать определенные ответы на определенные вопросы.

Значит ли это, что те практические решения, которые принимали Маркс, Ленин, какие принимает наша партия под руководством т. Сталина, сейчас являются хоть в какой бы то ни было степени решениями формально-логическими? Можно ли утверждать, что если Ленин приходил к выводу «да или нет», то он поступал тут по законам формальной логики? Конечно нет. Только человеку, совершенно незнакомому с теорией диалектики и с основами тактики нашей партии, может взбрести на ум подобная мысль. Разве Ленин рассуждал на такой образец: революция в России, скажем, по своему классовому характеру буржуазная, а потому и к власти должна притти буржуазия? Всякий знает, что нет. Если бы дело обстояло так, тогда налицо действительно был бы пример формально-логического заключения, чем, как известно, и пробавлялись меньшевики.

Ленинские решения, ленинская тактика были совсем иного свойства. Из чего исходит Ленин при намечении тех или иных тактических шагов? Прежде всего, из всестороннего учета многообразия объективной действительности, рассматривая ее во всех ее связях и опосредствованиях. Он вскрывает все заложенные в ней противоречия и дает точный анализ имеющегося соотношения классовых сил. Причем обстановка берется в развитии, оценивается не только с точки зрения прошлого и настоящего, но и с точки зрения будущего, не только с точки зрения того, как и куда классы двигаются сейчас, но и с точки зрения того, как и куда они пойдут в дальнейшем (Сталин). Во-вторых, Ленин подходит к этой действительности под углом зрения практики революционной борьбы рабочего класса, с меркой того, что нужно для этой борьбы. Без такого критерия практики, без связи «с определенными задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории», подчеркивает Ленин неустанно, нет диалектики.

И вот, если взять эти два момента: рассмотрение всех особенностей всего своеобразия и противоречивости обстановки, а затем приведение этого анализа в связь с тем, что нужно рабочему классу для достижения его классовых целей, то в своей совокупности они и подводят к той проблеме, которая является одной из основных в большевистской тактике, — проблеме выбора звена. «Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену»²⁾.

Марксизм-ленинизм не отказывается от определенных решений, но самые эти решения должны быть диалектическими. Далеко не достаточно просто сказать «да» или «нет». Надо из всей сложной цепи явлений выбрать то

¹⁾ Ленин, Соч., т. VIII, стр. 216.

²⁾ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 466.

центральное звено, которое, обеспечивая наилучшим образом разрешение всех очередных задач революционной борьбы пролетариата, вместе с тем подготавливало бы переход к следующему этапу и осуществление в дальнейшем конечных классовых интересов пролетариата. Выбор звена и есть специфически диалектический метод дачи точных конкретных решений по конкретным вопросам. Но разве это по плечу формальной логике? Что тут общего с теми односложными, серыми, одноцветными, «простыми» ответами, какие предлагает формальная логика, вращающаяся в кругу тощих силлогизмов и черпающая свою мудрость в дедуцировании ее из общих абстрактных истин, общих абстрактных положений?

На нескольких примерах покажем, каков характер ленинских ответов на те вопросы, какие ставила и ставит перед нашей партией практика классовой борьбы пролетариата.

Возьмем тактику большевизма на первом этапе русской революции, когда на очереди дня стояла борьба против царизма, свержение самодержавия. Предстоящая революция, говорил Ленин, является по своему содержанию буржуазной. Она имеет своей непосредственной задачей сметение абсолютизма, ликвидацию пережитков средневековья, крепостничества в политическом и экономическом строе страны. И вместе с тем в качестве центрального лозунга борьбы Ленин выставляет лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Почему так? Потому, что свою тактику Ленин строит не на основе оперирования общим понятием «буржуазная революция». Он воюет против схематизма и формализма меньшевиков, которые не шли дальше того, чтобы установить, что революция — буржуазная. А раз так, раз революция буржуазная, то и делать ее следовательно должна буржуазия и власть должна перейти к буржуазии. Такой метод определения тактической линии, когда ответ на животрепещущие вопросы момента отыскивается «в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции» (Ленин), Ленин называет опошлением марксизма, насмешкой над диалектическим материализмом. Он требует конкретного рассмотрения конкретной обстановки. Вместо разговоров о буржуазной революции вообще он настаивает на анализе и анализирует особенности данной, русской, буржуазной революции.

Каковы же эти особенности? Во-первых, та, что русская буржуазная революция назревала в эпоху сравнительно высокого развития капитализма в России, когда в пределах одной нации существовали уже две нации, когда в недрах самодержавно-крепостнического строя шли уже две социальных войны: война народа против самодержавия, за демократию и война пролетариата против буржуазии, за социализм. А это обстоятельство обуславливало и соответствующую расстановку классовых сил. В таких условиях победа буржуазной революции становилась невозможной как победа буржуазии. Буржуазия не могла быть движущей силой буржуазной революции, ибо, чувствуя за своей спиной пролетариат, она опасалась развязывания массового движения, боялась, как бы это не помогло рабочим «переложить ружье с одного плеча на другое»; она стремилась к срыву революции, тянулась на соглашение с царизмом. Последовательным и главным борцом против самодержавия мог быть только пролетариат.

Другая специфическая черта русской буржуазной революции заключалась в том, что это была революция крестьянская. Ось этой революции составлял аграрный вопрос. А это значило, что крестьянство, все крестьянство, выступало как союзник пролетариата в борьбе против феодальных пережитков, могло под руководством пролетариата идти на штурм самодержавия. Русская буржуазная революция являлась таким образом революцией буржуазно-демократической.

Наконец, буржуазно-демократическая революция в России развертыва-

лась в такое время, когда весь мир оказался уже опоясанным цепью империализма, когда Россия представляла собой одно из звеньев этой цепи и царизм был не чем иным, как военно-феодальным империализмом. А это означало, что «кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм» (Сталин); революция против царизма сближалась с революцией против империализма.

И учитывая своеобразие буржуазной революции в России, Ленин, борясь со схоластикой и соглашательством меньшевиков, с формализмом и авантюризмом троцкизма, применяя и развивая дальше марксову теорию революции, настаивает на гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, на союзе пролетариата с крестьянством, строит свою тактику в том направлении, чтобы обеспечить перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. И все это концентрировалось в центральном пункте — в лозунге революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

В чем смысл этого лозунга? Прежде всего, этот лозунг звал к осуществлению союза рабочих и крестьян под руководством пролетариата, союза тех именно классов, какие могли совершить революцию вопреки соглашательству и предательству буржуазии. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства должна была явиться в руках рабочих и крестьян оружием для подавления сопротивления самодержавия, для отражения контрреволюционных попыток свергнутых классов, оружием для того, чтобы не только вместе бить, но и разбить и добить старый порядок. Далее, установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства гарантировало наиболее полное доведение до конца буржуазно-демократической революции, наиболее решительное искоренение остатков крепостничества; она осуществила бы максимум демократических преобразований и демократических свобод, провела бы расправу со старым строем помещейки, по-якобински. Наконец революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, завоевание власти рабочими и крестьянами при руководящей роли пролетариата — означало бы победу над царизмом и совершение буржуазной революции такими способами и в такой форме, которая бы не только самым последовательным образом доводила до конца буржуазно-демократическую революцию, но делала бы это так, что вместе с тем подготавливала и обеспечивала переход на следующую, высшую ступень — к революции социалистической.

Ленин, как мы видим, дает ясные, четкие, не оставляющие места ни для каких сомнений лозунги. Он намечает определенную программу действий. Но кто же кроме безнадёжных формалистов и схоластов осмелится назвать эту программу формально-логической? И важно отметить в ленинском решении не только то, что оно, покоясь на исключительно мастерском, всестороннем анализе особенностей обстановки, указывает тот узел, в котором завязывается выполнение всех задач данного этапа революции. Нужно обратить внимание еще на одно обстоятельство. Асмус упирает на то, что нельзя сразу выйти через две двери. Ленин тоже не собирается выходить одновременно через две двери. Он не имеет также в виду пропустить одну из них. Но он учитывает все противоположные тенденции, явления и строит свою тактику так, чтобы, входя прочно в одну дверь, тут же подготовить себе дальнейший проход и в другую дверь.

Понятно, что такое решение и такой метод действия никак не вменяются в рамки формально-логического мышления. Понятно, что меньшевики, порвавшие с диалектикой марксизма, засевшие глубоко в плену у формально-логических силлогизмов, должны были обвинять Ленина, говорившего, что революция имеет буржуазный характер, и выставившего вместе с тем лозунг революционно-демократической диктатуры, в непоследовательности,

неспособности к логическому мышлению вообще. Вот что писал например по поводу ленинской тактики Плеханов:

«Но если только злые реакционеры или безнадежно больные дон-кихоты могут теперь стремиться к тому, чтобы задерживать развитие капитализма, то как назвать тех людей, которые, осуждая реакционные попытки такого рода в области экономических отношений, своей тактикой мешают нашей буржуазии добиться политической власти? Вы можете называть их как хотите, но я категорически утверждаю, что вы не имеете права называть их людьми, одаренными способностью к логическому мышлению. «Wer A sagt, muss auch B sagen» — говорят немцы. А эти мыслители, с увлечением произнося А, с таким же увлечением отказываются произносить Б. Одна нога их ведет в одну комнату, другая — в другую»¹).

Разумеется, с точки зрения формальной логики, гнев Плеханова вполне справедлив. Если подходить единственно с меркой законов формальной логики, тогда можно считать, что Ленин действительно к такому логическому мышлению «неспособен». Но дело-то в том, что Ленин — марксист. А логика марксизма — это логика диалектическая. Следовать же диалектической логике вовсе не значит повторять по-школьному, что за А идет Б. Быть диалектиком в политике значит произвести всесторонний учет конкретной ситуации, обнаружить все ее специфические черты, памятуя, что «порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи» (Ленин), и уцепиться за такое звеношко, выставить такой лозунг, который подводил бы к разрешению всех текущих задач, стоящих перед партией, и гарантировал бы дальнейший переход к следующему звену.

Или рассмотрим другой пример: вопрос о взаимоотношениях пролетариата со средним крестьянством в период социалистического строительства. Средний крестьянин — труженик. Вместе с тем он собственник. Что же наша партия исходит из того, что середняк или труженик или собственник (так именно поступают, с одной стороны, правые уклонисты, с другой — контрреволюционные троцкисты)? Нет, она учитывает обе противоположные стороны, видит двойственную природу середняка. Возможны ли на этой основе определенные решения? Возможны и даны. Крестьянство несоциалистично по своему положению. Но при наличии диктатуры пролетариата, под руководством рабочего класса оно может пойти и идет по социалистическому пути. Имея однако в виду, что у крестьянина-середняка две души — душа трудящегося и душа собственника, нужно найти особые пути и формы социалистической его переделки. Отсюда ленинский кооперативный план, план массового вовлечения трудового крестьянства в кооперацию, которая, давая соединение частного интереса крестьянина с интересом общественным, обеспечивает возможность включения трудового крестьянина в дело социалистического строительства, обеспечивает переход мелкого собственника к социализму, минуя капитализм. Отсюда политика сплошной коллективизации, проводимая нашей партией. Отсюда указание партии на то, что «основное звено колхозного движения, его преобладающую форму в данный момент, за которую надо теперь ухватиться, представляет сельскохозяйственная артель»²). Ибо, придя в колхоз и коренным образом изменив свою социальную природу, крестьянин еще не стал социалистом. Требуется еще упорная работа по его социалистической переработке. И именно артель является той формой колхозного строительства, которая наиболее простым и понятным крестьянину способом соединяет общественный интерес с интересом частной жизни колхозника.

¹) Плеханов, Письма о тактике и бестактности, Соч., т. XV, стр. 135.

²) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 468, изд. 9-е.

Нечего и говорить, что, когда Ленин во время Бреста стоял за мир, то это означало: мир для революционной войны, отступление для перехода затем в наступление, уступить пространство, чтобы выиграть время, пойти на компромисс с германским империализмом, чтобы накопить силы и разложить мировой империализм. Заключение мира являлось тем звеном, за которое надо было ухватиться, чтобы сохранить и упрочить советскую республику в России как базу и опорный пункт для развертывания мировой пролетарской революции. Ленинское решение было всецело диалектическим. А в позиции Троцкого «ни мира, ни войны» никакой диалектикой и не пахло. Только слепые могут не видеть, что ничего, кроме пустой софистики, «левого» фразерства и политической бесхарактерности, за этой позицией не скрывалось.

Число таких и подобных им примеров можно было бы увеличить в огромной степени. Пришлось бы изложить всю историю большевизма, ибо вся большевистская тактика представляет собой плод применения материалистической диалектики к решению вопросов классовой борьбы пролетариата.

Марксизм-ленинизм вскрывает имеющиеся в предмете противоположности, противоречия, но он умеет вместе с тем сочетать эти противоположности и дает ясные и отчетливые лозунги, зовущие массы в бой, мобилизующие и организующие их на борьбу, прокладывающие путь к победе.

И наоборот, характерной чертой всякого оппортунизма являются его расплывчатость, неопределенность, неуловимость. Под видом диалектики оппортунист преподносит такого рода рассуждения: «с одной стороны—с другой стороны», «постольку—поскольку», «ни то—ни другое», «нельзя не признать, но вместе с тем нельзя и не сознаться». Оппортунизм не дает ясных перспектив, не указывает прямых целей борьбы, он предает рабочий класс, осуждает его на пассивность, связывает его волю. А в методологическом отношении это означает замену диалектики софистикой, эклектикой, гнилым, бесплодным скепсисом.

Материалистическая диалектика ничего общего не имеет с этим. Ленин указывает: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом, как важнейший свой элемент,—нет, а отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики»¹⁾.

* * *

Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Будучи теорией и тактикой пролетарской революции вообще, теорией и тактикой диктатуры пролетариата в особенности, он вместе с тем представляет собой дальнейшее развитие марксизма во всех его составных частях. Является он новой, высшей ступенью и в области философии марксизма—диалектического материализма. «Метод Ленина является не только восстановлением, но и дальнейшей конкретизацией и развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики» (Сталин).

«Ленин был и остается самым верным и последовательным учеником Маркса и Энгельса, целиком опиравшимся на принципы марксизма» (Сталин). Именно опираясь целиком на принципы марксизма, на метод Маркса, Ленин конкретизирует и развивает все категории и законы материалистической диалектики и «суть» ее—закон единства противоположностей. В чем состоит развитие им этого последнего? В том прежде всего, что, производя диалектико-материалистический анализ закономерностей новой эпохи, эпохи империализма, с ее глубокими и многосторонними про-

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 267. 45. 216

творениями, Ленин на этой основе обогащает закон противоречия, раскрывает его содержание, выводит наружу новые типы противоречий, новые формы борьбы противоположностей, их переходов друг в друга и пр. У Ленина мы имеем дальнейшую теоретическую разработку закона противоречия. Ответ на вопрос, каково существо и направление этой разработки, дается общим содержанием ленинского этапа в развитии материалистической диалектики, общим определением того нового, что внес Ленин в методологию марксизма. Ленин разрабатывает диалектику как философскую науку, как логику и теорию познания. В этом духе он подходит теоретически и к закону раздвоения единого.

Продолжая дело Маркса—Энгельса (мы видим, как поразительно совпадают сплошь и рядом даже словесные формулировки Энгельса в «Диалектике природы» с записями в философских конспектах Ленина, не читавшего «Диалектики природы»), Ленин показывает, во-первых, с у б о р д и н а ц и ю законов материалистической диалектики, вскрывая их связь, единство и роль каждого из них в даче цельного отображения диалектического движения, объясняя вместе с тем, почему именно закон единства является ядром, центром диалектики и как должны выглядеть, как нужно трактовать остальные законы в свете этой сути диалектики.

Он разворачивает, во-вторых, логическую структуру самого закона единства противоположностей, дает характеристику его элементов, показывает, как и при каких условиях становятся тождественными противоположности, почему условием познания материальных процессов в их самодвижении является познание их как единства противоположностей, почему «ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» (Ленин), обнаруживает, к чему приводит то или иное неправильное толкование закона единства противоположностей, отгораживая диалектику и от метафизики и от эклектики, софистики, скептицизма, — одним словом, выясняет, какой вид должен иметь этот закон, как нужно его верно понимать, чтобы получить истинное отображение диалектического, противоречивого развития материи.

* * *

Переход количества в качество, указывает Ленин, является примером перехода в противоположность через единство и борьбу противоположных тенденций внутри вещи. И это указание ведет на определенный путь в понимании самого перехода количества в качество.

Как стоит вопрос у Гегеля? Заслуга Гегеля в том, что он поставил проблему качества, показав взаимообусловленность количества и качества, переход количества в качество, перерывы постепенности, скачки. Но Гегель — идеалист. Его логика носит онтологический характер. Материальный мир является отблеском движения абсолютного понятия. Абсолютное понятие в своем движении порождает различные категории, а порядок ступеней в природе и обществе соответствует порядку развития категорий в логике. Категории же эти идут у Гегеля в такой последовательности: качество, количество, мера, сущность, явление и пр. То-есть качеством Гегель занимается в отделе о бытии, противоречие же появляется у него лишь позднее — в сущности. В силу своего идеализма Гегель неспособен дать вполне верное изображение перехода количества в качество.

Возьмем классический пример с водой. Как его изображает Гегель? «С одной стороны, — пишет он, — количественные определения наличного бытия могут изменяться, а его качество не претерпит благодаря этому никакого изменения, и с другой — это безразличное возрастание и уменьшение

имеет, однако, свою границу, переход которой изменяет и качество. Так, например, степень температуры воды сначала не оказывает никакого влияния на ее капельно-жидкое состояние, но затем при возрастании или уменьшении температуры достигается точка, на которой это состояние сцепления качественно изменяется, и вода переходит, с одной стороны, в пар и с другой — в лед» (Гегель). Гегель прав по сравнению с теми, кто утверждает, что природа не делает скачков, кто считает, что вода при своем превращении в лед делается сначала студенистою и постепенно затвердевает. Он выделяет и подчеркивает значение перерывов постепенности, скачков.

Переход количества в качество совершается на основе самодвижения предмета, через раздвоение единого. А это значит, что само качество вещи в процессе происходящих в нем количественных изменений надо брать «не без движения, не без борьбы». Борьба противоположных тенденций в пределах данного качества, приводя в конечном итоге к скачку, обуславливает постоянное движение вперед и на всем протяжении до скачка. Конечно до момента скачка данное качество не уничтожается, не исчезает, остается определенным качеством. Но оно не пребывает в безразличии к количеству.

Имеют место изменения внутри качества. Есть различные ступени развития самого качества. Вода до точки кипения продолжает оставаться водой, не теряет своего капельно-жидкого состояния. Но нет полного совпадения и неразличимости между водой при 1° и водой при более высокой температуре. Стоит опустить палец в воду при 1°, а затем перенести его в воду при 99°, чтобы в этом убедиться. Например капиталистическая общественно-экономическая формация не является чем-то одним и тем же в течение всего своего существования. Капитализм монополистический, империализм, отличается от капитализма домнополистического. Разумеется, монополистический капитализм есть капитализм. Но в то же время закономерности прежнего капитализма в нем модифицируются, и он имеет ряд новых особенностей, основная из которых — смена свободной конкуренции монополиями.

Количественное возрастание и уменьшение вызывают изменения в границах данного качества. Нужно, учитывая общую тенденцию развития, видеть ступень, на какой находится материальный процесс. Нужен конкретный исторический подход. «То, — пишет Ленин, — в чем самая суть, в чем живая душа марксизма, конкретный анализ конкретной ситуации».

Эту «живую душу» марксизма умерщвляют изменники из II интернационала, стремящиеся прикрыть свое отречение от революционной борьбы пустыми софизмами, оперированием формально-логическими понятиями и абстракциями. Капитализм, твердят они, есть капитализм. И отправляясь отсюда, «герои» II интернационала во время мировой империалистической войны вместо взятия курса на свержение империалистической буржуазии встали на позицию разграничения войны оборонительной и наступательной, требуя поддержки войны оборонительной, а фактически прокладывая себе дорогу к оправданию своего союза с отечественной буржуазией. При этом они пытались сослаться на тактику Маркса, Энгельса в франко-прусской войне 1870 — 1871 гг., когда Маркс и Энгельс считали, что для рабочих всех стран выгодно было бы поражение бонапартистской Франции в войне с Пруссией.

Ленин разоблачил и заклеил ренегатство социал-шовинистов, вступивших в явный союз со своими генеральными штабами, и показал те методологические приемы, при помощи которых они маскируют свое предательство: абстрактность, софистика, стирание различия двух эпох. То, что было бы верно по отношению к эпохе возникновения и роста капитализма, они переносят на эпоху его конца. Между тем прежний капитализм перерос в

империализм. А это значит, что если раньше, в эпоху Маркса, буржуазия могла вести войны прогрессивного характера (и такой именно прогрессивной, национально-освободительной, «оборонительной» в историческом смысле слова была война Пруссии против Франции, пока не был разбит Наполеон III), то в условиях империализма идет борьба между капиталистическими группами разных стран за передел уже поделенного до конца мира: война между империалистами является войной грабительской, захватнической, наступательной со всех сторон, это—война «между рабовладельцами за укрепление и усиление рабства» (Ленин). И если в эпоху Маркса можно было ставить вопрос о том, «победа какой буржуазии безвреднее (или полезнее) для всемирного пролетариата» (Ленин), то единственным ответом рабочего класса на империалистическую бойню должно быть превращение войны империалистической в войну гражданскую.

То же самое забвение разницы двух периодов, периода домонополистического и периода монополистического капитализма, мы наблюдаем у контрреволюционного троцкизма, не видящего особенностей империализма, отрицающего неравномерность развития капиталистических стран в эпоху империализма и потому приходящего к отрицанию возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране.

Таким же догматизмом страдают и правые уклонисты, когда рассматривают например нэп как нечто неподвижное, застывшее, сплошное, серое, не замечая разных этапов нэпа.

Материалистическая диалектика, указывая, что переход количества в качество необходимо рассматривать в свете основного закона диалектики, закона единства и борьбы противоположностей, требует брать качество не абстрактно, не вообще, а качество в определенной фазе развития. Тактику пролетариата, говорит Ленин, Маркс строил, опираясь на объективный учет «всех без исключения классов данного общества» и на учет объективной ступени развития этого общества». И интересна та методологическая оценка, какую дает Ленин, сравнивая высказывания Маркса, Энгельса (в их письмах) по вопросу, с одной стороны, англо-американского, с другой—немецкого рабочего движения: «Если принять во внимание, что Германия, с одной стороны, Англия и Америка—с другой, представляют из себя различные стадии капиталистического развития, различные формы господства буржуазии, как класса, во всей политической жизни этих стран,—то указанное сравнение приобретает особенно большое значение. С научной точки зрения мы наблюдаем здесь образчик материалистической диалектики, умение выдвинуть на первый план и подчеркнуть различные пункты, различные стороны вопроса в применении к конкретным особенностям тех или иных политических или экономических условий»¹⁾.

* * *

Закон отрицания отрицания (вслед за законом перехода количества в качество) представляет собой дальнейшую конкретизацию закона раздвоения единого. Без отрицания отрицания, «возврата, якобы, к старому» (Ленин) нет диалектического движения. «Движение и становление,—указывает Ленин,—вообще говоря, могут быть без повторения, без возврата к исходному пункту и тогда такое движение не было бы «тождеством противоположностей». Но и астрономическое и механическое (на земле) движение и жизнь растений и животных и человека—все это вошло человечеству в голову не только идею движения, но именно движения с возвратами к исходным пунктам, т. е. диалектического движения»²⁾.

¹⁾ Ленин, Соч., т. XI, стр. 166.

²⁾ Лен. сб. XII, стр. 301.

Что же означает возврат якобы к старому и почему без него нет диалектики?

Отрицание отрицания—всеобщий процесс, совершающийся и в природе, и в обществе, и в человеческом мышлении. Отрицание в диалектике не понимается как просто гибель вещи, как абсолютное ее уничтожение. Отрицательность—принцип движения, изменения, присущего материи. Отрицание выступает как момент связи, развития. Отрицание отрицания означает: всякий предмет вследствие присущего ему самодвижения отрицается, в нем обнаруживаются противоположные тенденции, он является и тем и не тем, представляет собой единство противоположностей. Но единство противоположностей временно, преходяще. Борьба же противоположностей абсолютна. И эта борьба взаимоисключающих противоположностей приводит ко второму отрицанию—к отрицанию отрицания, скачку, к образованию нового качества и иного предмета.

Тут имеется налицо трехступенчатый путь развития: от данного качества через борьбу внутренних противоположностей к новому качеству. И третий момент развития представляет собой возврат якобы к старому, имеет сходство с первым. Но в каком смысле? В том ли, что новый предмет обязательно внешне похож на первый? Отнюдь нет. Третий момент имеет то сходство с первым, положительным, что он представляет собой вновь некое положительное, новое качество. «Результат этого диалектического превращения в «третье», в синтез,—записывает Ленин, имея в виду развитие понятия,—есть новая посылка, утверждение etc, которая снова становится источником дальнейшего анализа»¹⁾.

Развитие следовательно идет не по прямой линии, оно совершается в круге—с возвратом к исходному пункту. Развитие есть круг кругов. Но это не те однородные и неизменные круги, с которыми имеет дело механический материализм и в которых конец кругооборота знаменует собой простое возобновление и восстановление начала. Нет, третий момент развития является снова положительным, но уже расширенным и обогащенным всем предыдущим движением. Развитие—кругооборот. Но этот кругооборот содержит в себе под'ем на высшую ступень. Конечная точка процесса лежит выше его исходного пункта. Круг оказывается спиралью.

И чтобы понять, почему Ленин говорит, что движение может браться как совершающееся без возврата к исходному пункту, но такое понимание движения не будет диалектическим, необходимо учесть, кого он тут имеет в виду. Он высказывает эту мысль при чтении лассалевского «Гераклита», там, где речь идет о том употреблении, какое сделал из диалектики Гераклита Кратил.

Кратил проповедует движение, изменение. Но он стоит на позиции одной лишь отрицательности, на позиции абсолютной изменчивости и текучести. У него, как отмечает Ленин²⁾, имеется только отрицательный вывод из диалектики. Он сводит движение только к вечному разрушению и уничтожению и не видит творческого, положительного момента в движении. У него нет возврата к исходному пункту, к положительному, нет отрицания отрицания. И потому движение не является у него тождеством противоположностей, тождеством бытия и небытия, он сводит движение к одному лишь небытию, считает, что ничто вообще не существует, ничто не истинно, что все имеет свое бытие только в небытии и превращении. Диалектика превращается в софистику.

Диалектическое материальное движение не есть пустая и бесплодная отрицательность, в которой ничего уловить нельзя, где все появляющееся

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 303.

²⁾ Лен. сб. IX, стр. 275.

тут же мгновенно и гибнет. Материалистическая диалектика знает возникновение, существование, уничтожение. Развитие есть процесс бесконечного отвержения старого содержания и старых форм, но такого отвержения, которое не порождает всеобщей неопределенности, а приводит к новому содержанию и новым формам. Диалектика, говорит Ленин, включает в себе две стороны: в отношении положительного, исходного, начального пункта движения она означает его отрицание, его движение, без чего оно являлось бы застывшим, неподвижным, мертвым. В отношении же второго, отрицательного, она означает связь отрицательного с положительным и новое, положительное, как следствие развития. «По отношению к простым и первоначальным, «первым», положительным утверждениям, положениям ест «диалектический момент», т. е. научное рассмотрение, требует указания различия, связи, перехода. Без этого простое положительное утверждение неполно, безжизненно, мертво. По отношению к «2-му», отрицательному положению, «диалектический момент» требует указания «единства», т. е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого положительного в отрицательном. От утверждения к отрицанию—от отрицания к «единству» с утверждаемым—без этого диалектика станет голым отрицанием, игрой, или скепсисом»¹⁾.

* * *

Закон отрицания отрицания проводит водораздел между диалектикой и софистикой, эклектикой и скептицизмом. Значение этого закона в том, что он показывает и подчеркивает положительный итог развития. Он выражает тот факт, что движение, изменение, развитие не есть сплошное абсолютное отрицание; отрицание есть существеннейший момент развития, но отрицание вместе с развитием и на основе его заключает в себе и положительный результат.

Софистика и скептицизм также признают движение, становление. Но они ограничивают диалектику только разрушительной, отрицательной стороной, отбрасывая ее утверждающий и созидующий характер. У них нет отрицания отрицания, нет ровно ничего устойчивого, а раз так, то движение не является и тождеством противоположностей.

И необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Как ясно из изложенного, отрицание отрицания—это процесс, развертывающийся не только между внешними и самостоятельными в отношении друг друга предметами. Двойное отрицание совершается и внутри каждого предмета на основе его самодвижения, и эта разрушительная и одновременно созидательная работа имеет своим следствием уничтожение и вместе с тем развитие данного предмета, переход одного предмета в другой, одного явления в другое.

У Маркса в «Капитале» двойное отрицание имеет такой вид: мелкое производство и индивидуальная частная собственность — капиталистическое производство и капиталистическая собственность — социалистический общественный строй. Но понятно, что в порядке двойного отрицания совершается также смена каждой из перечисленных форм производства и собственности следующей. Скажем, уже внутри капиталистического общества в ходе его развития обнаруживаются противоречащие ему черты и тенденции; противоречие в дальнейшем разрешается крахом капитализма и образованием социалистической общественной формации. Отрицание отрицания означает, что имеется «противоречивость в самой вещи, противоречивые силы и тенденции во всяком явлении», вследствие чего она выступает «как сумма и единство противоположностей» (Ленин), борьба которых создает затем нечто качественно новое.

Иначе получается у Плеханова.

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 269.

207

Что такое отрицание отрицания по Плеханову? «Всякое явление,—объясняет он смысл этого,—развиваясь до конца, превращается в свою противоположность; но так как новое, противоположное первому, явление также, в свою очередь, превращается в свою противоположность, то третья фаза развития имеет формальное сходство с первой»¹⁾. Отрицание отрицания таким образом приобретает характер внешнего чередования явлений: одно явление сменяется другим, а это опять-таки уступает место третьему, причем третий момент должен быть формально похож на первый.

Такое изображение отрицания отрицания связано у Плеханова с его трактовкой противоречия. Противоречие он сплошь и рядом толкует так, что в конечном счете одна вещь заменяется другой. Противоположности сменяют друг друга во времени. Противоречие в самом предмете, раздвоение единого, единство и борьба противоположностей внутри вещи остаются в тени. На первый план как основной закон диалектики выступает переход количества в качество, каковой переход и приводит к превращению одной противоположности в другую. Вследствие этого и отрицание отрицания принимает у Плеханова облик исключительно внешних переходов, внешней последовательности явлений.

Но если понимать отрицание отрицания только как трехчленный ряд, в котором второе явление противоположно первому и уничтожает его, а третье противоположно второму и уничтожает его, получая вместе с тем формальное сходство с первым явлением, то такая «трихотомия» становится в значительной мере искусственным построением. И если затем стремиться диалектический круговорот материи обязательно втиснуть в подобные рамки, то вся диалектика вырождается,—что, как указывает Ленин, и имеет место у Плеханова,—в «сумму примеров».

* * *

Как меньшевистствующие идеалисты, так и представители современной механистической ревизии марксизма искажают закон единства противоположностей.

У меньшевистствующих идеалистов это имеет своим источником некритическое восприятие Гегеля.

Гегель сформулировал учение о закономерном развитии через противоречие, через борьбу противоположностей, которая движет вперед, приводит к образованию нового. Противоречие—всеобщий принцип действительности. «Нечто жизненно, лишь поскольку оно содержит в себе противоречие, и есть именно та сила, которая схватывает в себя и сохраняет противоречие. Если же нечто существующее не в состоянии в своем положительном определении вместе с тем перейти в свое отрицательное и удержать каждое из них в другом, обладать в нем самом противоречием, то это нечто не есть живое единство»²⁾.

Так провозглашает Гегель.

Но Гегель—идеалист. И Гегель—идеолог буржуазии. И потому он не в состоянии дать правильной картины противоречия. Гегель, как говорит Энгельс, сам уродует то, что он гениально открыл. Гегель выступил против метафизики, показал наличие и закономерность развития. В этом его громадная историческая заслуга. Но развитие для Гегеля является развитием существующего вне природы и человека, вне времени и пространства абсолютного духа. Движение—это движение понятий, категорий, которые в силу своей противоречивости чисто логически переходят друг в друга. Действительностью для Гегеля является мысль. Природа и история—только прикладная логика.

¹⁾ Плеханов, Соч., т. VII, стр. 122.

²⁾ Гегель, Наука логики, ч. 1-я, кн. 2-я, стр. 43.

Противоречие у Гегеля—логическая конструкция, результат того, что Гегель берет различные, на первый взгляд кажущиеся резко отделенными друг от друга, противоположные определения мысли и прослеживает их взаимобусловленность, показывает их совпадение, тождество. Живого материального субстрата противоречия нет. И потому у Гегеля по существу нет единства противоположностей. Он не идет дальше тождества противоположностей. Логическим путем выводится, что различные противоречивые определения по сути дела предполагают друг друга, что они тождественны: положительное есть вместе с тем отрицательное, тождество содержит в себе также различие и т. д. А затем, установив взаимосвязь различных определений мысли, их совпадение, тождество, тот же Гегель вынужден искать переход от одного противоречия к следующему, от одной категории к другой. Оттого-то эти переходы всегда бывают у него произвольными, искусственными, натянутыми. До этого же «противоположности растворены друг в друге, взаимно нейтрализованы. Как характеризует Маркс, у Гегеля противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуются и парализуются»¹⁾, одна из них дополняет другую. Борьба противоположностей, которую Гегель провозглашает вначале, таким образом пропадает, затушевывается, смазывается.

По пути примирения, «синтезирования» на гегельянский манер, нейтрализации противоположностей шли меньшевистствующие идеалисты, отождествлявшие материалистическую диалектику марксизма-ленинизма с идеалистической диалектикой Гегеля. При этом в целом ряде пунктов они стоят даже позади Гегеля, извращают его взгляды.

В действительности Маркс и Энгельс, а затем Ленин подвергли диалектику Гегеля критической переработке, создали метод, в корне противоположный методу Гегеля, поставили гегелевскую диалектику с головы на ноги, освободили диалектику от той мистификации, какую она претерпевает у Гегеля. В применении к разбираемому вопросу это значит, что они показали реальную материальную основу противоречий и вскрыли, что борьба противоположностей «абсолютна, как абсолютно развитие, движение» (Ленин).

Механистам в марксистско-ленинском учении о противоречии чудится наследие приверженности к гегельянству и идеализму. Так, Богданов писал, что у Маркса и Энгельса в трактовке ими противоречия чувствуется еще идеалистический душок. Противоречие, содержащееся например в простом механическом движении, Энгельс усматривает в том, что тело в один и тот же момент находится в одном и том же месте и не находится в нем. Такое толкование противоречия Богданов подвергает критике. У Энгельса, говорит он, противоречие идеалистическое, существующее только в мышлении,—противоречие между понятиями «находиться» и «не находиться». Причем при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что самое противоречие возникает вследствие неправильного употребления Энгельсом слова «находиться»: один раз Энгельс берет это слово в обыденном, приблизительном значении, другой раз в абсолютном.

На самом деле диалектика совсем «не там, где по гегелианскому методу нашел ее Энгельс». В движении действительно заключено противоречие. Но в чем оно состоит? В том, что тело всегда движется в известной среде. Эта среда оказывает ему сопротивление. Пока сила движения превышает силу сопротивления среды, до тех пор движение продолжается. Но как только эти две силы уравниваются, так тело останавливается. Единственно реальное противоречие таким образом—антагонизм противоположно направленных сил: предмета и среды.

¹⁾ Маркс, Ницета философии, «Библиотека марксиста», стр. 102, изд. 3-е.

В таком же духе толкуют противоречие и все остальные механисты—Бухарин, Аксельрод, Варьяш, Сарабьянов, Тимирязев и пр.

Достаточно простого сопоставления, чтобы убедиться, что то понимание противоречия, какое предлагают механисты, никакого отношения к диалектике не имеет. В самом деле, в диалектике противоречие выступает на основе движения; движение и есть противоречие. У механистов противоречие должно еще только вызвать движение. В диалектике единство, «равновесие» противоположностей относительно, борьба же их абсолютна. У механистов же абсолютно равновесие. В диалектике противоположности суть результат раздвоения единого; они пребывают в единстве. У механистов они находятся рядом друг с другом, ведут раздельное существование. В диалектике противоположности взаимопроникают друг друга; каждая из них и определяет другую. У механистов каждая из «противоположностей» самостоятельна, обладает независимым бытием. В диалектике противоположности движутся, изменяются, переходят друг в друга. У механистов каждая из сторон «противоречия» все время остается сама собой. В диалектике противоречие имеет внутренний характер; оно содержится в самой вещи. У механистов «противоречие» внешне; оно сводится к столкновению двух внешних сил. Диалектическое познание требует единства анализа и синтеза. Механистам не нужно ни анализа, ни синтеза, ибо никакого раздвоения предмета у них нет. Короче, «противоречие» механистов—это противоречие не диалектики. Оно целиком заимствовано из механики, где движение действительно выступает как результат столкновения двух различных сил.

Основоположники марксизма прямо ополчаются и специально предупреждают против попыток подмены диалектического противоречия антагонизмом сил. Об этом писал Энгельс против Дюринга, желавшего свергнуть «идол» диалектики противоречий и поставить на его место «мировую антагонистическую схематику». На неправильность отождествления противоречия с антагонизмом сил указывает и Ленин. В «Экономике переходного периода» Бухарин писал: «Капитализм есть антагонистическая, противоречивая система». Ленин по этому поводу замечает: «Архинеточно. Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется и при социализме»¹⁾.

А каковы общие корни того, что диалектическое противоречие превращается у механистов в антагонизм сил?

Они кроются в отсутствии правильной, диалектико-материалистической теории познания. Основной порок механического, метафизического материализма—это «неумение применить диалектику к Bildertheorie, к процессу и развитию познания» (Ленин). Этот материализм не выходит за пределы эмпиризма.

Противоречие объективно; оно содержится в самых вещах, оно присуще самой материальной действительности. Значит ли это, что заключающееся в вещах противоречие можно прямо, непосредственно обозреть, схватить, пощупать? Разумеется нет. Все наше знание—из ощущений, порождаемых действием на наши органы чувства объективной реальности. Это так. Но вместе с тем необходим теоретический анализ, теоретическое обобщение чувственных данных, чтобы вскрыть имеющиеся в предмете противоречивые стороны, противоречивые тенденции. Эмпирик же этим теоретическим, рациональным моментом познания пренебрегает. Познание сводится им, как говорит Энгельс, к «чувственному измерению». Он хочет видеть время и обонять пространство. И чтобы представить противоречие, он персонифицирует каждую противоположность, возводит ее в самостоятельную силу, стал-

¹⁾ Лен. сб. XI, стр. 357.

кивает одну силу с другой и затем показывает пальцем: вот противоречие. Диалектический материализм, диалектическая теория отражения заменяется вульгарным эмпиризмом.

А затем со своим антагонизмом сил механисты ни на йоту не поднимаются дальше... формальной логики. Толкование противоречия как антагонизма противоположных сил вполне приемлемо для формальной логики. Такой антагонизм признается ею, нисколько не колеблет ее положений и устоев. Ибо если борются между собой две различные силы, два различных предмета, то это ведь не значит еще, что каждый из них в самом себе противоречив. Формальная логика знает контрарные противоположности, но категорически отказывается признавать противоположности, контрадикторные. Она допускает борьбу и столкновение разных внешних друг другу сил, но совершенно не может согласиться с тем, чтобы предмет в самом себе заключал противоречие, чтобы он в одно и то же время и в одном и том же отношении был сразу и А и не А. И когда механисты об'являют, что противоречие—это антагонизм сил, то этим они ничуть не подрывают основного догмата формальной логики—принципа несамопротиворечия. Напротив, они обеими ногами стоят на почве формальной логики. По существу никакого противоречия у них не получается, ибо у них различные качества «распределены между различными предметами, так что не содержат никакого противоречия» (Энгельс).

* * *

Диалектико-материалистическое изучение переходного периода никоим образом не должно выражаться в жонглировании диалектическими терминами и наклеивании диалектических ярлыков, в чем, как известно, упражнялись меньшевистствующие идеалисты. Приведем лишь один образец подобной «диалектики». В некоем произведении, долженствовавшем дать методологическое обоснование, как и в каком направлении вести подготовку специалиста в наших вузах, «доказывалось», что необходимо уделять максимальное внимание качеству подготовляемого специалиста, потому что... в гегелевской логике категории качества принадлежит большое место. Буквально так. Как тут не повторить об авторах таких писаний того, что говорит Энгельс о современных ему эпигонах гегельянства: «Официальная гегелевская школа усвоила себе из диалектики учителя только манипуляцию самых простых приемов, которую она применяла ко всему, что попадалось, и к тому еще часто с неловкостью, доходящей до смешного. Все наследство Гегеля сводилось для нее к простому шаблону, при помощи которого обрабатывалась любая тема, и к регистру слов и оборотов, имевших своей единственной задачей восполнить собой, когда требуется, недостаток мыслей и положительных знаний. Так сложился тот тип гегельянцев, о которых один боннский профессор сказал, что они ничего не понимали, но обо всем могли писать»¹⁾.

В диалектическом осмыслении переходного периода необходимо идти от многостороннего, детального и тщательного исследования самой конкретной действительности, не занимаясь подгонянием фактов под категории, а вскрывая «своеобразную логику своеобразного дела».

И нужно ясно и отчетливо видеть ту коренную особенность переходного периода, что это есть период скачка, период революционного преобразования буржуазных общественных отношений в отношения социалистического способа производства, период борьбы социализма с капитализмом, а потому он не может не быть периодом ожесточенной борьбы классов. Руководящим и решающим является здесь указание т. Сталина, следующим

¹⁾ Маркс, К критике политической экономии, стр. 41—42.

образом охарактеризовавшего закономерность переходного периода: «Наше развитие идет не в порядке плавного, огульного под'ема вверх. Нет, товарищи, у нас есть классы, у нас есть противоречия внутри страны, у нас есть прошлое, у нас есть настоящее и будущее, у нас есть противоречия между ними, и мы не можем продвигаться вперед в порядке плавного повышения на волнах жизни. Наше продвижение протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий. Никогда не будем мы в силах, пока есть классы, иметь такое состояние, когда можно будет сказать: ну, слава богу, теперь все хорошо. Никогда этого не будет у нас, товарищи. Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет отмирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело. Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая свое право на существование. Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся—вот основа нашего развития»¹⁾.

А если мы поймем, что основой нашего развития является борьба нового со старым, тогда этим дается определенная ориентировка для практики; тогда становится явным, что наши трудности не случайны, что это трудности роста, под'ема, что за ними стоит классовый враг, это трудности классовой борьбы и нужна мобилизация всех сил и способностей на их преодоление. Выясняется весь глубокий смысл слов т. Кагановича, указывавшего в своей речи на собрании, посвященном десятилетию ИКП, что «нужно большевистски подходить к учебе и суметь взять от Гегеля например то, что нужно для нас, для нашей борьбы». «Что значит,—говорил т. Каганович,—понимать единство противоположностей в переводе на обычный наш политический партийный язык? Понимать единство противоположностей в действительности—это значит не бояться трудностей! Это значит не бояться тех противоречий жизни, которые на нашем пути возникают, а преодолевать их с большевистской энергией и настойчивостью»²⁾.

Действительность переходного периода противоречива, включает в себе борьбу противоположных тенденций. И партия наша умеет видеть эти противоречивые тенденции, умеет, учитывая их, ухватиться за решающее звено, строить свою политику так, чтобы, не впадая ни в хвостизм, ни в революционный авантюризм, обеспечить победу социализма. Возьмем к примеру нынешний этап нашего развития. Мы вступили в период социализма. Это основное. Но партия не дает лозунга долой деньги, долой торговлю и пр. Нет. Мы находимся в периоде социализма, но еще не изжит последний этап. И видя эту двойственность обстановки, партия требует: укрепляй советский рубль, проводи хозрасчет, развивай торговлю, но уже торговлю на иной основе, торговлю без больших и малых спекулянтов (Сталин).

Или возьмем вопрос о диктатуре пролетариата. Мы ставим своей целью создание бесклассового и безгосударственного общества. Основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще. И вместе с тем необходимо максимальное усиление мощи и крепости пролетарской диктатуры. «Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику» (Сталин). Будущий процесс отмирания государства невозможен без всемерного усиления и упрочения орудия социалистического строительства — диктатуры пролетариата.

Марксо-ленинская диалектика лежит в основе всей стратегии и тактики большевизма, в основе генеральной линии нашей партии. Политика нашей

¹⁾ Сталин, Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б).

²⁾ Л. Каганович, За большевистское изучение истории партии.

партии целиком покоится на принципах материалистической диалектики. В работах и практической деятельности т. Сталина, вождя нашей партии и всего международного рабочего класса, соратника и лучшего ученика Ленина, мы имеем единственно верное применение и дальнейшее развитие теории марксизма-ленинизма и вместе с тем применение и дальнейшее развитие, конкретизацию на опыте социалистического строительства, на опыте современного этапа мирового революционного движения (вспомним хотя бы классическую и так блестяще оправдавшуюся оценку т. Сталиным капиталистической стабилизации) законов материалистической диалектики и основного из них—закона единства и борьбы противоположностей.

Мы, говорит Ленин, учились соединять и в ходе нашей революции неоднократно соединяли противоположности. Это умение соединять противоположности, диалектическая основа нашей тактики, дало нам достижения всемирно исторического значения. И эта «жизненная правда марксовской диалектики» (Сталин) приводит нас под руководством ленинского ЦК, под руководством вождя партии т. Сталина к новым, еще более грандиозным и величавым победам.

Философия марксизма и социал-фашизм

В. Познер

Обострение и углубление всеобщего кризиса капитализма отражаются в идеологической области в форме обострения кризиса буржуазной науки, величайшего разброда в области философии, поворота буржуазной философии к мистике и поповщине, в процессе фашизации всей буржуазной идеологии.

При более внимательном изучении этой картины мы увидим, что в этом разброде все-таки есть определенное единство, направленное к совершенно определенной и ясно выраженной классовой цели. Если мы под этим углом зрения попробуем разобрать те причины, которые на протяжении последних десяти лет вызвали существенные изменения в течениях буржуазной философии, то мы обнаружим их в классовых сдвигах и обострении классовой борьбы, связанных с эпохой загнивания капитализма.

Все буржуазные историки философии, обозреватели тех перемен, которые происходят в буржуазной философии, констатируя глубокие сдвиги в философских течениях, поворот от неокантианства к неогегельянству и расцвет «философии жизни», совершенно не в состоянии разобраться в действительных причинах, порождающих все эти изменения в области философского мышления.

Для буржуазного историка философии все эти разнообразные течения — продукт саморазвития духа, независимо от того, имеет ли он в виду «абсолютный дух» классического немецкого идеализма или конечные интеллектуальные профессоров и доцентов германских университетов.

Только марксистский анализ дает возможность вскрыть классовую сущность этих явлений, обнажить действительные причины тех глубоких изменений в философских направлениях, которые ставят втупик представителя буржуазной историко-философской мысли.

В связи с обострением классовых противоречий в эпоху послевоенного империализма, в эпоху развертывания мировой пролетарской революции буржуазия делает последнюю и решительную ставку на фашизм против пролетарской революции. Она лихорадочно ищет выхода из всеобщего кризиса капиталистической системы в оголтелой фашистской реакции, в наступлении на рабочий класс и трудящиеся массы. Эта реакционная классовая задача буржуазии находит отражение и в области идеологической, в частности в области философии, причем разнообразие философских направлений в свою очередь является отражением различия интересов отдельных групп и противоречий внутри буржуазного лагеря.

Наиболее ярко раскрывается классовый смысл философского поворота в буржуазном лагере в так называемой «философии жизни» и в ее еще более четкой форме — «философии существования» (экзистенциальной философии).

которая откровенно увязывает свои философские умозрения с задачами фашизации буржуазного государства. Особый интерес среди этих «философов жизни» представляет Ганс Фрейер именно потому, что он более откровенно демонстрирует тесную связь между философскими умозрениями этой школы и ее фашистскими целями.

В своей теории «объективного духа» этот философ становится на позиции гегелевской системы особенно близок к ней в своем труде «О государстве», где государство объявляется абсолютной целью культуры. Фашистский характер воззрений «философа жизни» не может быть скрыт и затуманен представителем «левого» социал-фашизма Зигфридом Марком, который по поводу работы Г. Фрейера «Революция справа» рассыпается в похвалах Фрейеру и его сторонникам как лицам, «высоко стоящим в интеллектуальном отношении, стремящимся серьезно отнестись к идее фашизма и дать ему честную идеологию»¹⁾. Эта «честная» идеология заключается в проповеди фашистского переворота, или «революции справа», «национальной революции» Гитлера, т. е. в открытой фашистской диктатуре.

В этих «размышлениях» З. Марка характерно как самое признание фашистской природы «философии жизни», так и расшаркивание «левого» социал-фашиста перед «серьезными попытками дать фашизму честную идеологию и одухотворить его». Об этом однако речь впереди в общей связи с философской позицией социал-фашизма.

Сама социал-демократия переживает в настоящее время кризис. Усиливается переход социал-демократических рабочих в лагерь коммунизма. В своей идеологии, в своих теоретических построениях она с рабской точностью отражает фашизацию, происходящую в буржуазной философии, затупевывая фашистскую сущность социал-демократической фразеологией.

Но эта фашизация социал-фашистской философии протекает не однообразно, а сопровождается всевозможными маневрами. На современном этапе для удержания революционных рабочих под влиянием социал-демократии ей уже недостаточны старые социал-фашистские проповеди. Для нее такой теоретик, как Каутский, который является вдохновителем прямого контрреволюционного натиска на строительство социализма, вдохновителем всех контрреволюционных происков, уже полностью не удовлетворяет задачам политического маневрирования. Поэтому социал-демократия вынуждена оперировать не только своим правым, контрреволюционным крылом, необходимым для непосредственной связи с буржуазией, но ей нужно и «левое» крыло, нужно маневрировать этим «левым» крылом для более тонкого обмана рабочих. «Левая» социал-демократия, играющая пацифистской, а иногда даже революционной фразой, на деле выступает против рабочих, в особенности в самые критические моменты... и является поэтому наиболее опасной фракцией социал-демократических партий» (из программы Коминтерна).

Политика «левых» социал-демократических вождей заключается в том, чтобы «маскировать и прикрывать явный союз с буржуазией с помощью псевдорадикальных лозунгов, удерживать рабочих от классовой борьбы при помощи более тонко построенной, более завуалированной, но в силу этого еще более опасной пропаганды и таким образом спасти социал-демократию» (резолуция XI съезда компартии Германии).

Для удовлетворения этих новых запросов более сложного маневра, для укрепления влияния на левую рабочую массу и удержания социал-демократических рабочих от перехода в ряды коммунизма и служит «левая» социал-демократия, «левые» социал-фашисты.

В настоящей статье мы остановимся на борьбе против марксизма двух

¹⁾ S. Marck, «Existenzphilosophische» und Idealistische Grundlegung der Politik («Die Gesellschaft», № 11, 1932).

типичных представителей «левого» социал-фашизма—Макса Адлера и Зигфрида Марка. Различие между двумя этими представителями «левой» социал-демократии, подвизавшимися в пределах одного и того же идеалистического, реакционного философского лагеря, заключается в том, что если Макс Адлер целиком и полностью развивает свои философские построения в духе эпигонского неокантианства (что конечно не означает отсутствия у него элементов махизма и эклектизма), в это время Марк в гораздо большей мере отражает поворот современной буржуазной философии от выдохшегося неокантианства к модернизированному и приспособленному к запросам фашизирующей буржуазии неогегельянству. Общими для них являются: ненависть к материализму и систематическое извращение и фальсификация марксизма.

Фальсификация марксизма М. Адлером

Первый, так сказать, более маститый из этих двух фальсификаторов марксизма—Макс Адлер—в своих многочисленных «трудах» и в особенности в своем «Учебнике материалистического понимания истории» задался целью доказать, что «материализм у Фейербаха, Маркса и Энгельса есть позитивизм», что «Энгельс недалек был от позиции Э. Маха», что материя для Энгельса так же, как молекулы и атомы, лишь «вспомогательное» понятие, а не действительная реальность, независимая от сознания. В качестве доказательства этих, заведомо лживых, измышлений Адлеру приходится заниматься подтасовкой цитат. Но так как факты все-таки вещь упрямая, ему не остается ничего иного, как вступить в открытую борьбу с материализмом и с откровенным цинизмом объявить себя сторонником идеализма. Адлер систематически извращает все основные положения марксизма с целью подвести марксизм под особую позитивистическую разновидность идеалистической философии.

Назвав свою работу «Материалистическое понимание истории», социал-фашистский философ М. Адлер пытается обмануть массового читателя. В дальнейшем однако он сам невольно проговаривается и называет свою собственную терминологию «вводящей в заблуждение». «В этом названии (т. е. в названии «Материалистическое понимание истории»),—заявляет Адлер,—ни одна составная часть его не соответствует тому предмету, который оно собственно хочет и должно изложить: к нему не подходит ни понятие материалистический, ни понятие история, ни понятие понимание».

Подытоживая свою фальсификацию марксизма в статье, посвященной 50-летию со дня смерти К. Маркса («Кампф» № 3—4, 1933 г.), Адлер утешивает ее утверждением, что тот же самый «процесс отделения естественных и общественных наук (по Адлеру, «наук о духе»), начиная от Дильтея, Виндельбанда и Риккерта вплоть до Зомбарта и Макса Вебера», в своих основных мыслях всецело совпадал «с основными мыслями марксизма с начала до конца деятельности Карла Маркса».

Не ограничиваясь этим облеченным в академическую форму враньем (кому неизвестно, как Маркс в действительности относился к субъективному идеализму и плоскому позитивизму, представителями которых являются перечисленные им буржуазные философы и социологи), М. Адлер в довершение всего предлагает «противникам и многим приверженцам марксизма» освободиться от заблуждения, будто марксизм имеет что-либо общее с материализмом, «будет ли это старый, механический материализм или новый, диалектический» (там же).

За эту подлую работу по фальсификации марксизма особенно высоко ценится Макс Адлер среди социал-предателей. Так, А. Браунталь (известный

социал-фашистский экономист) в своем панегирике М. Адлеру по случаю его 60-летия («Кампф» № 1, 1933 г.) в особую заслугу ставит этому ренегату то, что он сделал возможным для довоенного поколения социал-демократии переход «от опасного для их умственного развития материализма» к нынешней социал-фашистской философии.

Браунталь начинает с самых истоков марксизма и делает здесь совершенно неожиданные «открытия». Оказывается, что «духовные отцы современного социализма были кем угодно, но не материалистами в философском смысле». Для обоснования этого замечательного по своему бесстыдству тезиса Браунталь ссылается на «духовное происхождение» Маркса от Гегеля. Но этого мало. К первой лжи Браунталь присоединяет и вторую:

«То, что он (т. е. Маркс) и Энгельс воспринимали, как материалистическую переработку гегелевской системы,—пишет Браунталь,—было в действительности лишь ограничением гегелевской мировой системы социальным бытием человека и его законами. С философским материализмом, который делает метафизические высказывания относительно субстанции, оно не имеет ничего общего. Можно даже утверждать, что система Маркса едва ли может быть понята с позиций материалистической философии. Дело в том, что механический принцип движения, который неразрывно связан с материализмом, строго говоря, не может быть соединен с диалектическим принципом развития».

Вся эта тирада от начала до конца представляет собою грубую ложь. Чем же, как не фальсификацией, является утверждение, будто Маркс и Энгельс ограничивали «гегелевскую мировую систему» областью социального бытия? В действительности Маркс и Энгельс, создавая и разрабатывая материалистическую диалектику, применяли ее как орудие революционного познания действительности ко всем областям бытия—к природе, истории—и их отражению—к человеческому мышлению. Что же касается утверждения, что марксизм не может быть понят с позиций материалистической философии, то оно является совершенно безнадежной попыткой одурачить читателя, так как произведение Браунталя является ярким свидетельством того, что с позиций идеалистической философии марксизм можно только извращать и фальсифицировать. Наконец утверждение о том, что невозможен диалектический материализм, так как материализму «внутренне присущ механический принцип движения», представляя собою такое же извращение истины, как и все остальные утверждения Браунталя, вместе с тем выдает механистический характер мышления самого Браунталя.

О том, какое гигантское значение не только в смысле познания действительности, но и в смысле ее революционного изменения имел диалектический материализм Маркса—Энгельса, свидетельствует победоносное строительство социализма в стране диктатуры пролетариата.

Далее социал-фашистский философ пытается дать ответ на вопрос: почему же в эпоху Маркса—Энгельса и непосредственно вслед за ней материализм был господствующим учением в социалистическом рабочем движении? Причину этого Браунталь видит лишь в необходимости борьбы с реакционным клерикализмом и религией.

Эту склонность к материализму со стороны социалистического рабочего движения социал-фашистский философ считает «вполне понятной и простительной» для той эпохи. Однако она, с его точки зрения, «скрывала в себе и большую опасность». Какую же именно? Оказывается, склонность к материализму «угрожала ослаблением понимания и чутья по отношению ко всем иррациональным силам и побудительным мотивам человеческих поступков и действующих в истории движений и течений». Таким образом для социал-фашистского философа существует «иррациональное», т. е. разумно необъяснимое, корнящееся в чем-то, не поддающемся разумному объяснению.

Для него побудительные мотивы человеческих действий не являются продуктом классовой борьбы, историческим продуктом развития общества, а чем-то раз навсегда данным и «иррациональным». Чувствуя, что такая откровенная постановка вопроса уже стирает всякую грань между «марксизмом» социал-фашиста и откровенным мракобесием фашиста, социал-фашистский философ пытается для виду «отмежеваться» от фашизма тем, что называет фашистский иррационализм и ссылки фашистов на голос «крови» и «расы» сознательным лицемерием. Однако, добавляет Браунталь, как бы ни издевались над этими фашистскими лозунгами, в них есть что-то, без чего нельзя объяснить исторический процесс. Смычка между социал-фашистами и фашизмом в области теоретической таким образом получается явная. Всякие дальнейшие рассуждения о том, что «учет иррациональных сил» нужен для борьбы с фашизмом, для освободительной борьбы пролетариата, есть только довольно неуклюжая и насквозь фальшивая попытка хотя бы несколько затушевать факт бесспорного и позорного родства социал-фашистского и фашистского «научного» мировоззрения.

Вторую опасность со стороны материалистического понимания истории социал-фашистский философ видит в том, что оно будто бы приводит к пассивности и фатализму и притом как правое, так и радикальное крыло социал-демократии. И в данном случае апологет социал-фашизма всячески старается прикрыть факт позорнейшего предательства социал-демократии, ее измены делу рабочего класса ссылками на несовершенство материалистической теории. У него выходит, что виноват в этом предательстве материализм, поэтому «заслугой» Макса Адлера, по Браунталю, является провозглашение им лозунга «назад от материализма к марксизму». Нетрудно угадать, какого сорта «марксизм» получился в результате этого «великого деяния» Макса Адлера, о чем обстоятельно повествует апологет социал-фашизма. Дело в том, говорит Браунталь, что марксизму угрожало то течение в философии, которое пыталось положить непреходимую грань между естественными и общественными науками и доказывало, что принцип причинности неприменим к общественно-историческим явлениям.

Как можно было спасти принцип причинности, без которого марксизм и научный коммунизм оказываются беспочвенными и не научными? Тут существовали только два пути, рассуждает Браунталь. Либо возврат к материализму, либо путь кантианства, который принцип причинности считает общеобязательным для всего мира явлений. Первый путь был неприемлем для фальсификатора марксизма, поэтому он избрал второй, — стал на позиции кантовской теории познания. Таким образом «заслуга» Макса Адлера состояла в том, что он целиком перешел на позиции субъективного идеализма при посредстве кантианской теории познания.

Этим перечень «заслуг» маститого фальсификатора марксизма далеко не исчерпывается. Следующим шагом его в деле «идеалистической переработки» марксизма было «доказательство» того положения, что «производственные отношения» суть идеальные отношения. Раз производственные отношения — это отношения между людьми, а отношения между людьми складываются в жизненном процессе, рассуждает философ социал-фашизма, значит они относятся к «духовной сфере», как и вся общественная жизнь. Не приходится доказывать, что здесь от марксизма не осталось и следа. Для Адлера, по свидетельству Браунталя, эти рассуждения, «это строгое разграничение между материалистической философией и марксистским пониманием общества представляется чем-то таким понятным и бесспорным, что как-то неловко об этом напоминать». Беда только в том, с прискорбием замечает Браунталь, что существует страна, имеющая огромное значение для марксистского рабочего движения, где «общепризнанным учением является тождество философского материализма и марксизма», а именно — Советский союз.

Лягнув страну диктатуры пролетариата, Браунталь переходит к дальнейшему перечислению философских подвигов Макса Адлера. В направлении кантианской «переработки» марксизма недостаточно было кантианского априористического толкования закона причинности, сама социальная жизнь оказалась тоже чем-то «трансцендентальным». Для людей социальная связь есть нечто «заранее данное», размышляет панегирист М. Адлера: «для человека является мысленной необходимостью представлять себя в качестве социального существа», значит социальное есть не что иное, как мыслительная категория. «Социальное, следовательно,—согласно Макс Адлеру—...как раз так же трансцендентально, как например пространство и время по Канту».

Таким приемом социальные отношения людей, которые в действительности являются реальными отношениями, обусловленными реальным процессом производства, превращены фальсификатором марксизма в эфемерную мыслительную «трансцендентальную» категорию.

Для чего фальсификатору марксизма необходима эта утонченная игра ума, вскоре обнаруживается из дальнейших откровений его соратника и последователя: все это нужно для того, чтобы проложить философский путь к поповщине. «Макс Адлер,—свидетельствует Браунталь,—пришел к некоторого рода трансцендентально-социальному представлению бога, согласно которому понятие бога является мыслительной необходимостью для достижения социального идеала, аналогично кантовскому представлению бога как мыслительной необходимости для осуществления нравственного идеала».

Какой подлинно земной, классовый, а не умозрительно-трансцендентальный смысл имеет эта философская подготовка для перехода на поповские позиции, легко увидеть, если обратиться к писаниям «христианских социалистов», проповедующих «единение» рабочих под эгидой церкви. О перекличке между социал-фашистами и фашистами свидетельствует и другой теоретик социал-демократии Г. Деккер, который для видимости полемизирует с представлением «о двух борющихся между собою антикапиталистических движениях» и даже «о двух враждующих братских движениях», причем под этими братскими движениями понимаются социал-демократическое и национал-социалистическое движения¹⁾. Повидимому еще не пришло время для открытого перехода в ряды фашизма, поэтому социал-фашистский теоретик пока не хочет последовать зазываниям посредника между «враждующими, но братскими» движениями—Эдуарда Гейманна, который прямо приглашает к уничтожению старых рамок социализма и слиянию враждующих течений воедино.

Смысл своей полемики против этих преждевременных предложений раскрывает сам Г. Деккер, когда он обращает внимание своих сторонников на преждевременность слияния с партией «среднего сословия», чтобы не утратить своих позиций среди пролетариата.

В самом деле, какая цена будет социал-демократическому штабу в глазах буржуазии, если этот штаб повиснет в воздухе без опоры в рабочем классе? «Я хотел бы,—заявляет Деккер,—обратить внимание всех, не исключая Гейманна, на то, что мы должны завоевать не только некоторую часть «пролетаризированного» или, точнее говоря, обедневшего среднего сословия, но и прежде всего еще весьма значительную часть пролетариата, рабочего класса в тесном смысле слова, и что мы без сомнения еще больше потеряем среди пролетариата, если усвоим программу «среднего сословия»²⁾.

Эти признания объясняют нам, что удерживает фальсификаторов марксизма от окончательного сбрасывания «марксистских» одежд.

¹⁾ Georg Decker, Bekenntnisse der Sozialdemokratie, «Die Gesellschaft», № 2, 1933.

²⁾ Там же.

„Неогегельянский“ фальсификатор марксизма З. Марк

Яростную борьбу против марксизма ведет и представитель «неогегельянского» крыла социал-фашистской философии — «левый» социал-фашист Зигфрид Марк.

Первым шагом его в деле систематического извращения марксизма с целью приспособления марксистской фразеологии к социал-фашистской теории является утверждение, что марксизм—простой отпрыск идеалистической философии. «Историческое происхождение марксизма из гегельянства является ныне общим достоянием научного сознания»¹⁾. Уже это первое утверждение в корне извращает вопрос о генезисе марксизма как идеологии революционного пролетариата, так как, «начиная с 1844—45 гг., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом»²⁾, а кроме того он никогда не был правоверным, гегельянцем.

Разделавшись с вопросом о происхождении марксизма, Марк с меньшей легкостью расправляется с вопросом о характере и значении революционной материалистической диалектики. «Сознательное теоретико-познавательное обоснование диалектики в марксизме,—пишет он,—не критическое и не гегельянское, но позитивистическое и наивно реалистическое»³⁾.

Марк и здесь не особенно затрудняет себя доказательствами, его задача проще—как можно решительнее исказить и опошлить теорию марксизма. Поэтому он прямо переходит к вопросу об обосновании диалектики в марксизме и сразу же открывает, где лежит корень зла, источник материалистического грехопадения марксизма, именно — в материалистической теории отражения.

«Так называемое теоретико-познавательное обоснование диалектики в марксизме происходит, таким образом, в форме теории отражения». Эта теория определенно не нравится представителю критической диалектики. «Она выбрасывает за борт не только эманатистический идеализм Гегеля, но в этой теории отражения исчезает всякий остаток методического критического идеализма, разум устраняется... не только как гегелевский демиург действительности, но и как законодатель природы в смысле критицизма»⁴⁾. Ясно, что такая дерзкая теория, которая в корне противоположна и абсолютно чужда идеализму Гегеля и критическому идеализму Канта, «не стоит того, чтобы с нею бороться». Очевидно требуется что-то другое. Нужно разорвать марксистскую теорию на части, чтобы легче было справиться с каждой в отдельности. Этими частями являются исторический материализм как безобидная «социологическая» теория, с другой стороны, философский материализм, который в глазах критического идеалиста не заслуживает даже опровержения: исторический материализм, уверяет Марк, не имеет ничего общего с философским материализмом, а соединение диалектики с материализмом есть действительное грехопадение Маркса, есть «перенесение ее на почву самой чуждой ей метафизики научного реализма»⁵⁾.

Отмежевавшись таким образом от материализма Маркса, «критический» диалектик Марк делает весьма важное «открытие». Оказывается, в области политической экономии Маркс расстается со своим «наивным реализмом» и становится вполне приемлемым для критической философии «социологом». В самом деле, рассуждает Марк, Маркс ставит вопрос: «Каковы условия общества, покоящегося на товарном производстве?». Эти условия, разъясняет критический диалектик, не причинно детерминированные

¹⁾ S. Marck, Hegelianismus und Marxismus.

²⁾ Ленин, К. Маркс, т. XVIII, стр. 1—43.

³⁾ S. Marck, Цит. соч., стр. 13.

⁴⁾ Там же, стр. 13.

⁵⁾ Там же.

(каузальные), а логические условия, которые делают понятным смысл определенной эпохи товарного производства. Логические условия товарного производства суть «категории объяснительной социологии» в смысле Макса Вебера, и здесь «разумно целесообразное поведение» хозяйствующих субъектов положено в основу познания в качестве «идеального типа».

Софистический характер такой аргументации уже давно разоблачен. Реальные отношения производства не перестают быть реальными вследствие того, что мыслящий субъект выражает их в логических категориях.

Произведя таким образом обработку Маркса под Макса Вебера, Марк, удовлетворенный результатом своего не особенно сложного методологического фокуса, с самодовольством заявляет: «Маркс постоянно подчеркивает применяемый им методический идеализм, не сознавая всей противоположности этого методического идеализма его позитивистическо-материалистической теории отражения»¹⁾.

Было бы ошибкой думать, что наглость критического философа ограничивается этим. Ему требуется превратить Маркса не просто в идеалиста, а в «критического», кантианизированного идеалиста. «Его (именно метода Маркса.—В. П.) логическим ядром остается и здесь подлинная критическая диалектика, мысль о коррелятивном соотношении основных категорий»²⁾. Другими словами, в основе метода Маркса якобы лежит «изначальный дуализм».

Трудно конечно допустить, что Марк не понимает или сам не замечает производимой им фальсификации. Он хорошо знаком с работами Маркса и с его диалектико-материалистическим методом. Развернуть перед своими читателями этот метод, беспощадную марксову критику идеализма было бы опасно. Поэтому основным приемом Марка является замалчивание марксовой критики всякого идеализма и систематическое извращение Маркса с целью превращения его в критического идеалиста.

После теории познания марксизма и метода политической экономии приходит очередь материалистического понимания истории. И здесь, по Марку, дело обстоит весьма просто: Маркс в своей критике капитализма повторяет Руссо, но только излагает его теорию гегелевским языком. Вот только в учении о государстве Маркс оказывается не сумел полностью удовлетворить запросов «критической» философии. Поэтому здесь потребовалась помощь Кунова и Реннера. «Заслугой неомарксистского направления под руководством Кунова и Реннера является вскрытие противоречий этой марксистской теории государства и подчеркивание положительной стороны государства для марксистского социализма»³⁾.

Таким образом здесь круг завершен. Маркс обработан под критического идеалиста, его революционное учение заменено буржуазной теорией.

Следующим приемом в извращении марксизма является противопоставление Марксу Энгельса, который в глазах социал-фашизма и в особенности его новейшего поколения является главным виновником в деле неприемлемого для «критической» философии «перенесения диалектики на материалистическую почву».

«Отход от Гегеля,—сокрушается Марк,—был произведен Энгельсом уже в той форме, что на место идеи как демиурга действительности были поставлены наши представления как отображения реальности»⁴⁾.

Едва ли есть необходимость останавливаться на этом грубом извращении марксизма. Каким образом можно додуматься до такой концепции, в которой демиург действительности в виде саморазвивающейся идеи заменяется

¹⁾ S. Marck, Hegelianismus und Marxismus, стр. 15.

²⁾ Там же, стр. 19.

³⁾ Там же, стр. 31.

⁴⁾ S. Marck, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, I, S. 120.

пассивными отображениями действительности? Не чувствуя за собой способностей подвергнуть критике действительный диалектический материализм Маркса и Энгельса, Марк подменяет его совершенно неуклюжей фальсификацией.

Все это необходимо представителю субъективного идеализма, чтобы обосновать разрыв между природой и обществом, отделить диалектический материализм, отождествляемый им с естественно-научным материализмом, от исторического материализма.

Проделав работу превращения марксизма в «критический» идеализм, отделив Энгельса от Маркса, Марк ставит своей задачей преодолеть ленинизм, посвящая этому делу статью «Ленин, как теоретик» (точнее — гносеолог).

Главным виновником возникновения «вульгарной диалектики» опять же является Энгельс, который ввиду занятости Маркса дал свое изложение диалектики, якобы расходящееся со взглядами Маркса. Здесь «критический» философ дает свою «глубокомысленную» концепцию возникновения материалистической диалектики:

«В извилистом пути развития Маркса, от «Критики гегелевской философии права» до экономической системы, дело как раз-то и не дошло до построения самостоятельной методологии, которая планировалась им, как всеобъемлющая диалектика. Таким образом, вместо первоначальной марксистской диалектики приходится обращаться к резюмирующей интерпретации ее Энгельсом, который отчасти сознательно популяризирует мысли, отчасти невольно их упрощает»¹⁾.

Социал-фашист Марк отнюдь не смущается тем, что эта его концепция стоит в самом очевидном противоречии с историческими фактами, так как любому грамотному человеку, который только начал знакомство с марксизмом, не может быть неизвестным, что «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Коммунистический манифест» были написаны Марксом и Энгельсом совместно, что «Анти-Дюринг» Энгельса был полностью одобрен Марксом, что «излагаемый здесь (т. е. в «Анти-Дюринге») метод и мировоззрение в значительнейшей своей части были обоснованы и развиты Марксом» (Энгельс). Но какое дело фальсификатору марксизма до этих фактов? С целью доказательства расхождения Маркса и Энгельса является необходимостью забвение неприятных фактов и извращение всех действительных концепций материалистической диалектики.

Приступая к борьбе с материалистической диалектикой Ленина, Марк продельвает следующий очередной фокус, необходимый для одурачивания доверчивых читателей, именно — об'единение в одну философскую школу Ленина с Бухариным и с Дебориным.

«На основе этого изложения (т. е. изложения Энгельса. — В. П.), — сообщает Марк, — развилась некоторая вульгарная диалектика, которая была канонизирована официальным коммунизмом (Ленин, Бухарин, Деборин). Она выступает в качестве диалектического материализма в тесном контакте с естественно-научным материализмом и с критической «теорией отражения»²⁾.

Упростив таким образом задачу и смешав воедино материалистическую диалектику Ленина с механистическими позитивистическими теориями Бухарина и с меньшевистствующим идеализмом Деборина, Марк приступает к «научному» опровержению материалистической диалектики и особенно ненавистной ему «теории отражения».

Борьбу с ленинизмом, с ленинским обоснованием философии диалектики

¹⁾ S. Marck, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, I, S. 120.

²⁾ Там же.

ческого материализма теоретик социал-фашизма ведет яростно, прекрасно понимая смертельную опасность материалистической диалектики для неокантианской и всякой иной схоластики.

Понимание отражения Марком как застывшего, мертвого и непосредственного зеркального отображения предмета свидетельствует лишь, что этот утонченный «критический» диалектик по существу не в состоянии выйти за пределы вульгарно-механистических представлений.

Не будучи в состоянии опровергнуть ленинскую теорию отражения, Марк предпочитает попросту отделаться от нее путем квалификации ее как «вульгарной философии» и противопоставления ей точки зрения критического идеализма, которая приводит этого философа к полному и безнадежному агностицизму. Само собой разумеется, что такая обреченность разума на бесплодие имеет под собой совершенно определенный классовый смысл. Именно в первую очередь—задача обречь разум на бесплодие, чтобы расчистить путь религиозной метафизике.

Поэтому Марка особенно беспокоит атеистический, антирелигиозный характер ленинской философии, поэтому он всячески стремится выставить в неприемлемом для своего читателя виде борьбу с религиозной идеологией: «Сокровеннейший нерв ленинского философствования — это борьба против всякой религиозной идеологии. Из ненависти к ней он исповедует научную идеологию, даже веру в естествознание. Марксистский скепсис по отношению ко всякой идеологии приостанавливает у него свое действие перед идеологией естественно-научного материализма, так как он усматривает в ней надежнейшее целебное средство против какой бы то ни было возможности возрождения религиозной идеологии. Всякая антиматериалистическая философия, но прежде всего философский идеализм являются для него подозрительными в смысле своей надежности в антирелигиозном отношении»¹⁾.

Нетрудно понять, почему здесь Марк избегает подлинных выражений Ленина, который заклеил идеализм как фидеизм и поповщину. Нетрудно понять, почему «критический диалектик» забывает о «поразительных чертах родства» с теистической диалектикой, т. е. попросту с поповщиной, своей собственной критической философии. Далее «критический» диалектик никак не может примириться с ленинским тезисом о партийности философии, о неразрывной связи между гносеологией и классовой позицией. «Философия для коммунизма,—замечает Марк,—столь же мало может быть частным делом, как и религия». Для Марка такая позиция объяснима только в качестве фанатического ослепления, его пониманию совершенно недоступна мысль, что эта ленинская непримиримость есть теоретическое выражение непримиримого антагонизма пролетариата и буржуазии, выражение сознания и воли класса, революционно преобразующего мир. Поэтому его объяснения не выходят за пределы доводов из области индивидуальной психологии: «Ленинскую критику познания в ее мотивах можно понять лишь в том случае, если привлечь его откровенные заявления по религиозным вопросам, например из писем к Горькому. Там всякое «богоискательство» клеймится как духовная «некрофилия» (труположство), всякое кокетничание с идеей божества характеризуется как «несказанная пошлость». К таким выпадам ненависти против веры в бога способен лишь атеизм, превратившийся в религию»²⁾. Таким путем Марк надеется ослабить силу ленинского тезиса о том, что всякий идеализм есть либо прямая и откровенная, либо прикрытая поповщина. Он вынужден признать боевой целеустремленный характер ленинской философии, но всячески отгораживается от такой позиции, так как она срывает маску с соглашательства, прикрывающегося «научным объективизмом»: «Он (т. е. Ленин),—

¹⁾ S. Marck, Lenin als Erkenntnistheoretiker, «Der Kampf», 1928 г. № 10.

²⁾ Там же.

по признанию Марка,—как политический мыслитель, так же, как и гносеолог, всегда стратег. Он ведет войну на каждой странице своего труда. И он ведет ее со всей решительностью и беспощадностью, которая стремится уничтожить противника. Как в политике, так и в философии для него существует лишь система «двух классов», он признает «либо—либо», черное или белое, идеализм или материализм. Эти философские направления отвечают для него делению на буржуазию и пролетариат. В борьбе против религиозной веры критика познания для него—часть классовой борьбы. Так же, как и в политике, ожесточеннейшим образом преследуется ересь в собственном лагере. Идеализм есть философский классовый враг, философия буржуазии: эмпириокритицизм представляется как философский меньшевизм, помогающий этому врагу. Поэтому он должен быть уничтожен прежде всего» (там же).

Не приходится удивляться, что такая позиция приводит в ужас представителей профессорской благовоспитанности, лекарей капитализма и «диномированных лакеев поповщины».

Философия и политика „левого“ социал-фашизма

Политический смысл философии Марка раскрывается в обосновании им всей политики социал-демократии как умеренного крыла фашизма. Заменяя закон отрицания отрицания как формулу революционного разрешения противоречий своим «коррелятивным» соотношением с отрицанием, он дает теоретическое обоснование идеи вrastания капитализма в социализм, примирения пролетариата и буржуазии, сохранения буржуазного государства как вечной и надклассовой формы общества. Его синтез есть «коррелятивный» синтез мирного сожительства противоположностей, отсюда его теоретическая солидарность с философией фашизма под формой борьбы с фашизмом и критики его. Его симпатии к философии фашизма не только помимо воли обнаруживаются в его произведениях, но и подтверждаются его прямыми заявлениями: «Философия настоящего времени,—говорит он,—стоит под знаком борьбы между защищаемой неогегельянством идеалистической установкой и течением, которое объединяется под термином «философия существования» (экзистенциальная философия)... Живой марксизм критически противопоставляет себя обеим борющимся группам. Однако ему есть чему поучиться у обеих, так как если идеалистическое обоснование политики ведет преимущественно к либеральным следствиям, а экзистенциальная—к фашистским, то такая борьба, естественно, в высокой мере затрагивает марксистское мировоззрение»¹⁾.

Смысл этого заявления раскрывается, если сопоставить его со всеми основными тезисами социал-демократической политики. Это сопоставление обнаруживает тесную связь философии и политики социал-фашизма. Задача философа социал-фашизма—проповедь «синтеза» «реформизма» и «радикализма» внутри социал-демократии для ограждения ее от распада и, с другой стороны, «синтез» с фашизмом. Само собой разумеется, что эта задача осуществляется при сохранении революционной фразеологии, без чего был бы совершенно безнадежен «левый» маневр.

Особенности этого маневра проявляются во всех вопросах: в вопросе о классовой борьбе, о всеобщем кризисе капитализма, о диктатуре пролетариата, и особенно в вопросе о государстве, которому «левый» социал-фашист посвящает ряд своих работ как вопросу, стоящему в центре политической теории социал-демократии.

¹⁾ S. Marck, «Existenzphilosophische» und idealistische Grundlegung der Politik, «Die Gesellschaft», 1932 г., № 11.

В интересах спутывания карт и одурачивания масс дается сначала якобы «марксистская» критика государства. Государство, говорит Марк, есть продукт господства над человеком стихийных сил развития общества. «Позади его трансцендентности кроется классовое деление общества, которым обуславливаются также упомянутые хозяйственные законы»¹⁾.

На поверхностный взгляд — это критика буржуазного государства, в действительности же — это форма борьбы с марксистской теорией государства.

В этом вопросе, несмотря на всю словесную маскировку, обнажается родство «критической» философии с фашистской теорией государства: «Наш тезис, — говорит Марк, — состоит в том, что государство принадлежит к формальным, поэтому неизменным понятиям всякой культуры, что оно в этом смысле некоторая вечная категория, или — лучше — представляет вневременно значимую ценность... Государственный идеализм, представляемый нами, имеет корни в критической философии, которую мы рассматриваем как научную основу философствования и которой мы приписываем вечное содержание, относящееся к трансцендентально-формальным условиям всякого мышления и действия»²⁾.

Увлечшись вопросом увековечения буржуазного государства, Марк договаривается до полной солидарности с фашизмом, которую он уже не может и не хочет скрывать. Можно ли, спрашивает он, считать, что через современное классовое государство просвечивает «вечная идея» государства, и отвечает на этот вопрос утвердительно, причем полностью и целиком отказывается не только от марксизма, но даже от марксистской фразеологии и развивает ничем неприкрытую фашистскую концепцию: «Реальность народного целого по отношению ко всякого рода классовым подразделениям во всяком случае нельзя отрицать. Народность сильнее, чем класс, просто потому, что она коренится в элементарном, в естественном, в то время как класс означает общественный искусственный продукт. А вместе с тем и отечество как политическое выражение народности, национальное государство, в котором жизненная сила данного народа создает свою внешнюю форму, где жизненное сообщество находит свое законное и организационное выражение, стремится создать свое тело в пространстве и продолжительность во времени, есть действительность, силу которой не может уничтожить никакой пролетариат»³⁾.

Как будто для того, чтобы не оставалось никаких сомнений относительно подлинного характера этих рассуждений, Марк добавляет: «Наши мысли стремятся к синтезу черно-красно-золотого и красного».

Основная задача, преследуемая «левым» социал-фашизмом, — это непримиримая борьба с коммунизмом, маневрирование, левая фразеология с целью удержания социал-демократических рабочих от перехода в ряды коммунизма и неустанная работа по «синтезированию» «реформизма» и «радикализма». Об этих задачах теоретики «левого» крыла социал-демократии с цинической откровенностью часто проговариваются сами, поэтому достаточно обратиться к их собственным признаниям, чтобы пригвоздить их к позорному столбу как предателей рабочего класса. Вот как например разъясняет историческую функцию «левого» социализма один из виднейших представителей «левого» крыла — Макс Адлер. Защищаясь от упреков правых и ставя в заслугу «левым» удержание социал-демократических рабочих от перехода в ряды коммунистической партии, этот теоретик «левого» крыла говорит: «В свете

¹⁾ S. Marck, Sozialdemokratie, Berlin, 1932 r., S. 6.

²⁾ Там же.

³⁾ S. Marck, Marxistische Staatsbejahung, S. 30—31.

этой постановки вопроса теряет всякий исторический смысл упрек, будто левое течение угрожает единству партии... Если все более значительные массы в немецкой социал-демократии испытывали отталкивание вследствие господствующей партийной политики, то всецело заслугой левого течения было то, что они не покинули уже давно партию. Чем сильнее левое течение внутри социал-демократии, тем в большей мере оно способно удерживать именно живые революционные элементы и прежде всего молодежь под знаменем партии»¹⁾.

Углубление всеобщего кризиса капитализма, связанное с ним обострение противоречий буржуазного общества, ослабление влияния социал-демократии на массы побуждают социал-демократических вождей и теоретиков изыскивать меры для сплочения социал-демократии, совершенствовать и усложнять свои маневры.

О задаче сплочения социал-демократии Марк не устает говорить; для него является основной аксиомой «внутренняя связь «реформизма» и «радикализма» в социал-демократии. Синтез этих противоположностей возможен и необходим»²⁾.

Страсть к этим синтезам—его основная страсть, которая, по его собственному объяснению, проистекает из его примиренческой установки, именуемой им «диалектической»: «установка диалектика в интеллектуальной области соответствует позиции «марксистского центра» в политике. Она направлена на синтез рационализма и иррационализма. В самом деле, иррационалистическая установка, как правило, связана с оппортунистическими, рационалистическая—с радикально-доктринерскими следствиями. Так же и там, где диалектический мыслитель сознательно решает вопрос в пользу той или иной позиции, так М. Адлер и Г. Лукач³⁾—в пользу радикальной, Э. Гейман⁴⁾—реформистской, с деловой стороны сохраняется стремление к синтезу в философском, а также в политическом отношении»⁵⁾.

Вот каковы основные задачи «левого» социал-фашизма: травля коммунистов и клевета на коммунизм, оберегание социал-демократии от развала и всесторонние синтезы социал-демократической теории и политики с теорией и политикой буржуазии и фашизма, прикрытые левыми маневрами и революционными фразами.

Задачи этих маневров разоблачает XII пленум ИККИ.

«Массовое влияние социал-фашистов,—говорит резолюция XII пленума ИККИ,—почти во всех странах уменьшилось, но тем усиленнее и многообразнее становятся применяемые им маневры (возглавление стачек для их обезглавливания, в отдельных случаях провозглашение даже демонстративных всеобщих забастовок, мнимая борьба против фашизма, за мир, в защиту СССР и т. д.). Особое усердие в этих маневрах проявляют «левые» социал-демократические группы при одновременном разворачивании бешеной травли коммунистических партий и СССР. Только учитывая многообразные формы маневров социал-фашистов во всей их конкретности, коммунисты могут действительно разоблачить и изолировать этих последних»⁶⁾.

В поисках выхода из кризиса буржуазия делает свою последнюю ставку

¹⁾ M. Adler, Die historische Funktion des Linkssozialismus, «Der Kampf», 1932 г., Н. 2.

²⁾ S. Marck, Sozialdemokratie, Vorwort.

³⁾ Этот иудин поцелуй по адресу т. Лукача объясняется тегельянскими ошибками последнего, в результате которых «критический» идеалист принял его за своего соратника.

⁴⁾ Религиозный социалист.

⁵⁾ S. Marck, Цит. соч., стр. 66.

⁶⁾ Из тезисов XII пленума ИККИ о международном положении и задачах секций Коммунистического интернационала.

на фашизм, отводя при этом определенную роль и умеренному крылу фашизма—социал-демократии. Последняя как главная социальная опора буржуазии в рядах рабочего класса нужна в роли «оппозиции». Игра в оппозицию с целью удержания социал-демократических рабочих от образования несокрушимого единого революционного фронта с коммунистическими массами под руководством коммунистической партии—главный маневр социал-демократии, и в особенности ее «левого» крыла.

Каждый новый поворот в разворачивании боев пролетариата против сил буржуазного лагеря раскрывает глаза все более значительным слоям социал-демократических рабочих, приближая тот момент, когда социал-демократические рабочие массы окончательно разоблачат предательскую роль социал-демократической партии, отправив ее генеральный штаб, ее вождей и теоретиков, как правых, так и «левых», в одну общую историческую мусорную яму.

* * *

Разразившаяся в марте фашистская контрреволюция в Германии привела социал-фашизм, обнаживший перед всем миром свою внутреннюю гнилость, к полному политическому и идейному краху. Тот факт, что фашистская буржуазия без всякой деликатности выбрасывает за дверь третьей империи своих, ставших теперь (на долго ли!) ненужными, лакеев, не только не меняет дела, но еще с большей яркостью подчеркивает позорную роль социал-фашизма, верой и правдой служащего капиталу, всеми силами и средствами подготавливавшего торжество фашизма. Каковы бы ни были попытки обанкротившихся вождей II интернационала спасти лицо германского штаба социал-фашизма, они не смогут ослабить полного и бесповоротного разоблачения предательской роли социал-фашизма в глазах миллионов масс социал-демократических рабочих и удержать их от массового перехода в ряды борцов за пролетарскую революцию.

Германский фашизм и религия

Е. Коровин

I

В материалах VI конгресса Коминтерна мы находим обрисовку классового лица и социальной сущности фашизма. Последний, типичный продукт капиталистического загнивания, является попыткой монополистического капитала преградить развитие пролетарской революции путем организации массового реакционного движения. Для фашизма характерны методы прямого насилия, открытая и последовательная диктатура капитала, отбросившего фигурные листки демократических «свобод». Фашизм «предоставляет в распоряжение господствующих классов вооруженные силы, специально вымуштрованные на предмет гражданской войны, и осуществляет новый тип государства, открыто опирающегося на насилие, принуждение и коррумпирование не только мелкобуржуазных слоев, но и некоторых элементов рабочего класса», преимущественно из привилегированной его верхушки и деклассированных низов.

Служа таким образом открытым орудием буржуазии, ища, с другой стороны, опоры в наиболее отсталых и косных слоях населения и проводя «неслыханный экономический и социальный нажим на массы», фашизм, являясь сам в аспекте истории предсмертной судорогой капитализма, естественно тянется к испытанному капиталистическому орудью закабаления масс — к религии и церкви.

Если все без исключения капиталистические правительства в эпоху империализма широко используют для выполнения своего «социального заказа» религиозную идеологию и церковную организацию, то фашизм делает то же самое, но более прямолинейно и грубо. «Франция — слишком видная дама, чтобы ей подобало ходить в Ватикан с черного хода» — жаловался когда-то папский статс-секретарь Мерри дель-Валь, оплакивая лицемерие и трусость французской буржуазии, провозглашавшей с парламентской трибуны боевые лозунги революционного атеизма («раздавите гадину») и одновременно торговавшей в архиерейских приемных и министерских передних с церковниками об оплате их услуг по проведению желательных правительству кандидатов на выборах, по пропаганде в колониях «слова божия» и товаров французских фирм...

Напротив, фашизм в церковной своей политике «бросает», по выражению Муссолини, все свои «карты на стол». Он открыто объявляет церковь опорой фашистского режима, открыто берет ее на полное свое иждивение, открыто превращает чернорясников в неотъемлемую принадлежность фашистского государственного строя, осуществляя в теории и на практике союз «свастики и кадила», «маузера и креста». История германского фашизма в его взаимоотношениях с церковью служит новой и яркой иллюстрацией этого положения.

II

В период своей (мелкобуржуазной) юности германский фашизм, выступая в роли критика буржуазно-демократических форм послевоенной Германии (ср. политический дебют Гитлера в мюнхенской пивной с его пресловутым «Ich protestiere»), разрешал себе обстрел идеологических твердынь господствующих в Германии церковных организаций.

Оппозиция христианству вылилась в раннем фашизме в две формы: 1) в полное отрицание христианства со стороны более радикальных групп и 2) в различных попытках религиозного ревизионизма. Сторонники первого направления (круги, объединявшиеся вокруг генерала Людендорфа и др.) указывали на несомненную историческую связь между христианским культом и юдаизмом, усматривали в европейско-христианском мессианизме прототип социалистических «утопий» и на этом основании объявляли его несовместимым с германским «национальным духом» и программой национального «возрождения».

Практический отсюда вывод: замена христианского культа (не говоря уже об юдаизме) древнегерманским пантеоном (Вотан, Зигфрид и К^о) с бутафорскими попытками реставрации языческих религиозных церемоний¹⁾.

Наиболее последовательные договаривались при этом до необходимости беспощадной борьбы с христианством. Так например в августе 1923 г. на митинге национал-социалистов в Нюрнберге партийный оратор Долль доказывал, что «для уничтожения христианства, отравившего германский дух, и для замены его германскими богами неизбежны жестокие бои. Пусть в результате их из 70 миллионов германцев останется только 7 миллионов, но они и их преемники будут владыками мира»²⁾.

Значительно более многочисленными были сторонники церковного ревизионизма в различных его оттенках. «Великая ошибка богословов,— писал Теодор Фрич,— в смешении отца небесного, бога Иисуса Христа с еврейским богом. Евреи — не сыны божьи, но дети дьявола... Учение Христа — это арийский протест против еврейского духа, враждебного человечности и всякой морали».

Другие ревизионисты, начиная с небезызвестного апологета арийской расы Чемберлена, потратили немало сил на доказательство арийского происхождения Иисуса. Последний «авторитет»³⁾, высказавшийся в этом смысле, не кто другой, как бывший германский император Вильгельм II, разразившийся в марте 1923 г. письмом о проекте религиозных реформ с нижеследующим тезисом: «Наши предки, в религиозном смысле, не евреи, но Зороастр и персы — следовательно арийцы. Современники Иисуса называли его галилеянином, человеком из Назарета, но не из Вифлеема; из чего вытекает, что Иисус не был «евреем-семитом», так как евреи-семиты не имели права жить в Галилее». Некоторые из доморощенных богословов идут на компромисс: допуская еврейское происхождение Иисуса с материнской стороны (Мария), в виде компенсации наделяют его внебрачным отцом чистокровно арийского племени. Наконец другие фашисты довольствуются пересмотром библии, требуя коренной переделки Ветхого завета и Апокалипсиса для вытравления из них «еврейского духа», а также замены еврейских пророков легендарными героями германского народного эпоса⁴⁾.

¹⁾ René Laurent, *Le National Socialisme vers le Troisième Reich*, p. 1932 г., стр. 41—42.

²⁾ Raoul Patry, *La religion dans l'Allemagne d'aujourd'hui*, стр. 172.

³⁾ Там же, стр. 165.

⁴⁾ Сообщение копенгагенской газеты «Politiken», см. журн. «Лу» № 16 (98), 1933 г.

III

Чем больше приближается германский фашизм к захвату власти, чем ясней раскрывается роль его как агентуры крупного капитала (начав со скромных субсидий владелицы музыкальной фабрики Бехштейн, Гитлер переходит постепенно на иждивение магнатов финансового капитала и крупной промышленности — концернов Тиссена, Борзига, Круппа)¹⁾, тем реже и реже становятся эти ревизионистские потуги. По мере того как «капитализм «цветущий» превращается в капитализм «умирающий»²⁾, фашизм — орудие его террористической диктатуры — «соединяется со всеми без исключения реакционными силами» и с надежнейшим оплотом реакции — церковью, этой «алмазной плотиной» на путях революции, по образному выражению американского министра труда.

Отметим важнейшие этапы фашистской переоценки ценностей. Параграф 24-й партийной программы нац.-социалистов в последней ее редакции 22 мая 1926 г. гласит: «Мы требуем свободы всем вероисповеданиям в государстве постольку, поскольку они не подвергают опасности его существование и не находятся в противоречии с чувством пристойности и морали германской расы. Партия защищает точку зрения положительного христианства, не связывая себя с определенным вероисповеданием. Она борется с еврейско-материалистическим духом»... Как видим, формула религиозной политики достаточно каучуковая («постольку-поскольку»), причем партия оставляет за собою право выбора полезных и вредных вероисповеданий, следуя впрочем в этом отношении социал-демократическим прецедентам, предлагавшим различать религии вредные и полезные для пролетариата. Все же, несмотря на растяжимость § 24, последний знаменует собою открытый поворот партии к христианской церкви, поскольку «положительное христианство» включается отныне в официальную программу партии. В брошюре-руководстве «Об обязанностях национал-фашистских штурмовиков» («Pflichtenlehre des Sturm-Abteilungsmannes») издания 1932 г. понятие «положительное христианство» подвергается дальнейшему уточнению. Руководство ставит вопрос: «Правда ли, что своими принципами национал-социалистическое движение восстает против учения католической церкви?». И на вопрос дает отрицательный ответ с нижеследующей мотивировкой: «Мы хотим обеспечить нашему народу свободу и хлеб и заявляем, что для достижения этой цели народу необходима религия. Наша партия решила покровительствовать двум христианским вероисповеданиям — католическому и протестантскому. Национал-социалистическое движение не только не является врагом христианских религий, но займет в отношении их открыто благожелательную позицию».

Однако реализация этой «благожелательности» столкнулась на практике с некоторыми осложнениями. В то время как руководящие деятели протестантской церковной организации за немногими единичными исключениями довольно легко и быстро усвоили новый национал-социалистический курс, руководители германского католицизма и в частности епископат оказались в более затруднительном положении. Затруднения эти восходили в основном к тем разногласиям, которые обусловили борьбу национал-социалистов с католической партией центра и являлись в свою очередь выражением обострявшейся на почве кризиса борьбы между различными агентствами монополистического капитала в Германии и разногласий между ними по вопросу о методах (тактике) спасения капиталистического строя.

¹⁾ См. Robert Tourbyet Z. Lvovsky, Hitler, P. стр. 78, 1932 г.; также René Laurent, op. cit. стр. 146.

²⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 23, изд. 9-е.

Не останавливаясь на истории партии центра, ее программе, отметим, что центр, немало потрудившийся в деле демагогического обмана трудящихся масс («зубатовщина» христианских профсоюзов) и фашизация германского государства (через систему чрезвычайных указов Брюнинга), считал опасным для судеб германского капитализма как внутри страны, так и вне ее путь открытого фашизма, этой «террористической диктатуры крупного капитала», предпочитая фашизм, завуалированный демократической бутафорией, и испытанную поддержку социал-фашистских ренегатов. Кроме того католическая партия с ее опорной базой в южногерманских государствах (Бавария и др.) опасалась победы вместе с «нацисами» прусского централизма и не без основания увидела в результате внешнеполитических экспериментов союзников Гитлера неизбежное углубление международной изоляции Германии.

Характеризуя борьбу партии центра с «нацисами», Гитлер в одном из своих выступлений заявил: «Эти люди, с которыми мы боремся не из-за их принципов, встают против нас, движимые страхом, что настанет день, когда мы везде займем их места»¹⁾. Однако германские церковники не желали последовать за похвальной откровенностью Гитлера и поспешили дать высоко идеологическое обоснование своим разногласиям. В октябре 1930 г. католический епископ Майнца выступил с посланием, посвященным критике § 24 фашистской программы. «Христианская мораль, — пишет епископ, — основана на любви к ближнему. Национал-социалистические писатели не признают этой заповеди в смысле учения Христа. Они превозносят германскую расу и проповедуют презрение к другим расам. Это презрение, часто доходящее до настоящей ненависти к другим расам, не соответствует христианству и католицизму. Великое заблуждение — требовать, чтобы христианский закон приспособлялся к моральному чувству германской расы»²⁾. За епископом майнцским последовал архиепископ падерборнский, утверждавший, что национал-социалисты «стремятся к организации новой немецкой расистой церкви (eine deutsche Volkskirche); в этом случае свастика становится символом войны против креста Христова». А потому «всякое присоединение католиков к национал-социалистической партии воспрещается до тех пор и в той мере (разрядка наша.—Е. К), пока она отстаивает моральные и политические понятия, несовместимые с католическим учением»³⁾.

В январе 1931 г. кардинал-архиепископ бреславский в новогоднем своем послании заявил: «Мы, христиане-католики, не знаем никакой религии расовой, но единое христианское откровение. Мы, католики, не знаем церкви национальной: единый пастырь и единое стадо на всем пространстве земли — таков основной план царства Христова...»⁴⁾.

В марте 1931 г. последовало коллективное выступление пяти епископов (кельнского, лимбургского, оснабрюкского, тренского, мюнстерского) в виде «манифеста», обращенного к верующим католикам⁵⁾. В этом документе прелаты ставят вопрос: «Какого поведения должны придерживаться верующие католики по отношению к движению, развивающемуся в Германии под названием национал-социализма?». И на этот вопрос дают ниже следующий ответ: «Значительное количество неточных и ложных понятий, развиваемых представителями национал-социалистического движения на публичных собраниях, в печати и в книгах по поводу основных христианских истин... угрожает с каждым днем все больше и больше смутить и подвергнуть опасности души, доверенные нашему пастырскому попечению». Епископы

¹⁾ René Laurent, op. cit., стр. 180.

²⁾ Там же, стр. 182.

³⁾ Там же, стр. 184—185.

⁴⁾ Там же, стр. 257—258.

⁵⁾ «Germania», 6/7 марта 1931 г.

ссылаются далее на свои прежние выступления против социализма, коммунизма и других «враждебных католицизму» учений, напоминая в частности недавнее осуждение римским папой французской националистической организации «Action Française»¹⁾, «своими заблуждениями в некоторых существенных пунктах родственной ошибкам вождей национал-социализма». Вследствие чего «в соответствии со словами баварских епископов самым серьезным образом предостерегаем мы от национал-социалистического движения до тех пор и в той мере, пока оно отстаивает в вопросах культуры и политики понятия, несовместимые с католическим учением». Сделав это предостережение, значительно более мягкое, чем в предшествующих церковных документах («предостережение» вместо «запрещения»), епископы сочли необходимым снабдить его «патриотической» оговоркой: «Это никоим образом не означает того, о чем заявляем во всеуслышание, чтобы мы не могли с точки зрения нашей святой религии понять и приветствовать возрождение в нашем бедном отечестве, униженном и поработанном, в нашем народе, раздираемом всякого рода раздорами, чувства общности расы и т. д.».

Как видим, по мере укрепления национал-социалистов и приближения последних к власти язык церковных пастырей обнаруживал явную тенденцию к смягчению и к подготовке компромисса.

Со своей стороны не оставалось в бездействии и национал-фашистское руководство. Почти ежедневно в гитлеровском офицозе «Völkischer Beobachter» стали печататься письма католиков в качестве живой иллюстрации возможности гармонического сочетания фашистской идеологии с католической²⁾. Вместе с тем были открыты непосредственные переговоры между руководителями «нацисов» и партией центра, на данном этапе приведшие к капитуляции последних. Через близкие к фашистам католические круги (фон-Папен и др.) была установлена прямая связь с германской католической иерархией³⁾, вылившаяся в обращении фон-Папена (в сентябре 1932 г.) к президиуму католического конгресса в Эссене с заверениями о немедленной своей готовности «снова и решительным образом водворить христианские принципы в германскую государственную и народную жизнь» в целях «объединения под твердой властью народа, терзаемого моральными и материальными страданиями».

С конца 1931 г. национал-социалисты приступают под руководством небезызвестного русского эмигранта и внешнеполитического советника Гитлера Розенберга к организации в наиболее влиятельных европейских центрах своих постоянных представительств (бюро). В первую очередь организуются заграничные бюро в Лондоне и в Риме, причем последнее усиленно налаживает контакт с ватиканскими кругами, стремясь таким образом воздействовать на германских католиков через их идеологический центр (папство)⁴⁾.

IV

8 ноября 1923 г. в разгар своего мюнхенского путча Гитлер в манифесте к германскому народу возвестил последнему, что «грядущий день найдет здесь либо германское национальное правительство, либо наши трупы». Как известно, вместо могилы Гитлер попал на следующий день

¹⁾ Об инциденте с «Action Française» см. Коровин, Католицизм как фактор современной мировой политики, стр. 43—51.

²⁾ См. например письмо аббата Шахлейзера в «Völkischer Beobachter» от 10/II 1933 г. и др.

³⁾ «Temps» от 3 сентября 1932 г.

⁴⁾ «Temps» от 25 ноября 1931 г.

в тюрьму, а с образованием фашистского правительства Гитлеру пришлось обождать десять лет.

В 1933 г. после прихода к власти германский фашизм отметил первые же свои шаги рядом ответственных выступлений по вопросам религиозно-политического порядка.

7 февраля 1933 г. Руст, новый прусский министр культов, торжественно возвестил о прекращении «навсегда» германского «Kulturkampf» и закончил патетическим призывом: «Я приглашаю христианские церкви и обоих вероисповеданий бороться вместе с нами против общего врага»¹).

5 марта 1933 г. в своей предвыборной речи Гитлер заявил, что главная причина внешних и внутренних неудач всех правительств последованной Германией заложена в том, что «управлявшим Германией в течение 14 лет не хватало благословения божия»²).

23 марта 1933 г. Гитлер в качестве рейхсканцлера выступил с программной речью³) на открытии Рейхстага. В ней, выразив «восхищенную признательность великому прошлому» германского народа, вождь германского фашизма заявил, что «знание традиций нашей истории и нашей цивилизации должно стать нашей гордостью в настоящее время и мостом, ведущим нас в будущее. Уважение к великим людям должно быть снова внушено германской молодежи как священное наследство. Добиваясь политического и морального очищения нашей общественной жизни, правительство создает возможность и укрепляет основы для настоящей и глубокой религиозности. Преимущества личной политики, которые можно было бы получить путем компромисса с атеистическими группами, отнюдь не в состоянии компенсировать последствия, сопряженные с разрушением основных принципов религии и морали. Национальное правительство рассматривает обе христианские религии как факторы первостепенного значения для сохранения нашей ценности как нации. Оно будет уважать соглашения, заключенные этими общинами с государствами. Их права будут соблюдаться, но правительство рассчитывает и надеется, что и другой стороной будет оценена работа по национальному и моральному подъему нашего народа, которую правительство поставило себе задачей. Его отношение к другим вероисповеданиям будет соответствовать объективной справедливости. Однако оно никогда не потерпит, чтобы факт принадлежности к определенному вероисповеданию или определенной расе мог бы освобождать от выполнения законных обязанностей или даже обеспечивать безнаказанность для тех, кто совершает преступления, или тех, кто им попустительствует. Национальное правительство даст и обеспечит христианским вероисповеданиям подобающее влияние в школе и в воспитании. Оно озаботится установлением искреннего согласия между государством и церковью. Борьба с материалистической концепцией жизни и организация действительного национального единства послужат интересам германской нации так же, как и нашей христианской веры».

За вычетом словесных орнаментов декларация Гитлера может таким образом быть сведена к прокламированию самого широкого материального и идейного сотрудничества между фашистским руководством и христианскими церковными организациями (католической и протестантской) одновременно с резкой дискриминацией для других культов (в первую очередь иудейского).

Соответствующие шаги фашистского правительства вызвали незамедли-

¹) Maurice Pernot, L'avènement de Hitler, «Revue des deux mondes», 1933 г. 1/III 1933 г., стр. 177.

²) «Temps» от 6/III 1933 г.

³) Полный текст речи см. «Europe Nouvelle» № 791, стр. 332—335, 1933 г.

тельно ответную реакцию и со стороны церковников. 12 марта 1933 г. папа римский, воспользовавшись чествованием нового французского святого (кстати сказать, прославившегося своей контрреволюционной деятельностью в эпоху Великой французской революции), выступил с речью¹⁾, в которой, сделав поразительное открытие, что причиной войн и кризиса является рост безбожия и безбожных кадров вообще и в СССР в частности, констатировал затем, что последние «видят в религии и в церкви прочную опору всего того, с чем они борются», т. е., иначе говоря, существующего капиталистического строя. Практический отсюда вывод — необходимость тесного блока всех защитников того и другого. Заключенный фон-Папеном конкордат с папой римским от имени фашистского германского правительства обязывает как фашистов, так и католическую церковь к взаимной поддержке. Свидетельством растущего между фашистами и церковью взаимного понимания и сотрудничества может служить также и пастырское послание от 11 июня 1933 г. 25 германских католических епископов, которые, «сбравшись в г. Фульде у гробницы св. Бонифация, апостола германцев²⁾, констатировали, что «к великой нашей радости вожди нового государства ясно заявили, что ставят как себя лично, так и свое дело на почву христианства...» Впрочем надо признать, что церковники, и в первую голову германские, заинтересованы самым жизненным образом в скорейшей и эффективной помощи со стороны государства: в то время как в Берлине в 1925 г. насчитывалось 3.083.200 протестантов и 403.800 католиков; в 1932 г. количество тех и других упало — протестантов до 2.765.262 чел., а католиков — до 367.266 чел.³⁾.

В апреле 1933 г. собрана была специальная конференция национал-социалистической партии по церковным вопросам, которая наметила ряд организационных мероприятий, начиная с чистки пастората (протестантского) — на предмет удаления из его рядов недостаточно выдержанных с фашистской точки зрения «пастырей» (Дибелиус, Деринг, Бургарт)⁴⁾ — и кончая унификацией всей протестантской церковной администрации в Германии под единым и «испытанным» руководством⁵⁾.

Несколько сложнее обстояло дело с католической организацией, поскольку международный ее характер требовал более тонких методов и от правительственного руководства. Однако и здесь общая линия фашистской политики намечилась достаточно ясно, начиная с изъятия из рук партии «центра» ее официоза «Germania» (путем переуступки акций фон-Папена фон-Твиккелю) и вплоть до поездки в Рим Папена и Геринга, предложивших Ватикану замену прусского конкордата с папой (заключенного прусским социал-демократическим правительством Брауна) новым, распространяющимся на всю Германию, а также выдвинувших проект образования взамен партии центра новой фашистско-католической партийной группировки⁶⁾. Последний этап этой кампании — принудительная ликвидация и «само-ропуск» организаций германской партии центра (июль 1933 г.). В правительственном сообщении в качестве официального мотива этих мероприятий указано, что «вспомогательные организации партии центра занимались враждебной государству деятельностью и путем систематически распространяемой клеветы саботировали естественное объединение большинства католического населения в национальную Германию», что в свою очередь подвергало опас-

¹⁾ «Temps» от 14/III 1933 г.

²⁾ «Europe Nouvelle» № 802, стр. 602, 1933 г.

³⁾ См. M. Pernot, стр. 179.

⁴⁾ См. «Lu» № 16 (98), стр. 2 и др., 1933 г.

⁵⁾ «Temps» от 26/IV 1933 г.

⁶⁾ «Europe Nouvelle» № 792, стр. 342, 1933 г.

ности «отношения между национальным государством и католической церковью»¹⁾).

Новые веяния дали себя почувствовать и в области фашистской теории. Вместо прежней критики христианства и попыток его корректировать фашистские «мыслители» (например Герман Вирт и др.) с энергией, достойной лучшей участи, пытаются доказать, что все христианские предания и символы, до эмблемы креста включительно, являются не чем иным, как продуктами старогерманской мифологии «нордической расы», и потому заслуживают всемерного почтения со стороны стопроцентного фашиста. Правда, не всем фашистам удалось так легко и быстро перестроиться. На упомянутой выше конференции «нацисов» по церковному вопросу, судя по сообщению датской прессы (копенгагенская «Politiken»), раздавались голоса, доказывавшие, что в христианстве имеются «интернационалистские» и даже «марксистские» тенденции. Впрочем голоса эти остались одинокими, и конференция прошла под лозунгом «Гитлер призывает церковь...» и для дисциплинированного «нациса» этого вполне достаточно.

V

Нет нужды подробно раз'яснять, что тяга германского фашизма к церкви и его стремление к всестороннему использованию религиозного фактора ни в какой мере не являются ни случайностью, ни тактическим маневром, но коренятся в том, что и фашизм и церковь являются агентствами одного и того же социального заказчика — монополистического капитала, работающими на него в одних и тех же исторических условиях (кризис, капиталистическое загнивание, приближение революции). Положение это настолько ясно для марксиста, что защищать его значило бы ломиться в открытую дверь. Ограничимся поэтому одной типичной иллюстрацией. В конце 1931 г. прусский епископат обратился с письмом в германское министерство культуры с просьбой принять самые решительные меры против коммунистической пропаганды в школах, на что правительство не замедлило отозваться сочувственным откликом и соответствующими действиями²⁾.

Но значительно интересней этих общих предпосылок специальные мотивы, относящиеся как к внутренней, так и к внешней политике Германии, определяющие религиозную политику германского фашизма. Первым и наиболее существенным моментом является здесь качественный состав самих германских фашистских кадров. Деклассированная Версалем и кризисом мелкая буржуазия, бывшее офицерство, буржуазное студенчество, наиболее отсталые слои рабочего класса, представители зажиточного крестьянства — таков основной контингент фашистской партии и ее «штурмовых колонн». Таким образом основные фашистские кадры — это те самые социальные прослойки, среди которых наиболее сильны религиозная идеология и церковные предрассудки. Отсюда ясна роль религиозной идеологии, призванной служить одним из орудий, удерживающих в руках фашизма эту разнородную массу, «моральные» качества которой по отзыву ее же руководителей оставляют желать многого; ср. например отзыв капитана Мюкке, бывшего командира крейсера «Эмден»: «Партия — просто сборище прохвостов», «свиное стойло»...³⁾. В отношении же близкой по классовому своему составу к пролетариату части фашистских кадров установка церковно-фашистского блока не менее ясна: при помощи «святой воды религии», освящающей «все гнусности капиталистического режима», затуманить их классовое самосознание и превратить их в наиболее реакционные отряды классового врага в стане пролетариата» (из программы Коминтерна).

¹⁾ «Правда» от 2 июля 1933 г. № 180.

²⁾ «Temps» от 17/XII 1931 г.

³⁾ Robert Tourly et Z. Lvovsky, Hilter, стр. 54.

К этому надо прибавить ряд моментов политической стратегии. Церковный козырь существенно важен для германского фашизма в его конкурентной борьбе с другими агентствами финансового капитала и в частности с теми, которые специализировались на спекуляции, религиозно подкрашенной демагогией (партия центра, христианские профсоюзы и т. п.). Наконец бюрократический централизм национал-социалистов, встречающий наиболее сильный отпор в Южной Германии, заставляет их обратить особое внимание на укрепление своих позиций в этой области, являвшейся до сих пор главной цитаделью германского католицизма.

Но не менее важен церковный козырь и для внешнеполитической игры германского фашизма. Религиозная политика фашизма играет значительную роль в его международных взаимоотношениях с другими государствами при самых разнообразных способах ее использования. «Всякая нация, не переносящая французского владычества на континенте, — наша союзница» — писал Гитлер¹⁾, проповедуя необходимость тесного германо-итальянского союза. Ориентация на фашистскую и антифранцузскую Италию остается и сейчас одной из установок германского внешнеполитического курса. Однако, как известно, фашистская Италия и руководящие ею капиталистические группы, несмотря на все свое идеологическое сродство с нацистами, отнюдь не расположены быть пьедесталом для восстановления «третьей империи» Гитлера. В результате — трения по вопросам ревизии договоров, присоединения Австрии («Anschluss») и т. д. Для преодоления этих трений германскому фашистскому правительству чрезвычайно важно иметь свои опорные точки в правящих кругах современной Италии. Отсюда упорное стремление нацисов к установлению связи с влиятельными клерикальными кругами в Италии, негласные гитлеровские эмиссары при Ватикане (еще до прихода Гитлера к власти) и повторные визиты в Ватикан германских государственных деятелей до Геринга (правой руки Гитлера) включительно.

Ситуация иного порядка складывается в Австрии. Здесь господствующая клерикальная партия (христианские социалисты) является сама главным конкурентом нацисов и препятствием к проведению «Anschluss'a». Отсюда очередная задача германских фашистов (после неудачной попытки сговора) — в скорейшем низвержении правительства Дольфуса, объявленного ими «изменником» и «предателем» христианства. А потому изо дня в день фашистская пресса обвиняет руководителей австрийского клерикализма в том, что они «продались евреям» и «тайно сотрудничают с марксистскими вожаками»²⁾. Защищаясь от этих обвинений, австрийские клерикалы берут высокие антисемитские ноты; так например канцлер Дольфус выступает на собрании католических ассоциаций Вены с сенсационным признанием: «15 июня 1927 г. во время кровавых венских беспорядков мы отдали себе отчет в намерениях еврейского марксизма...». Австрийским контрреволюционерам остается соревноваться с нацистами в антисемитизме, поскольку роль монопольных защитников веры и алтаря у них уже отнята с момента превращения «Führer'a» («вождя» — эпитет Гитлера) в покровителя христианских церквей.

Если обратиться теперь к истории непрерывно обостряющихся польско-германских отношений, то и здесь церковный козырь выполняет свою функцию на службе германского фашизма: вместо того, чтобы выступать в привычной позе защитников «христианской цивилизации» на Востоке, польские фашисты вынуждены сейчас разыгрывать совершенно несвойственную им роль защитников польских евреев, очередных жертв германского национал-фашистского террора.

¹⁾ См. «Combes de Patris», Que veut Hitler, гл. X, стр. 134 и сл., 1932 г.

²⁾ См. «Lu» № 15 (97), 1933 г.

К этому нужно добавить, что сотрудничество с церковью облегчает германскому фашизму мобилизацию в своих целях буржуазного общественного мнения (см. например папскую молитву в связи с Лозаннской конференцией германских кредиторов: «Да внушит господь делегатам чувства справедливости и снисходительности») ¹⁾, а также служит орудием его антисоветской деятельности (крестовый поход и другие варианты «моральной интервенции») ²⁾.

VI

Весьма симптоматично, что германский фашизм стремится использовать в своих интересах не только две господствующие в Германии религии, но и всевозможные религиозно-мистические течения, столь характерные для «загнивающего капитализма», вплоть до самого беспардонного авантюризма и шарлатанства. Чрезвычайно показательна в этом смысле история возвышения и гибели Яна-Эрика Гануссена, прозванного «германским Распутиным». Чешский выходец с довольно темным прошлым, Гануссен прославился за последние годы в Германии в качестве предсказателя и «провидца» будущего. Выступая на театральных подмостках и обслуживая многочисленную клиентуру, особенно возросшую за счет деклассированных жертв кризиса, Гануссен неизменно предсказывал грядущие успехи и славу фашизма. Превратившись таким образом в лейб-пророка национал-социалистической партии, предприимчивый аферист широко развернул свои коммерческие операции, обзавелся вилами в окрестностях Берлина и даже собственным печатным органом («HanusSENS Zeitung» с тиражом в 150 тыс. экземпляров). Большие и малые «звезды» германского фашизма, от заслуженного порнографа Эверса (теперешнего председателя Германского союза писателей) и до видных руководителей гитлеровских «штурмовых колонн» (вроде графа Гельдорфа), были завсегдатаями его приемов и кутежей. Но после прихода фашистов к власти звезда Гануссена начала меркнуть. Попытки «пророка» за соответствующую мзду предсказывать избавление от налета штурмовиков восстановили против Гануссена его недавних покровителей. Против него было выдвинуто «ужасное» обвинение: «пророк был заподозрен в еврейском происхождении». И несколько дней спустя был найден на улице труп Гануссена с признаками насильственной смерти. Убийцы остались не обнаруженными. Но газетами (конечно не германскими, а французскими) была отмечена любопытная подробность: тело Гануссена было найдено как раз в районе Потсдама, начальником полиции которого состоял его друг и собутыльник граф Гельдорф. Отсюда более или менее обоснованная параллель между убийством Распутина и Гануссена, «пророков», устраненных клеветами своего же режима тогда, когда они стали для последнего слишком компрометирующими ³⁾...

В стороне от такой кампании, естественно, не могли остаться и православные белоэмигрантские церковные организации, поспешившие в предвидении «великих и богатых» милостей в Дрездене и других местах организовать торжественные молебствия о ниспослании Гитлеру победы над большевизмом ⁴⁾. Заметим попутно, что различные формы «культурной смычки» российской белоэмиграции с германским фашизмом (адрес Гитлеру от 28 российских организаций, манифестация на похоронах Майковского, выступления Дмитриевского, образование белоэмигрантских «штурмовых

¹⁾ «Temps» от 2/1 1932 г.

²⁾ См. программный лозунг Гитлера о невозможности международного сотрудничества с СССР: «Борьба с еврейской большевизацией диктует нам полное прекращение сношений с Сов. Россией: при помощи Вельзевула бесов не изгоняют...». «Combes de Patris», стр. 130—131.

³⁾ «Lu» № 16 (98), 1933 г.

⁴⁾ «Lu» № 15 (97), 1933 г.

колонн» и т. д.) до настоящего времени не получили, к сожалению, достаточного освещения в советской печати, хотя редкий номер белой прессы, издающейся как в Германии, так и во Франции («Наш век», «Возрождение», «Малорусская искра» и пр.), не содержит ценной в этом отношении документации.

VII

Как известно, фашизм не является национальным продуктом итальянской или германской капиталистической кухни. В той или иной форме процесс фашизации характерен для многих капиталистических государств. И чем шире углубляется современный капиталистический кризис, чем острее становятся раздирающие капиталистический мир противоречия, чем ближе надвигается неизбежный вал революции, тем скорее и тем интенсивнее протекает этот процесс: на Балканах (Болгария, Югославия, Румыния), в Прибалтике (Финляндия), в Польше и в республиках Южной Америки симптомы усиливающейся фашизации ежедневно напоминают о себе. Естественный отсюда вывод — усиление во всех этих странах капиталистической работы по церковной линии и публичное закрепление в самых разнообразных формах фашистско-церковного блока.

Если сам по себе этот блок является одной из форм международной контрреволюции, одной из личин умирающего класса, то абсолютно независимо от воли и намерений его участников он тем не менее на практике приводит подчас к совершенно неожиданным для его организаторов результатам. «Командующие классы,— писал когда-то Ленин,— не стесняются показываться *au naturel* в специальных тюремных, церковных и тому подобных изданиях; давно пора нам, революционерам, приняться систематически утилизировать эту богатую сокровищницу политического просвещения». Открытый союз «креста и маузера» является весьма недурным уроком наглядной политграмоты.

Когда империализм «ставит штык в порядок дня», когда «мирные маски спадают» и выступают во всем своем оскале империалистические и фашистские клыки, тогда творится подлинное «чудо» истории: начинают прозревать миллионы слепцов, чтобы, освободившись навсегда от «преданий мертвых поколений», найти свое место в рядах великой армии активных борцов за освобождение трудового человечества.

В разрушении демократических и всяких других мелкобуржуазных иллюзий, в подготовке масс «к решающим революционным битвам, к низвержению капитализма, к свержению фашистской диктатуры путем вооруженного восстания» (из резолюции президиума ИККИ по докладу т. Геккертн о современном положении в Германии) немалую роль должно сыграть беспощадное разоблачение «священного союза» между фашизмом и церковью.

Понятие термодинамической вероятности *)

(К вопросу о статистическом определении энтропии)

Б. Кедров

Введение

Возьмем любое, самое обычное, физическое явление, наблюдаемое нами в лаборатории или в обыденной жизни, например давление, которое оказывает газ на стенки сосуда. Это явление представляет собой процесс, происходящий с огромной совокупностью (коллективом) молекул. Исследуем теперь то направление, в котором протекает подобного рода процесс. Мы хорошо знаем, что если соединить две части газа, обладающие разным давлением, то после некоторого времени давление в обеих частях газа станет одинаковым; это уравнивание давления мы прежде всего рассматриваем с точки зрения общего, суммарного результата, например определяя ту работу, которая при этом могла быть совершена; но при учете общего итога процесса мы отвлекаемся от дискретного строения самого газа и рассматриваем его только как нечто целое. Короче говоря, рассматриваем данный процесс термодинамически. В этом случае общее направление физического процесса обычно характеризуется как переход из состояния, которому отвечает меньшее значение энтропии, в состояние, которому отвечает большее значение этой функции. Отсюда формулируется второй закон термодинамики как закон всеобщей направленности физических процессов в сторону увеличения энтропии.

Однако процесс, имевший место с нашим газом, мы должны рассматривать еще и с другой стороны, а именно — с точки зрения всего огромного множества отдельных молекул, как средний результат их движения. Иначе говоря, мы должны рассматривать данный процесс статистически и с этой стороны объяснять смысл термодинамических законов. В этом случае, как установил Больцман, направленность физических процессов в сторону возрастания энтропии означает естественную тенденцию физических объектов, представляющих огромные коллективы движущихся молекул или других частиц материи (атомов, электронов, фотонов), переходить из менее вероятных в более вероятные состояния. Благодаря работам Больцмана абстрактно-математическое понятие энтропии, которая определялась вслед за Клаузиусом только как некоторая функция состояния, обладающая «свойством» всегда возрастать, наполнилось новым, более конкретным, молекулярно-кинетическим содержанием и вместе с тем получило более глубокое логическое обоснование.

Важность значения статистического метода в физике обуславливается тем, что почти все физические явления, как это установлено в настоящее время, представляют собой не только динамические, но и статистические процессы. Это касается, с одной стороны, различного рода физических кол-

*) Печатается в порядке обсуждения.

лективов, с другой стороны, таких индивидуальных объектов, свойства строения которых содержат в себе возможность течения данного процесса в различных направлениях в зависимости от случайности внешних условий.

Однако нужно заметить, что та форма статистики, которая господствовала в физике примерно до конца первой четверти текущего столетия не могла правильно разрешить целый ряд важнейших проблем, связанных например с выяснением электрических свойств металлов, с установлением законов излучения и т. д.; во всех этих случаях старая классическая статистика приводила к совершенно неразрешимым на первый взгляд противоречиям с фактами. В процессе искания выхода из этих противоречий в период 1924 — 1926 гг. и позднее была создана и развита, с одной стороны — Бозе и Эйнштейном, с другой стороны — Ферми и Дираком, новая-квантовая статистика, которая устранила недостатки старой статистики и позволила еще глубже подойти к вопросам строения материи.

Помимо этих специальных физических проблем физическая статистика в своей общей постановке упирается в основное противоречие динамической и статистической закономерности, имеющее глубокий философский смысл. Одностороннее разрешение этого противоречия энергетикой, которая отказывалась признавать за термодинамическими законами статистическое содержание, приводило в свое время к идее тепловой (энтропийной) смерти вселенной; точно так же одностороннее разрешение этого же противоречия современной физикой, которая отказывается признать детерминированность элементарных процессов микрокосмоса (например внутриатомных процессов), приписывая им исключительно статистический характер, приводит к концепции индетерминизма, или чистой случайности, откуда открывается прямая дорожка к идеализму.

Таким образом поставленная нами на первый взгляд частная проблема статистического определения энтропии S неразрывно связана с основными проблемами современной физики как в области ее специальных разделов, так и в области ее общих философских выводов, за которые все время идет непрерывная борьба между идеализмом и материализмом.

Поэтому становится совершенно необходимым логически осмыслить те сдвиги, которые произошли в физической статистике; правильно понять ее ошибки и недостатки и вместе с тем ее положительные стороны; привести в рациональную связь разрозненные и противопоставленные друг другу отдельные способы статистического определения энтропии; устранить тот наносный элемент, который был привнесен в физическую статистику метафизически и идеалистически мыслящими учеными и наконец логически обобщить новое существенное содержание статистики, выразив его в определенных научных понятиях.

Однако современная буржуазная наука не только не в состоянии разрешить эту задачу, но даже просто правильно поставить ее. Увлечение крайним «математизированием», свойственное современной теоретической физике Запада, приводит к тому, что задача статистического определения энтропии S рассматривается исключительно с формально-математической стороны; общие предпосылки этой операции строятся на основе формально-логических априорных и аксиоматических допущений; основные понятия вписываются в рамки формально-математических определений. Тем самым физическая статистика сводится на уровень чисто вычислительного приема как удобное вспомогательное орудие опыта.

Наша задача заключается в том, чтобы в противовес этой концепции показать, что статистическое определение S имеет свое глубокое логическое содержание, а не представляет только голого математического приема. С этой целью мы подробно разберем понятие термодинамической вероятности W , вокруг которого главным образом и будут вращаться все наши

рассуждения. Нашу работу над выяснением логической основы способов исчисления W мы разбиваем на две части: в этой первой части мы начинаем с анализа общей задачи исчисления W и вытекающих из нее основных предпосылок; во второй части мы обратимся к разбору сущности понятия W , которую в самом общем виде представляет единство случайности и необходимости. В последующей же работе мы перейдем к рассмотрению взаимной связи между различными способами исчисления W с точки зрения взаимных переходов противоположных моментов случайности и необходимости, лежащих в основе каждого из этих способов.

1. Физические элементы исчисления W

Заслуга Больцмана состоит не только в том, что он указал на общую зависимость, существующую между энтропией системы S и вероятностью ее состояния W , но и в том, что с помощью своей H —теоремы он выразил эту зависимость в строго количественной форме.

Если обозначить энтропию данной системы через S , а вероятность ее состояния через W (в дальнейшем мы везде придерживаемся этого обозначения), то зависимость между обеими величинами, по Больцману, выразится следующим основным уравнением:

$$S = k \ln W \dots \dots (1),$$

где k есть константа Больцмана, а $\ln$ — натуральный логарифм.

Это уравнение является исходным для всех вообще способов статистического определения S . Различаются же эти способы между собой по методу исчисления W .

Чтобы вскрыть единство и различие всех способов в наиболее «чистом», незаслоненном посторонними, несущественными в данной связи влияниями виде, выберем в качестве объекта исследования простейшую систему молекул — весьма разреженный, одноатомный, химически однородный газ, поведение которого с достаточным приближением подчиняется законам так называемых «идеальных» газов; в этом случае различные межмолекулярные «силы» играют исчезающе малую роль, а взаимодействие молекул практически ограничивается простыми соударениями. Поскольку при этом мы стремимся выделить и отразить лишь существенный момент в изучаемом нами явлении, мы отвлечемся от всех побочных деталей, которые имеют место при столкновении молекул, и будем рассматривать это последнее просто как удар упругих шаров. Таким образом мы отвлечемся от бесконечно сложного строения молекул и будем рассматривать их как простейшие механические системы, к движению и столкновению которых с достаточным приближением применимы законы механики. Короче говоря, мы будем себе представлять их в нашей абстракции как очень миниатюрные, абсолютно упругие шарики, движущиеся строго прямолинейно.

Кроме того, не нарушая общности наших рассуждений, будем рассматривать только такие процессы, которые протекают при постоянной температуре и сводятся следовательно к тому, что изменяются объемные отношения газа. Благодаря этому процесс исчисления W сведется к определению вероятности пространственного распределения молекул; это обстоятельство дает еще и то преимущество, что все выводы можно легко проверить, оперируя реальным трехмерным пространством, в котором реально располагаются молекулы газа, совершенно не вводя искусственно сконструированного многомерного фазового пространства, которым оперирует физическая статистика при изучении энергетического распределения молекул. Логические выводы, полученные этим частным путем, могут быть легко

распространены на общий случай определения вероятности состояния газа как вероятности и пространственного и энергетического распределения его молекул.

Основная задача статистического определения энтропии газа и следовательно исчисления его W заключается в том, чтобы, исходя из случайного перемещения отдельных молекул, количественно выразить необходимое состояние всего газа точнее говоря, — в том, чтобы установить с количественной стороны конкретную форму зависимости между случайным механическим движением множества отдельных молекул и необходимым термодинамическим состоянием газа как целого.

В еще более общем случае эта задача состоит в том, чтобы количественно определить зависимость между случайным движением отдельных индивидуумов и необходимым состоянием их коллектива.

Уже из самой формулировки этой задачи резко выступают два основных, противоположных друг другу момента, которые в дальнейшем мы назовем физическими элементами и на которые в нашей абстракции мы можем разложить движение того физического объекта, вероятность состояния которого мы исчисляем. Первый элемент — момент необходимости, связанный с понятиями коллектива (газа) и его термодинамического состояния; второй элемент — момент случайности, связанный с понятием индивидуума (молекулы) и ее механического перемещения.

Оба элемента отражают таким образом противоположные стороны, составляющие в своем единстве движение и состояние газа как коллектива молекул.

Рассмотрим сначала эти элементы в отдельности, ограничиваясь пока простым предварительным противопоставлением термодинамического состояния газа механическому перемещению молекул. Это даст нам возможность во второй части работы перейти к рассмотрению этих же элементов уже в их взаимозависимости друг от друга, в их единстве, образующем основу понятия W ; отсюда открывается путь к выяснению общей логической основы исчисления W .

Но для анализа задачи исчисления W нам придется уже с самого начала привлечь ряд логических категорий, главным образом категории возможности, случайности, необходимости. Поэтому сделаем несколько предварительных замечаний, касающихся указанных категорий.

Начнем с категории возможности. Если в действительности имеются некоторые необходимые условия и предпосылки для осуществления какого-либо события A и следовательно событие A имеет некоторое основание в действительности, но фактическое осуществление этого события не вытекает пока еще с неизбежностью из совокупности всех наличных условий, — то такое событие мы будем называть возможным; его возможность не есть еще действительность, хотя она и составляет одну сторону, а именно — внутреннюю сторону, внутреннюю тенденцию развития действительности. Возможность перейдет в действительность, когда все необходимые условия и предпосылки для осуществления данного события A будут налично; образно говоря, — когда замкнется их полный круг; тогда осуществление события A становится возможным уже не абстрактно, а совершенно реально. Реальная возможность означает, что событие A осуществляется с полной необходимостью. Исходя из этого, мы будем понимать под необходимостью «цельность, совокупность моментов действительности, которая в своем разрывании оказывается необходимостью»¹⁾.

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 141, 1931 г.

Но необходимость должна быть определена также и по отношению к своей противоположности — к случайности. Не давая пока полного определения этих категорий, основанного на их взаимной связи друг с другом, в качестве предварительного определения, вытекающего из противопоставления обоих физических элементов исчисления W , ограничимся точно таким же простым противопоставлением случайного необходимому; для анализа задачи исчисления W такое определение будет достаточно. Рассматривая опять какое-либо событие A , но уже по отношению к другому событию B , мы будем называть событие A случайным относительно B , если оно не вытекает с необходимостью из той закономерной связи, в которой происходит развитие B . Напротив, если одно событие вытекает из природы другого так, что первое оказывается подготовленным всем ходом развития второго, — то связь между обоими событиями мы будем определять как необходимую. Поэтому мы можем определить случайное как то, что могло случиться и так, но могло случиться и иначе, т. е. как то, что может быть именно таким, но может быть и иным; необходимое же — как то, что обязательно должно было произойти только так, а не как-нибудь иначе.

Переходим к разбору каждого из физических элементов исчисления W .

Говоря об определенном термодинамическом состоянии газа как о его «состоянии», мы этим подчеркиваем, что газ рассматривается нами в некотором относительно устойчивом положении и что обычно наблюдаемые для газа процессы, как например расширение, охлаждение и т. п., возможные при данных внешних условиях, достигли своего конечного момента; иначе говоря, — что газ в целом пришел в так называемое термодинамическое равновесие, которому отвечает максимальное из всех возможных при данных условиях значение S .

Зная далее, что газ в целом находится в равновесии, мы определяем его состояние по значению его свойств.

Особенностью нашего газа, представляющего простейший физический коллектив, является то обстоятельство, что мы можем не только установить исчерпывающим образом число всех условий, определяющих его существование как газа, но можем измерить значения этих условий и следовательно выразить их соответствующими числами. Отсюда и само существование газа вместе с его свойствами оказывается обладающим таким характером, что может быть определено строго количественно. Имея в виду эту особенность, мы обычно говорим о термодинамическом состоянии газа как о его количественно обоснованном существовании. Круг обстоятельств, обуславливающих данное определенное состояние коллектива, состоящего из N молекул и пришедшего в равновесие, будет замкнут, если численно даны: во-первых, общая энергия молекул, а во-вторых, общий объем газа; при этом конечно должно быть соблюдено общее дополнительное условие, что газ все время остается достаточно разреженным.

Если с момента создания круга условий, необходимых для существования газа, прошло достаточно времени для достижения равновесия, то существование газа (его состояние) становится строго определенным; данное абстрактно-возможное поведение газа, отвечающее определенным значениям его свойств, например температуры и давления, становится реально возможным и следовательно необходимым; могущим происходить только так, а не иначе. Мы говорим обычно, что газ подчиняется законам так называемых «идеальных газов»; эти законы выражают собой необходимую тенденцию поведения газа, рассматриваемого как целое.

Таким образом с понятием термодинамического состояния газа мы связываем только одну сторону газа, а именно момент его устойчивости, его равновесия, момент его целостности и непрерывности, момент его необходимости.

Переходя к другой, противоположной, стороне — к механическому перемещению молекул, — мы прежде всего должны констатировать, что поведение отдельной молекулы внутри газа не связано необходимым образом с поведением всего их коллектива в целом; так например если газ как целое находится в относительном равновесии, то каждая отдельная молекула совершает при этом непрерывные перемещения, причем она может обладать любым значением своих пространственных координат и своего импульса (в пределах конечно общего объема и общей энергии газа). Следовательно движение молекулы внутри газа с точки зрения всего коллектива должно рассматриваться как случайное. Случайность движения отдельной молекулы здесь противостоит необходимости движения коллектива, поскольку движение и свойство отдельной молекулы не вытекают с необходимостью из состояния и свойств газа; иначе говоря, поскольку закономерность движения молекулы составляет иной порядок звеньев единой мировой связи явлений природы, нежели закономерность движения коллектива молекул.

Отметим далее, что условия, которые необходимым образом определяют поведение газа как целого в отношении отдельной молекулы, оставляют открытой возможность того или иного ее поведения, в частности возможность ее пребывания в том или ином участке общего объема системы. Иначе говоря, основываясь на одном лишь термодинамическом состоянии газа, мы вправе говорить о возможном и только о возможном поведении отдельной молекулы.

Возможность для молекулы попасть в тот или иной участок объема газа имеет свое основание в действительности, а именно — во внутреннем взаимодействии молекул. В самом деле, хаотическое множество столкновений между молекулами при отсутствии какого-либо преобладающего направления в их скоростях создает возможность для каждой отдельной молекулы очутиться в результате этих столкновений в любом месте объема, занятого газом.

Отметим далее, что в физике мы можем строго количественно учитывать и выражать математически возможности осуществления тех или иных событий, измеряя с этой целью лежащие в их основе свойства физического объекта. Эту особенность нашего объекта, связанную с относительной простотой движения молекул, мы уже отмечали, говоря об условиях, определяющих состояние газа. Таким образом мы можем не только подсчитать число всех различных возможностей поведения отдельной молекулы (например ее попадания в тот или иной участок объема), но и сами эти возможности получают у нас численные значения и выражаются нами как вполне соизмеримые между собой величины.

В простейшем случае, установить который мы всегда стремимся в целях нахождения единицы для соизмерения всех возможностей, события определяются нами как равновозможные, т. е. как имеющие равные, количественно определенные основания в действительности. Так например классическая статистика принимала равенство размера всех участков объема газа как условие равновозможности нахождения молекулы в любом из этих участков.

Возможность, для которой количественно определено ее основание в действительности, мы будем называть вероятностью. Тогда понятие равновозможности, как уже включающее в себя момент количественного равенства возможностей, будет совпадать с понятием равновероятности.

Это определение вероятности носит строго объективный характер; оно связано, во-первых, с точным установлением конкретных условий действительности, при которых даны две или больше возможности развития данного процесса, например перемещения молекулы, во-вторых, с точным под-

счетом всех этих возможностей и, в-третьих, с точным количественным определением основания, имеющегося в действительности для каждой из этих возможностей.

Легко показать, что вероятность поведения отдельных молекул имеет основание именно в их взаимодействии. Если отвлечься от этого взаимодействия, например взять такой случай, когда одна единственная молекула перемещается в объеме, равном общему объему газа, то очевидно, что молекула будет двигаться согласно законам так называемой классической механики, ее поведение будет необходимым образом определяться начальными значениями ее координат и импульса; ни о какой равной возможности очутиться в данный момент в любом месте объема не может быть и речи; к тому же целый ряд пространственных участков должен быть вообще исключен из числа тех, куда может рано или поздно попасть молекула.

Иначе говоря, мы получаем определенную механическую задачу, к которой совершенно неприменим метод теории вероятности в той форме, в какой мы применяем его к поведению молекул внутри газа; неприменим именно потому, что отсутствует взаимодействие молекул как реальная основа, определяющая собой возможность и следовательно вероятность того или иного поведения данной отдельной молекулы.

Однако рассмотрение случайности и возможности данного события только со стороны того, имеет ли оно вообще какое-либо основание в действительности или нет, оказывается чрезвычайно недостаточным и приводит к определению этих категорий на основе формального тождества; так, в самом абстрактном виде возможным формально объявляется все, что не противоречит самому себе; подобное же формальное определение случайности, построенное только на «рассуждении из основания», неизбежно приводит к внутреннему противоречию, ибо оказывается, что случайное потому случайно, что в одно и то же время оно имеет и не имеет основания.

Действительно, если какая-либо молекула А, находящаяся в газе, оказалась в данный момент в определенном участке № 1, то самый факт реализации возможности именно для молекулы А попасть именно в участок № 1 представляет с точки зрения всего газа чистейшую случайность, ибо не вытекает из его поведения как газа. Но случайность события выступает здесь уже в новом освещении как единство возможности для молекулы А попасть в участок № 1 с действительным фактом ее нахождения в этом участке. Поэтому мы можем сказать, что данное случайное событие, взятое в своей единичности, случайно потому, что, будучи рассмотрено только как возможное, т. е. с точки зрения всего газа, оно имеет свое основание в действительности (во взаимодействии молекул), но в то же время оно случайно потому, что как непосредственный факт того, что молекула А находится в участке № 1, оно не требует никакого основания для оправдания этого непосредственного факта и следовательно должно рассматриваться, как не имеющее основания.

Это противоречие, заключающееся в понятии случайности, когда последнее определяется формальным способом «рассуждения из основания», впервые было вскрыто Гегелем, на что указывает Энгельс.

Нам необходимо было указать на это противоречие, ибо только критический анализ формального определения случайности позволяет преодолеть то противопоставление случайного необходимому, которое мы допустили с самого начала.

Путь этого преодоления лежит по линии более глубокого рассмотрения возможности как реальной возможности, которая сама оказывается необходимостью. С другой стороны, случайность, которую до сих пор мы только противопоставляли необходимости, оказывается в своей единичности внешней стороной действительности — ее поверхностью, в то время как вну-

тренней стороной этой же действительности является возможность; последняя же, как мы уже говорили, будучи реальной, совпадает с необходимостью. Отсюда открывается прямой путь к правильному пониманию обеих противоположных категорий — случайности и необходимости, рассматриваемых в их единстве, т. е. путь к пониманию случайности как формы проявления необходимости.

Таким образом, говоря о механическом перемещении молекул, образующих газ, мы связываем это понятие с прямо противоположной стороной газа, чем та, с которой мы связывали понятие его термодинамического состояния, а именно: теперь мы учитываем в газе момент его изменчивости, момент его дискретности и прерывности, момент случайности и возможности движения его молекул.

2. Комбинаторные предпосылки исчисления W

После того, как мы разобрали физические элементы исчисления W , перейдем к рассмотрению той особой комбинаторной формы, в которой выражает эти элементы физическая статистика. Пусть нам дан при постоянной температуре газ, состоящий из N молекул; для определения вероятности его состояния мы должны установить, как в каждый данный момент расположены молекулы внутри объема, ими занятого; тогда по изменению их расположения мы сможем судить об их механическом перемещении. С этой целью мы разбиваем мысленно весь объем газа на Z равных между собой ячеек, установив объем каждой из них таким образом, чтобы по сравнению с ним размер самих молекул был исчезающе малым, благодаря этому в каждой ячейке может поместиться практически неограниченное количество молекул.

Имея таким образом перед собой N молекул газа, занимающих объем, разбитый нами на Z ячеек, мы констатируем, что в каждый данный момент молекулы будут различным образом располагаться или комбинироваться в этих ячейках. В зависимости от того, какой признак мы будем учитывать как характеристику их расположения, иначе говоря, с какой точностью и детальностью будем определять их расположение, мы получим несколько родов или порядков комбинаций. Так, исходя из того, в каком месте какой ячейки находится молекула, мы получим комбинацию одного рода; в этом случае каждому переходу молекулы с места на место внутри ячейки будет соответствовать своя определенная комбинация. С другой стороны, принимая во внимание только то, в какой ячейке находится молекула, мы получим другого рода комбинацию, которая уже не меняется при переходах молекулы внутри ячейки, но изменяется при ее переходе в другую ячейку.

Сравнивая комбинации обоих родов, мы констатируем: во-первых, чем «мельче», чем «микроскопичнее», т. е. чем точнее и детальнее выбраны признаки, тем больше получается общее число комбинаций; наоборот, чем «крупнее», чем «макроскопичнее» признаки, тем это число меньше; во-вторых, одной и той же «крупной» комбинации отвечает некоторое число «мелких» комбинаций и наконец, в-третьих, та из «крупных» комбинаций осуществляется чаще, которой отвечает большее число «мелких» комбинаций, если последние рассматриваются при этом как события равновероятные, осуществляющиеся одинаково часто.

Рассмотрим теперь, какого рода возможны комбинации в расположении N молекул по Z ячейкам. Всего для первого раза таких существенно различающихся между собой родов или порядков комбинаций может быть установлено шесть. Рассмотрим их признаки.

Расстановка молекул характеризуется тем, что для каждой индивидуальной молекулы определено ее точное место внутри ячейки; расста-

новка меняется при перестановке (при обмене местами) двух молекул внутри одной и той же ячейки.

Сочетание молекул характеризуется тем, что для каждой индивидуальной молекулы определена только ячейка, где находится молекула, независимо от места, которое занимает молекула внутри этой ячейки; сочетание не меняется при перестановке молекул внутри одной и той же ячейки, т. е. при изменении расстановки, но меняется при перестановке молекул, находящихся в разных ячейках. Одному и тому же сочетанию отвечает $\prod_i n_i!$ различающихся между собой расстановок¹⁾.

Расстановка молекул или расстановка групп молекул характеризуется тем, что все n_i молекул, находящиеся в каждой i -й ячейке, мысленно объединяются нами в целые группы, а затем для каждой группы индивидуальных молекул определяется ячейка, в которой она находится. Расстановка меняется при перестановке двух групп, находящихся, разумеется, в разных ячейках.

Размещение молекул или сочетание групп молекул характеризуется тем, что определено только общее число n_i молекул, находящихся в каждой i -й ячейке; размещение не меняется при изменении сочетаний, а тем более расстановок; каждому данному системой чисел n_i размещению

соответствует $\frac{N!}{\prod_i n_i!}$ различающихся между собой сочетаний и $N!$ расстановок.

Таким образом, если сочетание предусматривает, какие именно n_i молекул однородного газа находятся в i -й ячейке, то размещение предусматривает, сколько молекул, неважно каких именно, находится в каждой ячейке.

Группировка молекул или размещение групп молекул характеризуется системой чисел $\pi_0, \pi_1, \dots, \pi_n$, где π_0 — число пустых ячеек (нулевых групп), π_1 — число ячеек (групп), содержащих по одной молекуле, $\dots$ π_n — по n молекул; группировка не меняется при изменении любой из перечисленных выше комбинаций, если не меняется система чисел π_n ; данной определенной

группировке отвечает $\frac{Z!}{\prod_n \pi_n!}$ различающихся между собой размещений и $Z!$ расстановок.

Распределение молекул характеризуется тем, что рассматривается самая общая комбинация, представляющая совокупность всех различных расположений, которые только возможны при нахождении N молекул в Z ячейках. Следовательно распределение не изменяется при изменении признака любой из всех других комбинаций молекул. Данному распределению N молекул по Z ячейкам отвечает Z^n всех сочетаний, какие только возможны, когда N молекул находятся в Z ячейках, и $\frac{(N+Z-1)!}{N!(Z-1)!}$ всех различных размещений. Если газ пришел в равновесие, то в дальнейшем рас-

¹⁾ Здесь n_i — числу молекул в каждой i -й ячейке, факториал $n_i!$ равен произведению последовательного ряда целых чисел от 1 до n_i , т. е. $n_i! = 1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot \dots \cdot (n_i - 1) \cdot n_i$; $\prod_i n_i!$ равен произведению факториалов для всех значений i , т. е. факториалов от числа молекул в 1-й, во 2-й $\dots$ в Z -й ячейке: $\prod_i n_i! = n_1! \cdot n_2! \cdot \dots \cdot n_Z!$

пределение его молекул может измениться только при изменении или числа молекул N или числа ячеек Z , т. е. объема газа.

Рассмотрим теперь процесс, происходящий в газе, с комбинаторной точки зрения, например с точки зрения того, как при этом сменяются различные размещения молекул. Допустим, что вероятность каждого размещения нами строго определена. Тогда процесс, происходящий в газе при нарушении в системе равновесия, может быть охарактеризован в общем как процесс, идущий от размещения менее вероятного к образованию размещения более вероятного, причем моменту равновесия отвечает размещение, обладающее максимальной вероятностью. Таким образом фактически за вероятность состояния газа W мы выбираем в данном случае вероятность того размещения молекул, которое осуществляется в настоящий момент в газе. Мерой же этой вероятности нам служит число более «микроскопических» комбинаций, например сочетаний, отвечающих осуществляющемуся размещению и принятых за равновероятные между собой события.

Определяя таким образом численное значение W и подставляя его в уравнение (1), мы находим значение энтропии S . Этот метод определения S называется комбинаторным, ибо он основан на исчислении вероятности различных комбинаций, образованных индивидуумами, из которых состоит данная статистическая совокупность.

Исходя из этого, современная физика вслед за Планком строит свое формально математическое определение термодинамической вероятности W . Приведем две формулировки: одну Хвольсона, другую Тамма. О. Д. Хвольсон дает следующее определение: «Очевидно, что чем большее число различных равновозможных микроскопических состояний соответствует одному макроскопическому состоянию, тем чаще будет последнее появляться. Естественно поэтому за меру термодинамической вероятности данного макроскопического состояния принять общее число тех равновозможных комбинаций элементарных состояний, которые ему отвечают». И далее: «Величину W мы определяем как общее число равновозможных случаев, благоприятствующих данному явлению»¹⁾.

С другой стороны И. Е. Тамм определяет W следующим образом: «Термодинамической вероятностью W состояния и называется именно число существенно различных способов его осуществления»²⁾.

На первый взгляд с чисто вычислительной, математической стороны обе формулировки кажутся совершенно одинаковыми. Однако между ними есть следующее принципиальное различие: в то время как у Хвольсона микроскопическая комбинация выступает только как «соответствующая», «отвечающая», «благоприятствующая» по отношению к состоянию газа, у Тамма она представляет «способ осуществления» общего состояния системы. К выяснению этого различия между обоими определениями W мы вернемся во второй части работы, когда перейдем к логическому разбору связи двух противоположных комбинаций как основы понятия W .

Итак, формально под W можно понимать число равновозможных простых микро-событий, выраженных в форме комбинаций и отвечающих одному общему состоянию системы, причем это последнее представляет собой также некоторое, но более сложное макро-событие и выражается в форме другой, но уже более сложной комбинации. Поэтому в отличие от математической вероятности, которая всегда есть дробь, термодинамическая вероятность представляет всегда целое и обычно чрезвычайно большое число.

Чтобы проанализировать формальное определение W , прежде всего

¹⁾ О. Д. Хвольсон, Курс физики, т. V, стр. 628, 630, 1925, Берлин (разрядка наша. — Б. К.).

²⁾ И. Е. Тамм, Успехи физических наук, т. VI, стр. 114, 1926 (разрядка наша. — Б. К.).

разложим его на две взаимно противоположные стороны, которые непосредственно вытекают из него как две основные предпосылки исчисления W .

Первая предпосылка есть установление той сложной макрокомбинации молекул, по изменению которой мы судим об изменении термодинамического состояния газа и следовательно об общем направлении физического процесса. Эта комбинация должна быть связана существенно необходимым образом с энтропией газа, и вероятность этой комбинации W должна входить в уравнение (1).

Вторая предпосылка есть установление той микрокомбинации, через которую реализуется состояние газа; эта комбинация по существу является масштабом или единицей исчисления W , ибо число таких равновероятных между собой комбинаций, через которые может осуществляться данное состояние газа, выражает собой вероятность этого состояния W .

Прежде чем перейти к выяснению связи этих предпосылок с разобранными выше физическими элементами исчисления W и далее—их связи между собой, рассмотрим вкратце, как шло развитие физической статистики, причем смену ее различных форм будем рассматривать исключительно с комбинаторной точки зрения, т. е. с точки зрения того, какие комбинации принимались в качестве двух основных предпосылок исчисления W .

Старая, так называемая классическая, статистика принимала размещение за комбинацию, связанную с S , и сочетание—за единицу исчисления W . Отсюда устанавливалась основная формула для W :

$$W = \frac{N!}{\prod_i i!} \dots (2).$$

Для случая равновесия системы определялось максимальное значение W , которое, после применения к нему формулы Стирлинга¹⁾, принимало следующий вид:

$$W = Z^N \dots (3).$$

Однако результаты, полученные таким способом, в целом ряде случаев противоречили фактам; поэтому позднее к классической статистике стали вноситься различного рода поправки, стремящиеся исправить недостатки формул (2) и (3). Рассмотрим две из этих поправок.

Первая поправка стремилась устранить противоречие между значением S , вычисленным по формулам (1) и (2), и свойством энтропии быть величиной аддитивной; достигалось это тем, что все молекулы были объявлены абсолютно тождественными, а поэтому все $N!$ перестановок молекул оказывались совершенно неразличимыми. На этом основании выражение (2) делилось на $N!$ и получалась следующая формула для W :

$$W = \frac{1}{\prod_i i!} \dots (4).$$

Но, как мы видели $\prod_i i!$ есть число расстановок молекул, соответствующих одному сочетанию. Таким образом формула (4) означает, что по существу первая поправка сводится к принятию сочетания за комбинацию, связанную с S , а расстановку молекул—за единицу исчисления W .

¹⁾ Формула Стирлинга служит для целей приближенного вычисления значения факториала; согласно этой формуле можно положить: $N! = \sqrt{2\pi N} \left(\frac{N}{e}\right)^N$ или еще проще: $N! = \left(\frac{N}{e}\right)^N$.

Вторая поправка стремилась устранить следующее противоречие: с момента разрежения газа, когда число ячеек Z становилось больше числа молекул N , энтропия S , вычисленная по формуле (2), переставала изменяться при дальнейшем расширении объема газа, что конечно противоречило фактам. С целью устранения этого противоречия было выбрано в качестве комбинации, связанной с S , распределение молекул при сохранении сочетания в качестве единицы исчисления W . Отсюда для W была непосредственно выведена формула (3).

Однако указанные поправки не в состоянии были разрешить и объяснить все формальные противоречия, вскрывшиеся внутри классической статистики. Поэтому в 1924 г. была предложена Бозе, а вслед за ним Эйнштейном новая квантовая статистика. Самой характерной особенностью всех ее способов является принятие размещения молекул в качестве единицы исчисления W . Причем все размещения рассматриваются как равновероятные события; эта равновероятность достигается тем, что так же, как и в случае первой поправки, устанавливается в качестве исходного принципа абсолютная тождественность всех молекул однородного газа.

В первоначальном способе Бозе в качестве комбинации, связанной с S , выступает группировка молекул. Основная формула для W этого способа такова:

$$W = \frac{Z!}{\prod \pi_n!} \dots \dots (5).$$

Впоследствии, в 1925 г., тем же автором был предложен другой, законченный способ, где в качестве комбинации, связанной с S , фигурировало распределение молекул. Формула для W этого способа такова:

$$W = \frac{(N+Z-1)!}{N! (Z-1)!} \dots \dots (6).$$

Наконец в 1926 г. Ферми, а вслед за ним Дирак еще глубже развили законченный способ Бозе, приняв, что в одной ячейке не может оказаться более одной молекулы. Формула для W способа Ферми такова:

$$W = \frac{Z!}{N! (Z-N)!} \dots \dots (7).$$

Ферми ввел тем самым принципиально новую предпосылку исчисления W , касающуюся вопроса о том, сколько молекул может оказаться в одной ячейке. Однако эту третью, хотя и чрезвычайно важную, предпосылку мы не будем рассматривать в настоящей статье, ибо она касается не самого основного противоречия, лежащего в основе исчисления W и понятия W , а его дальнейшего развития и детализации. Поэтому разбор способа Ферми мы оставляем пока в стороне. Таким образом предметами нашего рассмотрения остаются: способ классической статистики, две поправки к нему и два способа квантовой статистики.

Переходим теперь к разбору понятия единицы исчисления W .

Как мы уже видели, определить вероятность поведения системы значит количественно установить имеющуюся в действительности возможность этого поведения. Для этого мы прежде всего должны установить ту единицу, которая позволит нам количественно определить основание для данной возможности. Без этого мы практически не сможем ни произвести количественного определения, ни выразить его результата.

Но если комбинация, связанная с S , необходимым образом определяется условиями термодинамического равновесия газа, то единица исчисления W должна опираться на такой момент в газе, который предусматривает возможность при данных условиях осуществления не одной единственной комбинации, а целого ряда равновозможных комбинаций, выбранных нами за единицы исчисления W ; тогда посредством их смены мы

сможем исчислять, как бы «измерять», вероятность необходимой комбинации, а тем самым вероятность состояния газа.

Заметим, что при установлении единицы исчисления мы можем даже совершенно не знать, а если знаем, можем совершенно отвлечься от того, каким абсолютным, т. е. собственным количественным значением обладает основание возможности данного события, вероятность которого принята нами за единицу. Нам нужно только знать, что возможности всех этих событий остаются все время равными относительно друг друга и основание этих возможностей в действительности (во взаимодействии молекул) остается все время неизменным.

Тогда возможность сложного макроскопического события может быть представлена целым числом единиц, соответствующим числу простых равновероятных микроскопических событий, на которые можно, говоря условно, разложить возможность данного сложного события. По своему существу (но не по своему внешнему характеру) исчисление W есть процесс физического измерения, ибо состоит в нахождении численного соотношения между измеряемым и масштабом, в данном случае — между возможностями макроскопического и микроскопического событий. Но всякое физическое измерение в своей основе всегда имеет определенное соотношение качественной и количественной сторон, т. е. определенную меру того явления или той вещи, которые подвергаются измерению. Рассматривая все приведенные выше основные формулы для W от (2) до (7), мы точно так же констатируем, что они все не представляют собой однородных, абстрактно количественных выражений вроде простых голых подсчетов каких-то комбинаций, за которыми не скрывается ничего качественного; напротив, мы констатируем, что за этими числами всегда скрываются не только определенные количественные, но вместе с тем и качественные отношения и что каждая из различных единиц исчисления W , которой мы пользуемся, имеет в основе своей особую меру, а именно — меру как раз тех реальных процессов движения молекул, признаки которых мы учитываем как характеристику соответствующих комбинаций. Поэтому мы не можем без всякой оговорки сравнивать между собой значения W , вычисленные согласно различным формулам, так, как если бы они были величинами одного и того же порядка.

Если же однако обычно принято писать вероятностные формулы в том виде, как это мы делали выше, то этот способ выражения совершенно аналогичен тому, как если бы мы, рассматривая какое-либо вещество, ограничивались указанием на голое число каких-то частиц, из которых состоит это вещество, не указывая при этом, о каких именно частицах идет речь (о молекулах, атомах, электронах, протонах и т. д.). Поэтому если в одном случае мы подсчитывали молекулы, а в другом случае — атомы, то соответствующие количественные выражения только тогда, разумеется, можно сравнивать друг с другом, когда установлено соотношение мер, лежащих в основе каждого из этих подсчетов, т. е. измерений. Аналогично этому абстрактно количественное выражение с одной стороны объема, а с другой стороны веса данного вещества не может быть сравнимо, пока не будет установлено соотношение соответствующих единиц измерения в виде удельного объема или удельного веса вещества.

Точно так же соотношение различных формул для W только тогда имеет смысл, когда указаны прежде всего те единицы и следовательно те меры, которые лежат в основе исчисления каждой из этих формул. Поэтому формулы (2), (3) и (6) например мы должны по сути дела писать так:

$$W_1 = \frac{N!}{\prod_i n_i!} [\text{сочетаний}] \dots (2a),$$

$$W_2 = Z^N [\text{сочетаний}] \dots (3a)$$

$$W_3 = \frac{(N+Z-1)!}{(Z-1)!N!} [\text{размещений}] \dots (6a),$$

где в квадратные скобки взяты соответствующие единицы исчисления W .

Отсюда совершенно ясно, что величины W_1 и W_2 , будучи непосредственно сравнимы между собой, не могут быть сравнимы с величиной W_3 без установления определенного соотношения между размещением и сочетанием как единицами исчисления W . В данном случае указанное соотношение единиц измерения дается формулой (2) или (2a). Именно на эту сторону не обращает совершенно внимания М. Л. Бриллюэн¹⁾, когда он пытается построить обобщенную формулу для классической и квантовой статистики, исходя только из учета одного абстрактного количественного момента и обходя совершенно вопрос о соотношении единиц исчисления W , лежащих в основе каждой статистики.

Таким образом общая черта, присущая всякому процессу измерения, оказывается свойственна и исчислению W , хотя оно конечно и представляет собой совершенно своеобразное, не вполне обычное физическое измерение.

Ставя своей задачей вскрыть закономерную связь между случайным поведением множества отдельных молекул и поведением их коллектива как целого, мы естественно должны искать единицу для измерения основания возможности поведения коллектива молекул в тех случайных комбинациях, которые непосредственным и необходимым образом связаны с движением отдельных молекул.

Теперь мы можем подытожить все сказанное выше.

Поскольку задачей исчисления W является установление количественной стороны закономерной связи между необходимым термодинамическим состоянием газа, с одной стороны, и случайным механическим движением образующих его молекул — с другой, постольку обязательными комбинаторными предпосылками этого исчисления являются: во-первых, установление комбинации, выражающей собой, в особой конечно форме, необходимое термодинамическое состояние газа и следовательно связанной существенно необходимым образом с его энтропией S ; во-вторых, установление комбинации, выражающей случайное по отношению ко всему газу в целом движение отдельных молекул и служащей единицей исчисления W .

Короче говоря, первая предпосылка состоит в установлении необходимой по отношению к газу комбинации, вторая — в установлении случайной по отношению к нему комбинации, которая вместе с тем должна быть необходимой по отношению к перемещению отдельных молекул.

Разложением объекта исчисления W на два его противоположные физические элемента и самого исчисления W на две противоположные комбинаторные предпосылки, соответствующие обоим элементам, мы заканчиваем анализ задачи исчисления W .

В следующей части мы переходим к рассмотрению понятия W , основанного на взаимной связи элементов и предпосылок исчисления W , в конечном счете — на соотношении случайности и необходимости как единства противоположностей.

¹⁾ Léon Brillouin, La statistique des quanta de lumière (photons). Comptes rendus de l'Académie des sciences, t. 184, p. 589, 1927.

Экономическое учение Маркса в освещении Каутского

Т. Чулок

Недавно Каутский выпустил 25-м изданием свою книжку «Экономическое учение К. Маркса», написанную им в 1886 г., т. е. 47 лет тому назад. Этому выпуску он предпослал специальное предисловие и снабдил его дополнениями, относящимися ко II и III тт. «Капитала» (кругооборот капитала, оборот капитала, воспроизводство общ. капитала, кризисы, торговая прибыль, процент и предприним. доход, земельная рента и т. д.).

Каутский в своем предисловии рекомендует эти дополнения как очень важные, завершающие его изложение марксова экономического учения.

По его мнению, теперь (в противовес прежним временам) рабочие интересуются не только кругом проблем, изложенных Марксом в I томе «Капитала», но также и проблемами обращения, воспроизводства, кризисов и другими, изложенными им в двух других томах. Если раньше можно было ограничиться изложением только I т., то теперь положение резко изменилось вследствие «совершенно новой ситуации, созданной мировой войной».

До войны рабочие партии были всецело оппозиционными партиями, пишет Каутский. Задачи их в политическом отношении, по его мнению, сводились прежде всего к борьбе за демократию, а в экономическом — к борьбе против произвола предпринимателей. Теперь, после мировой войны, рабочие партии во многих странах пришли к власти (вошли в правительство), в других — недалеко от этого. «Рабочий класс получает все большую возможность не только отстаивать свои особые узко классовые интересы, но и интересы процесса производства в целом, даже всей общественной жизни вообще»¹⁾. Таким образом, как видит читатель, задачи рабочего класса на современном этапе развития капитализма, по мнению социал-фашиста Каутского, чрезвычайно расширились. Узко классовые интересы пролетариата уступили место интересам защиты процесса капиталистического производства в целом и даже всей общественной жизни в целом! Каутский предлагает рабочему классу отстаивать интересы капитализма, поддерживать капиталистическую рационализацию, огромное повышение интенсивности труда, увеличение рабочего дня, падение зарплаты, увеличение безработицы, рост обнищания пролетариата и т. д., ибо это как раз и есть процессы, характеризующие на нынешнем этапе «процесс производства в целом». Кроме того пролетариат, как видно, должен поддерживать все чрезвычайные декреты, план Юнга, фашистское правительство Гитлера и т. д., так как это так или иначе есть общественные (капиталистического общества) интересы²⁾.

¹⁾ К. Каутский, Экономическое учение К. Маркса, предисловие к 25-му изд., стр. 16.

²⁾ Последние события, развернувшиеся в Германии в связи с фашистско-гитлеровским переворотом, особенно наглядно показывают, что Каутский, а вместе с ним и все руководство германской партии социал-фашистов именно так и пони-

Все это привело Каутского к мысли о необходимости дополнения его книги или, как он выражается, популярного издания «Капитала».

«Таким образом, — пишет он, — «Капитал» вышел теперь в популярном издании, которое сильно облегчает изучение этого гигантского труда».

«Надеюсь, что «Экономическое учение» в дополненном виде еще больше отвечает запросам широких рабочих кругов, а также изучающих Маркса в смысле краткого и общепонятного введения в круг идей «Капитала»¹⁾.

Каутский, как видим, рассчитывает сейчас, как и прежде, на широкие рабочие круги, изучающие Маркса.

Это делает совершенно необходимым и чрезвычайно насущным сейчас критический пересмотр этой книги, несмотря на то, что подавляющая часть ее (9/10) написана 47 лет тому назад. Мы должны разобрать ее под углом зрения критики взглядов современного Каутского, современных его, социал-фашистских, позиций.

До сих пор мы еще не имели марксистской критики этой работы, в то время как она является необычайно распространенной не только у нас, но и за границей. Многие десятки тысяч людей, приступающих к изучению «Капитала» Маркса, действительно пользуются ею как пособием.

Критика этой книги Каутского необходима не только потому, что он сам, как мы это видели, рекламирует ее для рабочих за границей, но и потому, что у нас, в Советском союзе ее в достаточной степени разрекламировал ренегат Д. Рязанов, позиции которого в этом вопросе безусловно связаны с его предательством интересов нашей партии.

В 1930 г. Д. Рязанов выпустил «Экономическое учение К. Маркса» Каутского, предпослав ему свое предисловие, в котором он горячо рекомендовал читателю эту книгу. При этом он ни единого слова не сказал о тех извращениях, которые в ней содержатся.

«Предлагаемая нами вниманию читателей работа Каутского, — пишет Рязанов, — является до сих пор лучшим популярным введением в изучение первого тома «Капитала» Маркса» (из предисловия Рязанова к изданию 1930 г.).

«Чтобы облегчить им (молодым социал-демократам. — Т. Ч.) понимание «Капитала» Маркса, Каутский и написал свою книжку «Экономическое учение Карла Маркса» — мастерской образец популяризации трудных экономических вопросов» (там же, стр. 6).

Книга Каутского, пишет дальше Рязанов, ...«осталась до сих пор незаменимым пособием для читателей, которые еще не подготовлены к чтению первого тома «Капитала» Маркса или впервые приступают к этому чтению» (стр. 7. Разрядка моя. — Т. Ч.).

Эти отзывы Рязанова — еще одно свидетельство того, как погряз он всем своим существом в социал-демократическом болоте и как сродни он Каутскому и II интернационалу в целом. Совершенно несомненно, что в этом «лучшем популярном введении» к «Капиталу», в этом «мастерском образце»

мают этот тезис о защите рабочим классом капиталистического «процесса производства в целом и даже всей общественной жизни вообще». Социал-фашисты оказались в первых рядах контрреволюции, призывая рабочий класс к подчинению и поддержке фашизма. Они ползают на коленях перед Гитлером с мольбами о пощаде, платя при этом любой ценой, любым предательством рабочего класса, удовлетворяя любое требование фашистов, вплоть до посылки своих агентов за границу с целью агитации за фашистский режим. Такова практическая расшифровка теоретического тезиса о том, что рабочий класс не стоит теперь только на позициях узко классовых интересов, а на позициях защиты интересов производства и общества в целом.

¹⁾ К. Каутский, Экономическое учение К. Маркса.

и «незаменимом пособии» мы имеем целый ряд эклектических антимарксистских положений, срastaющихся с меновой концепцией, с теорией мирного вращаения капитализма в социализм и т. д., являющихся безусловно теми корнями, которые в процессе дальнейшей эволюции Каутского дали такой богатый урожай в виде его нынешних контрреволюционных социал-фашистских писаний. Своей попыткой прикрасить, скрыть от читателя извращения марксовской теории, допущенные Каутским в его прежних работах, Рязанов оказал такую же услугу ему и II интернационалу, как сокрытием от партии письма К. Маркса о Каутском.

Впрочем здесь нет ничего удивительного, если принять во внимание, что в 1928 г., когда злейший и опаснейший враг мировой революции Каутский имел уже за своей спиной большой стаж борьбы с СССР и Коминтерном, Д. Рязанов не находил более сильных слов для его характеристики, чем следующие: «Теперь, когда Каутский так тщательно разыскивает и с таким усердием раздувает недостатки «советского» (почему в кавычках? — Т. Ч.) хозяйства, противопоставляя ему выгоды и преимущества рационализованного и демократизированного капитализма, особый интерес приобретает его старая статья»...

Итак, Каутский, по Рязанову, только раздувает недостатки «советского» (для Рязанова — в кавычках) хозяйства. Яркий пример, поясняющий нам, почему Рязанов очутился в рядах вредителей-меньшевиков.

* * *

Прежде чем приступить к непосредственному разбору самой книги Каутского, сделаем несколько предварительных замечаний.

За последнее время в среде экономистов-коммунистов довольно усиленно дебатруется вопрос о том, как нужно оценивать прежние работы нынешних вождей социал-фашизма¹⁾.

В этом вопросе сейчас как и раньше намечаются, по нашему мнению, две неверных и опасных точки зрения. С одной стороны, вульгаризаторская и упрощенческая попытка отождествить позиции нынешних вождей социал-фашизма с их прежними позициями, теперешнего Каутского с прежним Каутским²⁾. С другой — попытка доказать, что между прежним и теперешним Каутским нет абсолютно ничего общего, что старый довоенный Каутский был ортодоксальным марксистом, что на прежних его работах (в частности и в особенности на книжке, о которой идет речь) учились поколения революционеров, что эти работы не следует подвергать критике и искать в них корней нынешних социал-фашистских теорий, ибо никаких таких корней в этих ортодоксальных работах Каутского нет и быть не может. Выходит, что нам нужно, отказавшись от всякой критики, ограничиться только рекламированием положительных качеств и показом того полезного, что эти работы принесли и еще сейчас могут принести³⁾.

Ни первая, ни вторая, наиболее вредная и опасная точка зрения не выдерживают никакой критики с партийной, большевистской точки зрения.

¹⁾ Вопрос об отношении к бывшим вождям довоенной социал-демократии, — нынешним вождям социал-фашизма и их прежним работам недавно был поднят также некоторыми товарищами в германской компартии (Зауэрлянд и Альпари), которые при этом допустили ряд ошибок, подвергнутых в настоящее время критике как в германской, так и в международной коммунистической печати (см. по этому вопросу статью т. Зоркого в журн. «Коминтерн» №№ 2 и 3 за январь 1933 г.).

²⁾ Так, Зауэрлянд в своей книге «Der dialektische Materialismus» пишет о том, что Каутский и Бернштейн друг от друга не отличались, что разница между ними только формальная. По его мнению, никакой измены Каутского не было и быть не могло, ибо он по существу всегда был социал-фашистом. «Легенда, — пишет он, — об «измене» былого «настоящего» марксиста Каутского не может устоять перед тщательным анализом» (цит. по ст. т. Зоркого).

Отождествление старого Каутского с нынешним наруку только классовым врагам пролетариата и прежде всего самому Каутскому, который всячески пытается доказать, что никакой измены с его стороны не было, что он ведет последовательную линию с самого начала и до конца, пытаясь снять с себя ответственность за то грязное предательство рабочего класса, которое он проделал. Говоря о прежнем Каутском, мы конечно должны отметить, что на определенном этапе развития некоторые старые его работы принесли определенную пользу, было время, когда Каутский стоял на позициях революционного пролетариата. Но в то же время мы ни в коем случае не можем сказать, что в эти периоды Каутский был последовательным от начала до конца, ортодоксальным марксистом.

Даже в ранних его работах со всей ясностью и определенностью проглядывают корни той ревизии марксизма, которую он проделал на протяжении всего пути своего развития. Каутский, Гильфердинг и другие нынешние вожди социал-фашизма стали предателями не случайно. Их предательство является логическим результатом проделанной ими шаг за шагом эволюции. Каждый новый этап в развитии революционного движения характеризовался все большим и большим углублением их предательства. Из области теории оно неизбежно было перенесено в практику рабочего движения и в конце концов вылилось в открытую, ничем не замаскированную измену делу рабочего класса. В свете глубочайшего падения нынешних вождей социал-фашизма совершенно ясно выглядят те искажения марксовой теории, которые мы можем проследить в их ранних работах.

Мы не имеем возможности останавливаться здесь подробно на характеристике ранних работ Каутского. Приведем лишь ряд ценнейших замечаний Ленина о его работах (Лен. сб. XIV), в том числе и об «Антибернштейне» и об «Эрфуртской программе». Эти замечания являются ярким образцом того, как нужно критиковать старые работы Каутского и других вождей социал-фашизма. Они бьют по правым попыткам оглулом защищать все, что ими было написано раньше, замазывать их эклектизм и ревизионизм, выпячивать их роль как бывших вождей пролетариата.

«Каутский в своей книге против Бернштейна, — говорит Ленин, — тоже обошел вопрос (о насильственной революции и сломе буржуазной государственной машины. — Т. Ч.), заявив: «Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры мы вполне спокойно можем предоставить будущему».

«Перл! Ха-ха-ха!! «вполне спокойно»!! С гг. де юнкерами, Рокфеллерами и т. п. вряд ли согласишься без диктатуры»...

И далее Ленин замечает:

«Итог: Я-де за диктатуру пролетариата, но не хочу настаивать на ней и разбирать ее. Ни за, ни против!!!»

«Мы-де не знаем — ни когда, ни как получит пролетариат по-

³⁾ Альпари в своих статьях, написанных против указанной книжки Зауэрлянда, держится той точки зрения, что Каутский и Плеханов понимали марксизм «вполне», находились на уровне творцов этой теории — Маркса, Энгельса.

Альпари пытается прикрасить довоенного Каутского, представив его как ортодоксального марксиста. «Если измена II интернационала для Зауэрлянда, — говорит т. Зоркий, — «легенда», то в изображении Альпари она непостижимое чудо, которое совершилось вопреки истории. Как и у Зауэрлянда, у Альпари нет правильной оценки того пути, которым пришел II интернационал в лагерь буржуазии. Для Зауэрлянда Каутский был всегда загрифованным социал-фашистом, с которого только время смыло грим. Альпари довольствуется тем, что противопоставляет «двух» Каутских, одного другому, революционного марксиста — предателя». Есть у нас и свои Альпари, заявляющие, что главной задачей в критике прежних работ Каутского и в частности «Экон. учения» является показать роль Каутского, как бывшего вождя пролетариата и ту пользу, которую эта книга принесла, отнюдь не занимаясь критикой извращений марксовой теории, имеющихся в этой книге. Такая критика, по мнению этих представителей махрово оппортунистической оппозиции, будет не чем иным, как «ловлей блох».

литическое господство, в одном ли крахе, в ряде ли катастроф или в постепенном развитии... но мы-де «партия социальной революции».

Ко всему этому Ленин добавляет: «Сравни — Энгельс о революции в Анти-Дюринге!! Вот до чего опошили марксизм!!» (разрядка моя. — Т. Ч.)¹).

И это написано Лениным об «Антибернштейне», книге, которая была написана Каутским в прошлом столетии.

В этом же, XIV Лен. сборнике имеются замечания по поводу других книг Каутского: о «Социальной революции» (вышла в 1903 г.), о «Пути к власти» (вышла в 1909 г.).

Разбирая первую, Ленин замечает:

«Каутский говорит о «борьбе за обладание государственной властью»... «стремлении завоевать государственную машину»... NB: шаг назад от 1852 — 1891 к 1847». Здесь Ленин подчеркивает, что Каутский еще в 1903 г. отвергал марксово революционное учение о необходимости уничтожения, разбития, слома капиталистической государственной машины и утверждения диктатуры пролетариата, подменяя это учение абстрактным рассуждением о «завоевании (буржуазной) государственной машины»²).

Разбирая книгу Каутского «Путь к власти», Ленин замечает: «Во всей главе I (с. 15 — 21) ни слова о «разбитии» военно-бюрократической государственной машины, — ни о борьбе с «суеверной верой в государство», ни о замене парламентских учреждений и чиновников пролетарскими учреждениями типа Парижской коммуны» (Лен. сб. XIV, стр. 363).

По поводу главы II Ленин замечает:

«И только! В главе II ни слова о революционном использовании всякой революционной ситуации! Ничего! сравнить с Энгельсом в Анти-Дюринге, место о революции и насилии!!!» И наконец Ленин подводит итог разбора всей книги:

«Итог: все время о «революции», особенно о «политической революции», и ничего о конкретизации ее у Маркса и Энгельса в 1852, 1871, 1891 гг. Ничего о «разбитии», о «паразите-государстве», о замене парламентских учреждений работающими». Ко всему этому на полях сделана следующая заметка:

«Именно особенности политической революции пролетариата смазаны» (стр. 369).

Мы не будем здесь подробно останавливаться на замечаниях Ленина по поводу полемики Каутского с А. Паннекуком, которая велась в «Neue Zeit», 1912 г. Отметим коротко, что у Ленина по поводу полемических приемов Каутского пестрят такие замечания: «Обход вопроса о нелегальных

¹ Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, «что насилие играет также в истории другую роль («кроме совершителя зла»), именно революционную роль, что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы, — обо всем этом ни слова у г. Дюринга».

² Интересно отметить, что для Каутского социальная и политическая революции вещи совершенно различные. Так он заявлял: «Не только социальную, но и политическую революцию нельзя приравнять к восстанию». У Энгельса в «Принципах коммунизма» мы находим совершенно ясный ответ на это: «Не говорите, — пишет он, — что социальное движение исключает политическое. Никогда не существовало политического движения, которое не было бы в то же время и социальным. Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями» (цитировано по изданию Института Маркса—Энгельса, 1930 г., «Коммунистический манифест», стр. 125). Простое сопоставление этого высказывания Энгельса с вышеприведенными высказываниями Каутского по тому же вопросу говорит само за себя.

организациях (жулик)!!», в вопросе об отношении к политическому завещанию Энгельса — Каутский — «жулик и подлец!! Сами (Ленин имеет здесь ввиду Бернштейна, Каутского и др. столпов немецкой с.-д. — Т. Ч.) подделали завещание». «Жулик, ибо Паннекук говорит именно о «революции» (разрядка Ленина). Ленин приводит следующую цитату из Каутского о его программе действия:

«Построение организации, завоевание всех позиций власти, которые мы в состоянии завоевать и прочно удержать собственной силой; изучение государства и общества и просвещение масс; других задач пока мы еще не можем сознательно и планомерно ставить ни себе, ни нашим организациям». На это Ленин замечает: «Перл идиотизма» (стр. 379). Там же Ленин замечает:

«Общий итог — социализм без революции!! Или революция без разрушения политической власти, «государственной машины» буржуазии!!» (стр. 379).

И наконец общая оценка всей полемики Каутского следующая: «Это полный крах марксизма!! Все уроки и учение Маркса и Энгельса 1852 — 1891 забыты и извращены. «Разбить военно-бюрократическую государственную машину» учили Маркс и Энгельс. Ни слова об этом. Диктатура пролетариата подменена мешанской утопией борьбы за реформы. Социализм реформистски осуществляется; массовая стачка для реформ — к этому все сводится. Ни слова о борьбе «против суеверной веры в государство», о создании пролетариатом не парламентских, а «работающих, исполнительных и законодательных» представительных учреждений. И это в августе 1912 г. — после «Пути к власти!» накануне Базельского манифеста!! в специальном ответе на статью о революции, о «политической революции»!! Нет ни проповеди революции, ни разработки ее вопросов» (Лен. сб. XIV, стр. 381, разрядка Ленина).

Эти ленинские замечания совершенно определенно говорят о том, что Каутский никогда не был последовательным марксистом. Отдельные правильные мысли, которые он высказывал, всегда представляли собой изолированные отрывки, не связанные в единую цельную марксистскую теорию. Они переплетались в работах Каутского с целым рядом оппортунистических, антимарксистских, ревизионистских положений. Даже в годы своего наивысшего подъема и расцвета Каутский не был идеологом насильственной пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

Наша задача заключается в том, чтобы, базирясь на замечаниях Ленина и развивая их, показать, как и куда развился эклектизм, присущий Каутскому, как ревизионизм все больше вытеснял и заслонял то положительное, что было когда-то в нем, как этот ревизионизм привел к измене рабочему классу и превратился в контрреволюцию. Тем самым мы покажем действительный путь измены социал-фашистов.

* * *

Книга Каутского «Экономическое учение К. Маркса» несомненно сыграла в свое время известную роль в деле продвижения марксова учения в массы. В ней содержится ряд правильных глав. Например в главе «Рабочая сила, как товар» верно ставится вопрос об условиях, необходимых для превращения рабочей силы в товар, более или менее удачно критикуются вульгарные экономисты, утверждающие, что капиталисты, платя зарплату рабочим, тем самым якобы авансируют их. Сравнительно неплохо изложены также главы, посвященные кооперации, мануфактуре и машинам, учение Маркса о пагубном действии, которое оказывает на рабочих введение машин при капитализме (введение женского и детского труда, разрушение семьи рабочим увеличением рабочего дня и т. д.).

Но было бы политической слепотой, если бы мы на основании той частицы правильного, что имеется в этой книге Каутского, стали бы расхваливать и рекомендовать ее изучающим «Капитал» без всяких оговорок, как это проделал ренегат Рязанов и как это рекомендуют нам некоторые «друзья» из правооппортунистического лагеря. Необходимо вскрыть ту цепь извращений экономического учения Маркса, которая красной нитью проходит через всю работу Каутского, показать социал-фашистскую сущность вновь написанных им глав и тем самым предупредить товарищей, которые вздумали бы пользоваться этой книгой при изучении «Капитала», от целого ряда ошибок.

* * *

Известно, что теория стоимости Маркса является центральным основным звеном его экономической системы, звеном, без правильного понимания которого совершенно невозможно правильное понимание всех проблем марксовой политэкономии. Совершенно неслучайно поэтому вся послемарксова буржуазная и вульгарная политэкономия стремилась опровергнуть самый исходный пункт, фундамент его экономической системы — теорию стоимости. Признавалось даже часто, что во всем остальном его теория стройна и построена на железной логике. Но все это будто рушится вследствие ошибочности самой основы, теории стоимости, вместе с падением которой неизбежно падает вся марксова система.

Внимательное чтение «Экономического учения К. Маркса» К. Каутского сразу показывает целый ряд серьезнейших принципиальных извращений в его трактовке марксовой теории стоимости.

Так Каутский с первых же шагов своего изложения сразу показывает полное непонимание им сущности двойственного характера труда и товара.

Резко бросается в глаза, что Каутский избегает употребления марксовых терминов — абстрактный труд и конкретный труд. Если первый еще можно встретить, то термин конкретный труд вообще отсутствует. Однако более глубокий анализ вскрывает, что за этой внешностью скрывается целый ряд принципиальных извращений марксова анализа двойственного характера труда.

В «Экономическом учении» например мы находим следующие пояснения и высказывания по этому вопросу: «Если же оставить в стороне потребительную стоимость товара, то у них останется лишь одно свойство — то, что они — продукты труда. Но когда мы таким образом мысленно отвлекаемся от потребительной стоимости продуктов, то вместе с тем мы отвлекаемся и от определенных видов создавшего их труда; они тогда уже представляют не продукты труда столяра, прядильщика и т. д., а только продукты человеческого труда вообще. И как таковые они — стоимости» (стр. 24 (16), разрядка моя. — Т. 4.).

Таким образом, говоря о труде, создающем стоимость, он ограничивается заявлением, что создателем ее является труд вообще. Но еще рельефнее и яснее его трактовка абстрактного труда выглядит в следующем месте. «С одной стороны, труд представляется нам производительной тратой человеческой рабочей силы вообще, с другой определенной человеческой деятельностью для достижения определенной цели. Первая сторона труда составляет общий элемент всякой производительной деятельности человека, вторая — различна для различных видов производительной деятельности. Между земледельческим трудом и трудом кузнеца есть то общее, что оба они являются тратой человеческой рабочей силы вообще, но они отличаются друг от друга своей целью, своими приемами, своим предметом, своими средствами, своим результатом» (стр. 26, нем. изд. 19, разрядка

мая.— Т. Ч.). Наконец такое же определение дает Каутский и в следующем месте:

«Не труд, как определенная, целесообразная, качественно различающаяся деятельность создает стоимость, а только труд одинаковый во всех отраслях производства, труд как затрата человеческой рабочей силы вообще. Как такая затрата рабочей силы, разные виды труда, подобно самим стоимостям, не качественно, а количественно различны» (стр. 26).

Эти определения Каутского (никаких других определений он не дает) говорят о грубо механистическом понимании им категории абстрактного труда. В самом деле, что значит труд вообще, или затрата человеческой рабочей силы вообще, о которой Каутский неоднократно говорит. Затрата человеческой рабочей силы вообще есть не что иное, как затрата человеческой физиологической энергии. Ничего другого под этим понять нельзя. Таким образом получается, что затрата человеческой рабочей силы или, что то же, затрата человеческой физиологической энергии создает стоимость. Следовательно эта затрата есть абстрактный труд. Такое чисто физиологическое толкование абстрактного труда увековечивает его, ибо затрата человеческой физиологической энергии существовала всегда и будет существовать, пока существует человеческое общество. Но если это так, то, следовательно, и стоимость, создателем и субстанцией которой является абстрактный труд, превращается в вечную надисторическую категорию. При этом нужно отметить еще один, чрезвычайно важности момент, который подтверждает, что Каутский подошел к трактовке абстрактного труда, как чистый механист и физиологист. В вышеприведенных цитатах Каутский заявляет: «Как такая затрата рабочей силы (рабочей силы вообще) разные виды труда, подобно самим стоимостям, не качественно, а количественно различны». Как видим, Каутский в своем анализе абстрактного труда подходит к нему чисто количественно. Все качественные социальные, общественные моменты, которые являются основными моментами при определении абстрактного труда, выброшены. Этот чисто количественный подход к чрезвычайно сложной социальной проблеме проходит красной нитью и при трактовке Каутским стоимости, форм стоимости, денег и т. д. Да иначе и быть не может, если абстрактный труд с первого же шага определен, как физиологическая, надисторическая категория. При таком подходе количественная трактовка остается единственно возможной. Однако мы знаем, что затрата человеческой рабочей силы вообще, или, что то же, затрата человеческой физиологической энергии, взятая сама по себе, вне данной, определенной общественной организации труда, не является абстрактным трудом, как это выходит у Каутского, точно так же, как продукт, взятый сам по себе, не является товаром вообще. Товаром является только тот продукт, который изготовлен при данной определенной организации общественных производственных отношений (отношений независимых друг от друга производителей) для продажи на рынке.

Абстрактным трудом является не просто физиологическая затрата человеческой энергии (затрата человеческой рабочей силы вообще), но такая физиологическая затрата, которая связана определенными общественными функциями создания и соизмерения стоимости, функциями, которые вызваны к существованию наличием данных определенных (товарно-капиталистических) общественных производственных отношений, функциями, уничтожающимися вместе с уничтожением породивших их производственных отношений. Мы имеем по этому поводу чрезвычайно ценное высказывание Ленина. В своей небольшой статье «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социал-революционерами» Ленин критикует следующее их положение: «Основой существования, — говорят с.р., — тех и других (сельских

пролетариев и «самостоятельных землевладельцев», живущих приложением собственного труда) является труд как определенная политико-экономическая категория». Ленин отвечает на это утверждение: «Определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде» (т. V, стр. 201, изд. 3-е).

Это значит, что на каждом этапе развития человеческого общества труд в связи с переменной формы его организации, в связи с переменной общественных производственных отношений людей имел и будет иметь совершенно различные общественные функции и характеристики. Политико-экономическое содержание труда изменяется в зависимости от формы его организации. На этапе развития общественно-производственных отношений, характеризующихся как товарные, эта физиологическая затрата труда приобретает особые общественные черты, которые только и превращают физиологическую затрату человеческой энергии в абстрактный труд, создающий стоимость. С гибелью этих производственных отношений исчезают эти специфические общественные отношения, следовательно исчезает абстрактный труд и вместе с ним и стоимость, хотя физиологическая затрата человеческой энергии остается. «По Марксу, абстрактный труд существует лишь в товарном хозяйстве, хозяйстве, в котором равенство труда как затрата одной и той же физиологически однородной человеческой рабочей силы выступает как специфически общественная форма труда. Лишь в товарном хозяйстве это равенство труда становится общественной формой труда, т. е. абстрактным трудом»¹).

Совершенно очевидно, что понимание абстрактного труда как категории общественной, присущей только товарному хозяйству, есть единственно правильное марксистское его понимание. Правильное понимание этого вопроса играет первостепенную роль и в понимании марксовой теории стоимости, а следовательно и всей марксовой теории. Как видим, с первых же шагов Каутский извратил Маркса, ибо он стоит на совершенно противоположных ему механистических позициях, превращающих абстрактный труд в нечто чисто физиологическое, естественное, энергитическое, надисторическое. Тем самым Каутский извращает понимание двойственного характера труда. Как видим, у Каутского вообще нет четкой постановки этой проблемы. С одной стороны, мы имеем у него извращенное толкование абстрактного труда, с другой — отсутствие четкого противопоставления его конкретному труду. Каутский почти и не упоминает термина — конкретный труд.

Каутский, механистически искаживши категорию абстрактного труда (двойственный характер труда), не мог не извратить и учение о стоимости. Он антимарксистски толкует понимание двойственного характера товара. Считая, что абстрактный труд является «трудом вообще», тратой физиологической человеческой энергии, а следовательно, превратив ее в категорию надисторическую, Каутский не мог понять также и стоимость как категорию специфически общественную, историческую, присущую и выражающую собой общественные производственные отношения товарного хозяйства. Для него стоимость естественно (исходя из его понимания абстрактного труда) есть категория, во-первых, чисто количественная, во-вторых, натуральная.

Маркс в I томе «Капитала» дал первоначальное определение стоимости как «сгустка» безразличного человеческого труда, как «кристалл» этой общей им всем общественной субстанции абстрактного труда, разбив его дальше и показав, что стоимость есть выражение общественных производственных отношений людей в товарном хозяйстве.

¹) Милютин и Боролин, «Большевик» № 2, 1930 г., стр. 51.

В «Капитале» все эти определения чрезвычайно четки, у Каутского же они чрезвычайно бледны, тусклы, неопределенны и беспредметны. И это, как читатель увидит, неслучайно, ибо его интересует не стоимость, а новая стоимость.

Определяя стоимость, он пишет:

...«точно так же и в основании различных выражений меновой стоимости товара лежит определенное содержание, которое мы называем стоимостью» (стр. 15). Или вот еще одно определение:

«Поэтому в железе и пшенице, как товарах, должно быть нечто общее, делающее сравнение их возможным. Это и есть их стоимость». (Здесь нет ни слова о том, что же такое это «определенное содержание», это «нечто общее». — Т. Ч.).

Дав такое туманное определение стоимости, Каутский этим ограничился. Но зато он широко занялся проведением параллелей между стоимостью и тяжестью, причем до того увлекся, что совершенно отождествил эти два понятия.

«Как бы ни был разнообразен вид меновой стоимости товара в данное время и в данном месте, в основании ее всегда будет лежать одинаковое содержание. Поясним это общественное явление подобным ему явлением из мира физического. Когда я говорю, что какое-нибудь тело весит 16 килограммов или 40 фунтов или один пуд, то я знаю, что в основании всех этих различных выражений лежит определенное содержание, определенная тяжесть тела. Точно так же и в основании различных выражений меновой стоимости товара лежит «определенное содержание, которое мы называем стоимостью» (стр. 99, 15-е нем. изд.). Вот и все. Как тяжесть есть нечто общее вещам, точно так же и стоимость есть нечто общее товарам. Даже Каутский, взяв марксов пример сравнения тяжести сахара и железа, комментирует его следующим образом:

«Число кусков железа показывает нам вес сахара, но было бы нелепо думать, что сахар потому весит 10 ф., что на другой чашке весов лежит 10 кусков железа: напротив, только и потому и нужно было положить туда столько железа, что сахар весит 10 ф.»

«Здесь вопрос совершенно ясен, но ведь точно так же обстоит дело и с величиной стоимости и формой стоимости» «Способ выражения веса тела во многом походит на выражение стоимости товара, т. е. на форму, в которой мы выражаем величину его стоимости. Голова сахара весит 10 ф. Это, точнее говоря, значит, — продолжая наш пример, — что она весит столько же, сколько 10 определенных кусков железа; подобным же образом мы можем сказать о сюртуке, что он стоит столько же, сколько стоят например 20 аршин холста» (31 — 32-е русск. изд.).

Такого порядка цитаты можно еще продолжать. Но и этих достаточно, чтобы констатировать, что Каутский путем таких аналогий, «популярных» сравнений совершенно натурализовал стоимость, отождествив ее с тяжестью. Он не дал никаких разъяснений по поводу глубочайшей принципиальной разницы, отличающей эти два явления. Совершенно противоположное мы находим в «Капитале», из которого Каутский взял эту параллель. Проведя сравнение между тяжестью и стоимостью, Маркс тут же немедленно оговаривается.

«Как тело железо, — говорит Маркс, — в качестве меры веса представляет по отношению к голове сахара лишь тяжесть, так в нашем выражении стоимости тело сюртук представляет по отношению к холсту лишь стоимость». «Однако, здесь и прекращается аналогия (сходство), в выражении веса сахарной головы железо представляет естественное свойство, общее обоим телам, именно — тяжесть, в то время как сюртук в выражении стоимости холста представляет сверх «естественное свойство обеих вещей: их

стоимость нечто чисто общественное» («Капитал», т. I, стр. 19. — Разрядка моя — Т. Ч.).

Маркс, проведя параллель между стоимостью и тяжестью, немедленно со всей силой подчеркивает огромную принципиальную разницу между ними. Тяжесть — естественное свойство вещи, стоимость — явление общественное, историческое. Каутский обходит, затушевывает эту разницу, и это неизбежно вытекает из его трактовки абстрактного труда. Натурализовав абстрактный труд, представив его, как чистую затрату физиологической энергии, как чистое количество, выхлостив все качественные общественные, классовые моменты, Каутский неизбежно должен был натурализовать и стоимость, превратить ее в категорию надисторическую¹⁾.

Но этим дело не ограничивается. Маркс уделяет очень большое внимание вопросу о различии стоимости и меновой стоимости, который имеет чрезвычайно большое принципиальное значение. Каутский же в своей книге не только не удосуживается уделить этому вопросу хотя бы несколько строк, но вообще в процессе изложения смешивает стоимость с меновой стоимостью.

Хотя в своем изложении стоимости Каутский и говорит о том, что эта категория социальная, но это определение не вытекает у него органически из всего хода анализа. Оно выглядит случайно, скорее в виде какой-то искусственной пристройки. В самом деле, Каутский, посвятивший меновой стоимости специальный раздел, однако ухитрился совершенно не поставить вопроса о различии между стоимостью и меновой стоимостью, не дал качественного определения стоимости в отличие от количественного ее определения. В разделе о меновой стоимости можно встретить все, что угодно вплоть до приведенных нами выше рассуждений о тяжести и стоимости, но там даже и намека нет на действительный анализ меновой стоимости, как количественного выражения стоимости, отличающейся от самой стоимости как форма и содержание. В своем анализе стоимости он продолжает все ту же количественную линию. «Однако, — заявляет он, — как стоимости товары различаются не качественно, а количественно» (разрядка автора).

Таким образом, не дав различия между стоимостью и меновой стоимостью, Каутский в своих определениях делает упор на количественную характеристику стоимости, так же, как и абстрактного труда.

¹⁾ Интересно, что еще в статьях, направленных против Родбертуса (вторая статья Каутского о Родбертусе «Eine Replik» — ответ на статью Шрамма — напечатана в № 11 «Neue Zeit» за 1884 г.), написанных им до «Экономического учения», Каутский уже выявил полное непонимание сущности стоимости.

Энгельс в своем письме к Каутскому, разбирая эти его статьи, пишет о том, что Родбертус не понимает сущности капитала, смешивая простое средство производства с капиталом. «Тем самым, — пишет по этому поводу Энгельс, — истинный капитал без околичностей, смешивается со средством производства, которое, смотря по обстоятельствам, может быть или не быть капиталом. Таким образом из капитала устранены все дурные, т. е. все действительные его свойства». После этой критики Родбертуса Энгельс проводит параллель между этой теорией капитала Родбертуса и теорией стоимости Каутского, заявляя, что Каутский со стоимостью сделал примерно то же, что Родбертус с капиталом. «Нечто подобное ты проделываешь со стоимостью» — продолжает Энгельс. Теперешняя стоимость, это (далее Энгельс излагает своими словами положения Каутского) стоимость товарного производства, но с уничтожением товарного производства «исчезнет» также и стоимость, т. е. стоимость как таковая останется, изменится лишь форма. «На самом же деле, — отвечает Энгельс, — экономическая стоимость — категория, свойственная лишь товарному производству, и исчезнет вместе с нею (см. Дюринг, стр. 187—198, т. XIV, собр. соч. Маркса и Энгельса). точно так же, как она не существовала до нее. Отношение труда к продукту ни до товарного производства, ни после него не выражается в форме стоимости» (с Архива Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 270, 272, разрядка Энгельса).

Как видим, Каутский считал стоимость категорией вечной, присущей всем формациям, Энгельс поправлял его, разъясняя, что стоимость присуща только товарному производству. Но Каутский в «Экономическом учении» продолжает фактически развивать свою ошибочную позицию.

Между тем Маркс в «Капитале» проводит очень определенный и четкий водораздел между стоимостью и меновой стоимостью. Маркс несколько раз подчеркивает, что меновая стоимость не есть стоимость, а есть форма стоимости. И иначе быть не может, ибо, если не провести четкого разграничения между этими категориями, то меновая стоимость приобретает характер чисто случайный, из-под теории стоимости вырывается трудовая основа. Известно, что Бейли именно на основе отождествления стоимости и меновой стоимости пытался доказать, что меновая стоимость определяется на рынке чисто случайными обстоятельствами спроса и предложения. Маркс по этому поводу говорил:

«Меновая стоимость, прежде всего, представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, случайного соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и совершенно относительным, внутренняя для товара имманентная меновая стоимость представляет повидимому бессмыслицу. Рассмотрим дело ближе» («Капитал», т. I, стр. 2).

В дальнейшем Маркс доказывает, что такое понимание является совершенно неверным, что «меновая стоимость должна иметь какое-то содержание, отличное от этих способов выражения» (стр. 3). И содержанием этим как раз и является стоимость. Далее Маркс показывает очень четко отличие стоимости от меновой стоимости. «Когда мы в начале этой главы, — говорит Маркс, — следуя ходячему обозначению, говорили: товар есть потребительная стоимость, и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления и «стоимость». «Он (товар. — Т. Ч.) обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его стоимость получает собственную, отличную от его натуральной формы, форму проявления, и именно — форму меновой стоимости...» («Капитал», т. I, стр. 22). К этим словам в своей работе о книге Адольфа Вагнера Маркс добавляет: «Я следовательно не подразделяю стоимость вообще на потребительную стоимость и меновую стоимость, как противоположное понятие «стоимости». Но конкретная, общественная форма продукта труда — «товар» есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны, — «стоимость», а не меновая стоимость, так как одна только форма проявления не составляет собственно содержания его» («Архив Маркса и Энгельса», кн. V, стр. 394).

Нет нужды дальше цитировать Маркса по этому поводу. Каждому марксисту ясно, что Маркс делал четкое разграничение между стоимостью и меновой стоимостью и неслучайно, ибо их отождествление и смешение делает меновую стоимость чисто случайной, вырывая из-под теории стоимости самое важное — трудовую основу, и смешивает форму и содержание. Каутский фактически смазал этот важнейший вопрос, став на точку зрения отождествления стоимости и меновой стоимости.

Но на этом не кончаются его извращения двойственного характера товара. Он не ограничился одной только натурализацией стоимости и отождествлением ее с меновой стоимостью, но извратил также и категории потребительской стоимости.

Известно, что Маркс считал потребительную стоимость товаров исторической категорией. В особенности это стало совершенно очевидным с момента опубликования работы Маркса «О книге Адольфа Вагнера». Однако Каутский в своем 25-м издании «Экономического учения» остается на тех

же позициях, что и в 1-м издании. Так он пишет: «Потребительная стоимость определяется физическими свойствами товарного тела. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. Потребительная стоимость не есть следовательно свойство, присущее исключительно товару. Существуют потребительные стоимости, которые не представляют собою товаров, например, как мы видели выше, продукты производства коммунистической общины» (стр. 22, подчеркнуто мною. — Т. Ч.). Совершенно обратную точку зрения развивает Маркс в вышеуказанной работе. «Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает лишь потребительную стоимость, но не товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость».

«Благодаря этому, потребительная стоимость, как потребительная стоимость «товара», сама обладает исторически специфическим характером»¹⁾.

Итак, Каутский не делает никакого различия между потребительной стоимостью продукта и потребительной стоимостью товара. Последняя поэтому представляется ему надисторической, вечной, в то время как Маркс отличает одну от другой и четко заявляет, что последняя исторична.

* * *

Таким образом Каутский исказил марксово понимание двойственного характера труда и товара и, совершенно очевидно, исходя из таких позиций, не мог не исказить марксова учения о формах стоимости и деньгах.

Маркс дал не только формальный анализ трех форм стоимости: простой, развернутой и всеобщей. Он показал, что движение этих трех форм от низшей к высшей есть только выражение развития противоречий товара, идущего через развитие относительной и эквивалентной форм стоимости.

В частности чрезвычайно важным является учение Маркса об особенностях эквивалентной формы: (1) потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, т. е. стоимости, 2) конкретный труд делается формой проявления своей противоположности, т. е. абстрактно человеческого труда, 3) частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в его непосредственно общественной форме. Развитие этих особенностей есть не что иное, как внешнее развитие внутреннего противоречия товара, приводящего к раздвоению товарного мира на товар и деньги.

Только тот, кто правильно понял и верно толкует двойственный характер товара, может понять сущность относительной и эквивалентной формы стоимости, только тот может понять сущность трех форм стоимости: простой, развернутой и сложной, и только тот может понять сущность денег и их происхождения, ибо последнее есть результат развития форм стоимости.

«Каждый знает,— пишет Маркс,— если он даже ничего более не знает,— что товары обладают общей формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей. Нам предстоит здесь исследовать вопрос, который буржуазная политическая экономия даже не пыталась поставить (между прочим потому даже не пыталась, что совершенно не поняла двойственного характера товара.— Т. Ч.), именно — показать возникновение этой денежной формы, т. е. проследить развитие того выражения стоимости, каким является отношение стоимостей товаров, от его простейшей, наиболее скромной формы и вплоть

¹⁾ «Архив Маркса и Энгельса», кн. V, стр. 395, разрядка моя.—Т. Ч.

до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег»¹⁾.

Таким образом без анализа форм стоимости, по Марксу, невозможно правильное понимание возникновения и сущности денег. Но Каутский, исходя из своего извращенного понимания двойственного характера труда и товара, обошел в своем анализе самое важное и существенное: выбросил анализ относительной и эквивалентной форм стоимости. Вы не найдете у него ни одного слова, посвященного этому вопросу; он ограничился описанием трех форм стоимости — простой, сложной и всеобщей, даже не упомянув о том, что их развитие есть не что иное, как развитие и усложнение относительной и эквивалентной форм. Эти две последние для него вообще не существуют.

Совершенно очевидно, что игнорирование Каутским марксова анализа относительной и эквивалентной форм стоимости приводит к схоластическому словопрению о трех формах стоимости (простой, развернутой и всеобщей) и отказу от анализа конкретных противоречий товарного производства. Однако это только подтверждает нашу критику его понимания противоречий труда и товара (стоимость, меновая стоимость, абстрактный труд, потребительная стоимость). Он не вскрыл сердцевины этих категорий, он не вскрыл противоречий, здесь заложенных, он подошел здесь как механист, ограничившись физиологическим определением абстрактного труда, отождествлением стоимости с меновой стоимостью, натурализацией стоимости и отрицанием исторического характера потребительной стоимости товара. Отсюда ясно, почему проблема развития форм стоимости, являющейся не чем иным, как развитием заложенных в товаре и труде противоречий, представлена им чисто формально-схоластически. Это логическое продолжение линии, взятой в начале анализа. Но извращение форм стоимости не может не привести к извращениям в теории денег.

У Каутского деньги не есть (да и не могут быть) результат развития противоречий товара. Извратив, как мы видели, это противоречие, выбросив вообще анализ относительной и эквивалентной форм стоимости, он ничего конечно не мог сказать и об особенностях эквивалентной формы, о всем богатстве развития эквивалентной формы от простого до всеобщего эквивалента, о противоречии между товаром и деньгами, одним словом, не мог дать марксовой теории денег. Деньги у него есть результат трудностей и технической необходимости обмена. «Но чем больше развивается товарный обмен, — говорит он, — чем больше продукты труда становятся товарами, тем нужнее оказывается всеобщий эквивалент. В начале обмена каждый обменивает непосредственно то, что ему не нужно, на то, в чем он нуждается. Но это делается тем труднее, чем больше товарное производство становится всеобщей формой общественного производства». Приведа далее пример, как портной, столяр, пекарь и мясник не могут обменивать своих товаров ввиду отсутствия всеобщего эквивалента, он продолжает:

«Ему (портному) нужен товар, который служил бы всеобщим эквивалентом, который, будучи непосредственным воплощением стоимости, являлся бы для всех потребительной стоимостью. Тот же ход развития, который делает этот эквивалент необходимым, влечет за собой и появление его» (36 — 37).

Таким образом деньги у Каутского возникли в результате трудностей обмена, без них затруднено обращение товаров. Портной и все другие производители голодают потому, что отсутствуют деньги, и из-за этого останавливаются продажа и покупка. Сам обмен рождает потребность в деньгах, сам обмен и удовлетворяет эту потребность выталкиванием определенного товара

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 12.

на роль денег. Такова постановка вопроса у Каутского. Но Каутский не понимает и не может понять, что трудности, возникшие в обмене из-за отсутствия денег, зависят и определяются двойственным характером товара, развитием стоимости. Поэтому дело здесь не так просто и не может быть сведено к простым техническим затруднениям. Для понимания процессов, приведших к возникновению денег, необходимо таким образом начать с анализа двойственного характера труда и товара, который у Каутского как раз искажен. Мы находим по этому вопросу у Маркса совершенно четкие, не допускающие сомнений и кривотолков высказывания:

«Экономисты обычно выводят деньги из внешних затруднений, на которые наталкивается расширившаяся меновая торговля, но при этом они забывают, что эти затруднения проистекают из развития меновой стоимости и поэтому общественного труда, как труда всеобщего... С другой стороны, они затем последовательно держатся мнения, что меновая торговля есть адекватная форма процесса обмена товаров, связанная только с некоторыми техническими неудобствами, для устранения которых деньги и служат хитро придуманным средством»¹).

Каутский, выводящий деньги «из внешних затруднений, на которые наталкивается меновая торговля», как раз и забыл (вернее не понял, так как не понял сущности двойственного характера труда и товара), что сами эти затруднения проистекают из развития противоречий товара и труда, поэтому в его представлении, как и в представлении экономистов, о которых пишет Маркс, деньги являются не более, чем «хитро придуманным средством» для устранения технических неудобств и затруднений, возникающих в процессе обмена.

Чрезвычайно интересно, что хотя в «Экономическом учении» Каутский еще стоит на той точке зрения, «что обращение товаров существенно отличается от непосредственного обмена продуктов или простой меновой торговли», однако в дальнейшем он в корне меняет свою позицию. Поэтому указание Маркса о том, что экономисты, выводящие деньги из внешних затруднений, неизбежно и последовательно приходят к отождествлению меновой торговли с процессом обмена товаров, целиком оправдывается в отношении Каутского.

В своих более поздних работах, относящихся к 1918—1920 гг., Каутский неизбежно пришел к этому отождествлению и таким образом последовательно продолжил свою линию, начатую им еще в «Экономическом учении». Так, он заявляет: «Маркс различает производство для удовлетворения собственных потребностей и товарное производство. Для него не имеет существенного значения, обмениваются ли товары непосредственно один на другой или же они продаются и покупаются на деньги (разрядка моя.—Т. Ч.). Последнее является лишь техническим (разрядка автора) облегчением того же процесса»²).

Из приведенных выше рассуждений Маркса совершенно ясно, что такая постановка вопроса является погашением в самом корне всех противоречий капитализма³). Ведь обмен товаров, как это говорил Ленин, есть простейшее

¹) Маркс, К критике политической экономии, стр. 72—73, изд. 1932 г., разрядка моя.—Т. Ч.

²) Каутский, Деньги в социалистическом обществе, цит. по сборнику «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма».

³) По вопросу о различии между простым непосредственным товарообменом и обменом посредством денег Энгельс в своем конспекте I тома «Капитала» пишет:

явление (клеточка буржуазного общества), «анализ вскрывает в этом простейшем явлении все противоречия (зародыш всех противоречий) современного общества» (Ленин). Развитие этих противоречий, идущее вместе с развитием капитализма, приводит в конце концов и к гибели капитализма.

Возникновение денег есть не что иное, как дальнейшее развитие и углубление противоречий, заложенных в товаре. «Исторический процесс расширения и углубления обмена, — пишет Маркс в I т. «Капитала», — разбивает дремлющее в товарной природе противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этому противоречию заставляет искать самостоятельной формы для воплощения товарной стоимости и не дает покоя до тех пор, пока задача эта не решается окончательно путем раздвоения на товар и деньги».

Такова разни́ца постановки вопроса у Маркса и у Каутского. Если для первого деньги есть результат развития противоречий, дремлющих в товаре, то для второго деньги просто есть техническое средство для облегчения обмена. Если Маркс в анализе денег вскрывает дальнейшее развитие противоречий товарно-капиталистического хозяйства, то Каутский в своем анализе замазывает развитие этих противоречий.

Чрезвычайно интересно между прочим в связи с теорией денег Каутского вспомнить, как и за что Маркс критиковал теорию денег Рикардо. Мы имеем здесь параллельную картину. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» говорит, что Рикардо не понял сущности денег потому, что он не понял сущности теории стоимости, двойственного характера товара и форм стоимости.

Рикардо следующим образом определяет сущность денег: «Продукты всегда покупаются на продукты или приобретаются за услуги; деньги являются только средством, с помощью которого совершается обмен». На это Маркс отвечает: «Но это ошибочное понимание денег основано у Рикардо на том, что он вообще имеет в виду лишь количественное определение меновой ценности (не то же ли самое мы имеем у Каутского! — Т. Ч.), именно, что она равна определенному количеству рабочего времени, но он забывает качественное определение, что индивидуальный труд должен путем своего отчуждения быть представлен в виде абстрактного, всеобщего, общественного труда... К тому, что Рикардо видит в деньгах только средство обращения, мы должны относиться так же, как к тому, что в меновой ценности он видит в деньгах лишь простую форму, вообще лишь формальное в буржуазном и капиталистическом производстве, поэтому это последнее представляет также для него не специфически определенный способ производства, а способ производства вообще»¹).

Удивительное совпадение. Рикардо рассматривал стоимость как чистое количество, то же мы имеем у Каутского, смазавшего различие между

«Обращение товаров. Последнее совершенно отлично от непосредственного обмена продуктов: с одной стороны, разрываются индивидуальные и местные границы непосредственного обмена продуктов и опосредствуется обмен веществ человеческого труда; с другой стороны, здесь уже обнаруживается, что весь процесс обусловлен общественными связями, имеющими характер связей природы и независимыми от действующих лиц. Простой обмен исчерпывался одним актом обмена, где каждый обменивает не потребительную стоимость на потребительную стоимость, обращение же продолжается бесконечно» (стр. 10). Вот какая огромная разница между постановкой вопроса у Энгельса и Маркса, с одной стороны, и у Каутского — с другой.

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, стр. 173—175.

стоимостью и меновой стоимостью. Это неверное понимание стоимости вытекает у Рикардо из непонимания сущности абстрактного труда, то же самое мы имеем и у Каутского. И в том и в другом случае это есть непонимание двойственного характера труда и товара. И тот и другой поэтому не поняли сущности форм стоимости, поэтому тот и другой представили деньги как нечто чисто техническое, ограниченное только функцией средств обращения. Все это показывает, что и тот и другой не поняли специфичности капиталистического способа производства¹⁾. Совершенно очевидно, что Каутский делает здесь шаг назад по сравнению с Рикардо, ибо он писал об этом после Маркса, который раз'яснил все это с необычайной четкостью.

* * *

Но цепочка пополняется все новыми звеньями.

Извратив сущность абстрактного труда, стоимости, форм стоимости и денег, Каутский конечно не мог дать правильного понимания капитала и прибавочной стоимости. По Марксу, капитал есть стоимость, приносящая прибавочную стоимость, или самовозрастающая стоимость, а прибавочная стоимость есть разность между вновь производимой рабочей стоимостью и стоимостью рабочей силы.

Капитал возникает и существует только в том случае, если имеется налицо свободный рабочий. Свободный в двойном отношении. Во-первых, свободный от средств производства или лишенный средств производства, во-вторых, свободный в смысле личной независимости. Единственным источником существования этих людей является продажа рабочей силы. Только эти наемные рабочие и являются создателями прибавочной стоимости; только их неоплаченный труд и является источником прибавочной стоимости. «Капитал же, — пишет Энгельс, — наоборот, возникает только при вышеупомянутом условии, и это одно условие включает в себе мировую историю». Что же это за условие, которое вызывает возникновение капитала? «Для превращения денег в капитал владелец денег должен... найти на товарном рынке свободного рабочего, свободного в двойном смысле: чтобы он, как свободный человек, располагал своей рабочей силой, как своим товаром, и чтобы, с другой стороны, у него не было для продажи других товаров: он должен быть свободным от всего, свободным от всяких... предметов, необходимых для реализации его рабочей силы» (конспект I т. «Капитала», стр. 23). Таким образом возникновение капитала и следовательно производство прибавочной стоимости присуще только капиталистическому способу производства. Поэтому для каждого грамотного марксиста должно быть ясно, что прибавочная стоимость есть категория, присущая только капиталистическому способу производства. Всякое распространение прибавочной стоимости на другие хозяйственные формы, в том числе и на простое товарное хозяйство, показывает попытку увековечивания капиталистических форм хозяйства и следовательно полное непонимание марксовой политической экономии. На другой точке зрения стоит в этом вопросе Каутский, извративший марксову теорию стоимости. Он конечно иначе понимает сущность прибавочной стоимости.

«При системе товарного производства, — пишет он в своем «Экономическом учении», — процесс производства есть в то же время и процесс

¹⁾ Нет поэтому ничего удивительного в том, что Каутский фактически стал на защиту теории денег Гильфердинга, у которого деньги тоже отнюдь не являются результатом развития противоречий товара. Для Гильфердинга противоречие товара не есть объективное противоречие капиталистического хозяйства, а есть только два «способа рассмотрения» категории товар. Исходя из такой установки, вполне понятно, почему Гильфердинг подменял деньги бумажными деньгами.

Подробно о каутскианской «критике» Гельфердинга см. З. Атлас, «К критике современного ревизионизма», «Проблемы экономики» № 2, 1930 г.

образования стоимости, безразлично, ведется ли он с помощью купленной или своей собственной рабочей силы; но продолжаясь далее известного предела, процесс образования стоимости оказывается также и творцом прибавочной стоимости и тем самым процессом возрастания стоимости» (стр. 74, разрядка Каутского. — Т. 4.).

Итак, независимо от того, работаете ли вы с помощью купленной или своей рабочей силы, вы можете, если продлите ваш труд далее известного предела, создавать прибавочную стоимость. Таким образом крестьянин или ремесленник, если они будут работать дольше того времени, которое необходимо для производства стоимости их рабочей силы, также будут производить прибавочную стоимость.

Да, так как раз и думает Каутский. Он продолжает:

«И крестьянин, обрабатывающий собственную землю, и ремесленник, работающий за свой собственный счет, могут работать сверх времени, необходимого для возмещения потребляемых ими средств к жизни. Следовательно и они могут производить прибавочную стоимость, и их труд может стать процессом возрастания стоимости»¹⁾.

Как видим, для Каутского процесс возрастания стоимости и процесс создания прибавочной стоимости являются процессом тождественным. Но ведь по существу это есть вопиющее извращение марксовой теории²⁾, ибо простые товаропроизводители крестьяне действительно могут увеличивать стоимость в процессе своего производства, но они отнюдь этим не создают прибавочной стоимости. Если стать на точку зрения Каутского, то неизбежно нужно сделать вывод, что средства производства простых товаропроизводителей есть капитал, а сами они — капиталисты, т. е. нужно признать, что простое товарное хозяйство от капиталистического ничем не отличается. Каутский дает следующее совершенно правильное определение капитала. «Капитал может быть понят только внутри этого движения. Это — стоимость, приносящая прибавочную стоимость» (стр. 54, разрядка автора. — Т. 4.), или в другом месте: «Мы видели, что капитал есть стоимость, приносящая прибавочную стоимость» (стр. 55). Но если крестьянин и ремесленник производят, как это утверждает Каутский, прибавочную стоимость, то их средства производства (стоимость) как раз и есть капитал, а сами они капиталисты. Мы имеем здесь капитализм без эксплуатации и полное смешение капиталистического способа производства с простым товарным хозяйством. И действительно, Каутский совершенно четко и ясно заявляет вслед за приведенными высказываниями, что если между ремесленным типом хозяйства и хозяйством капиталистическим и есть

¹⁾ Интересно, что Каутский еще в первой своей статье, направленной против Родбертуса (в №№ 8 и 9 в «Neue Zeit» за 1884 г.), стоял на той точке зрения, что прибавочная стоимость может создаваться также рабами и крепостными.

Энгельс в своем письме Каутскому от 26 июня 1884 г., разбирая эту статью, поучает его, что «прибавочная стоимость является лишь исключением при производстве посредством рабов и крепостных; нужно сказать — прибавочный продукт (разрядка Энгельса), который по большей части непосредственно потребляется, а не реализуется на рынке» (разрядка Энгельса) («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 211). Очевидно указания Энгельса не были усвоены Каутским, ибо, как видим, в 1886 г. в «Экономическом учении» Каутский повторяет ту же принципиальную ошибку, заменив только раба и крепостного крестьянином и ремесленником.

²⁾ Насколько большое значение придавал Энгельс правильному освещению вопроса прибавочной стоимости, видно из следующего: «И наконец он (Девиль-Т. Ч.), — пишет Энгельс в одном из своих писем к Каутскому, — дает полное изложение всего содержания («Капитала»), включая и то, что Маркс должен был внести ради полноты научного развития, хотя для понимания теории прибавочной стоимости и вытекающих из нее выводов это не требуется (а ведь для популярного изложения только и важны именно эта теория и выводы из нее)» («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 239).

какая-либо разница, то это разница только количественная, но отнюдь не качественная.

«Итак,—пишет он,—различие между капиталистическим и ремесленным способом производства прежде всего — только количественное, а не качественное (разрядка автора — Т. Ч.). Занимаю ли я в одном и том же помещении и в одно и то же время трех ткачей при трех ткацких станках или тридцать ткачей при таком же количестве станков,—это прежде всего, повидимому, будет иметь последствием ту разницу, что в последнем случае будет произведено в десять раз больше стоимости и прибавочной стоимости, чем в первом» (стр. 106). Здесь следовательно разница, между ремесленным типом хозяйства и хозяйством капиталистическим заключается только в том, что в хозяйстве ремесленника работает три лица, а в хозяйстве капиталиста работает тридцать человек, и поэтому в первом производится в десять раз меньше стоимости и прибавочной стоимости, чем во втором. Т. е. разница действительно чисто количественная, как будто перед нами предприятия двух капиталистов разного размера.

Как видим, Каутский последователен в своих извращениях марксовой теории. Признав, что прибавочная стоимость производится не только в капиталистическом хозяйстве, но также в хозяйстве крестьянском и ремесленном, он также не мог не притти к отождествлению капиталистического хозяйства с докапиталистическими формами хозяйства и даже с товарными формами хозяйства¹⁾. Этим он фактически увековечивает капиталистический способ производства, представляя его в конце концов как хозяйство без эксплуатации.

Но это еще не все. Коренная ревизия марксова экономического учения базируется у Каутского на защите меновой концепции.

Товарно-капиталистическое хозяйство по существу своему является диалектически противоречивым. Противоречия товара и труда являются той основой, на базе которой развиваются основные противоречия капитализма. Обращение есть не что иное, как форма движения этих заложенных в товаре противоречий. В обращении идет, если можно так выразиться, реализация противоречия товара, обнаружение его двойственного характера — потребительной стоимости и стоимости.

Таким образом стоимость, возникающая вследствие наличия определенных (товарно-капиталистических) производственных отношений, составляет основу, сущность противоречий капитализма, противоречий, заложенных в самих производственных отношениях капитализма. Стоимость есть закон движения этих производственных отношений.

Совсем иначе представляет дело Каутскому. Никогда не понимая сущности материалистической диалектики, диалектического метода, никогда (как это мы уже видели выше) он не понимал и диалектически противоречивого характера сущности товарного хозяйства.

Совершенно не понял Каутский и того, какова форма движения этих

¹⁾ Ленин ясно указывает на то, что ремесленная форма хозяйства еще не выходит за рамки натурального хозяйства. «В этой форме промышленности (ремесленной.—Т. Ч.),—пишет Ленин в своем «Развитии капитализма в России»,—нет еще товарного производства; здесь проявляется лишь товарное обращение в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырье, материалы и орудия производства. Продукт труда ремесленника не появляется на рынке, почти не выходя из области натурального хозяйства крестьянина. Естественно поэтому, что ремесло характеризуется такой же рутинностью, раздробленностью и узостью, как и мелкое патриархальное земледелие» (т. III, стр. 256). Таким образом выходит, по Каутскому, что прибавочная стоимость — категория, присущая также и натуральному хозяйству, ибо, как Ленин это ясно устанавливает, ремесленное хозяйство почти не выходит из области натурального хозяйства.

противоречий. Этот вопрос для него даже и стоять не мог. Каутский наблюдает на поверхности явлений обмен, но дать объяснение происхождению его, поставить его на свое место в ряду всех явлений капиталистического общества, объяснить связи и взаимодействия его со всеми другими явлениями он не может. Поэтому он считает обмен чем-то самостоятельным, самодовлеющим, превалирующим. Поверхность явления принята им за сущность. Отсюда совершенно понятно, почему Каутский считает стоимость не законом движения капиталистического производства, а законом обмена. Примат производства аннулируется, торжествует примат обмена или, иными словами, меновая концепция.

Так в «Экономическом учении» он заявляет:

«Явление товарообмена, из которого развивается затем купля и продажа, есть основное явление, которое поддерживает в движении весь хозяйственный механизм современного общества. Поэтому всякое объяснение этого механизма должно исходить из закона, управляющего товарообменом, а это как раз и есть закон стоимости» (стр. 263 — 264).

«Современный способ производства, — пишет Каутский в своем «Антибернштейне», — это товарное производство. Его продукты предназначены не для непосредственного потребления, а для продажи. Продажа и покупка — вот основные процессы современной экономической системы. Желая понять ее, должен прежде всего познать законы, управляющие куплей и продажей».

«Каковы бы ни были эти дальнейшие цели, цель, намеченная теорией стоимости, остается той же: открыть основной закон, регулирующий процесс обмена или купли-продажи («Антибернштейн», стр. 41, 43). Закон стоимости таким образом, по Каутскому, есть закон, управляющий товарооборотом, регулирующий процесс обмена или купли-продажи. Продажа и покупка, обмен признаны основными процессами современной (капиталистической) экономической системы.

Налицо чистейшей воды меновая концепция.

Эклектизм Каутского основан на непонимании им материалистической диалектики, диалектического метода вообще, его меновая концепция вытекает из непонимания им диалектического противоречивого характера сущности товарного хозяйства в частности. Именно отсюда вырастают все извращения марксовой экономической системы, которые мы находим в его «Экономическом учении».

Из этой же меновой концепции растут корни теории организованного капитализма, ультраимпериализма и других, являющиеся официальными теориями II интернационала.

* * *

На этом однако дело не кончается. В своем изложении теории были Каутский продолжает свою линию извращения марксовой теории. Так, в главе «Прибавочная стоимость и прибыль» он пишет:

«Практика — продавца или покупателя — интересуется цена товара и, сообразно с этим, только законы цен, потому что их знание может помочь его коммерческим расчетам и спекуляциям. Лежащие в основании цен законы стоимости интересуют, напротив, только теоретика, для которого вопрос сводится не к тому, чтобы подешевле купить и подороже продать, а чтобы исследовать общественные связи, устанавливаемые товарным производством» (стр. 81). Итак, закон стоимости, без которого совершенно невозможно понимание всей механики капиталистического производства, оказывается интересует только теоретика в противовес практику — купцу, который интересуется только ценами. Как будто больше в этой области нет заинтересованных. А вот интересуется ли рабочих закон стоимости? Интересует ли этот

закон революционное движение в целом? По Каутскому, очевидно нет. Но для марксистов должно быть очевидным, что не только просто интересует, но и больше того, рабочий класс в целом кровно заинтересован в правильном понимании и трактовке закона стоимости, ибо без правильного понимания его невозможно правильное понимание путей гибели капитализма. Следовательно такое причисление марксовской теории к рангу академических теорий, написанных для теоретиков и их занятий, есть не что иное, как выхолащивание революционного содержания марксовской теории¹⁾.

Но Каутского это не смущает. «Прибыль, — продолжает он, — имеет источником прибавочную стоимость, но она не есть прибавочная стоимость»²⁾.

Такое утверждение по меньшей мере странно. Как это так — прибыль имеет источником прибавочную стоимость, но в то же время прибыль не есть прибавочная стоимость? Прибыль как раз есть не что иное, как прибавочная стоимость, но это есть превращенная форма прибавочной стоимости. Причем это такая превращенная форма, которая затушевывает, смазывает, прикрывает истинный ее источник и создает внешнее впечатление, что не прибавочная стоимость, т. е. не эксплуатация рабочих, есть источник прибыли, а что капитал в целом будто есть источник прибыли. Поэтому для пролетариата в целом, как и для каждого отдельного пролетария, является чрезвычайно важным выяснить сущность категории «прибыль» и содрать тот внешний покров, который создается этой категорией на поверхности капиталистического хозяйства, а именно — показать, что под этой внешностью скрывается эксплуатация. Но и здесь Каутский держится другой точки зрения. По мнению Каутского, теория прибыли затемняет эксплуататорский характер капиталистического хозяйства, поэтому она не должна интересовать рабочих.

«Однако, — пишет он, — как бы ни были важны все эти соотношения, нас интересует здесь прежде всего отношение между капиталом и рабочим, притом не между отдельным капиталистом и отдельным рабочим, но между классом капиталистов и классом рабочих. А для этого отношения не имеет значения теория прибыли, — она скорее способна затемнить его, так как ставит величину прибыли в зависимость от ряда обстоятельств, которые не имеют ничего общего с отношением между капиталом и трудом» (стр. 271).

Итак, для выяснения отношений между классом рабочих и классом капиталистов теория прибыли, по мнению Каутского, не имеет значения. Даже наоборот, она скорее способна затемнить эти отношения.

В чем состоит революционная сущность марксовской теории прибыли? В чем ее классовое значение? В том, прежде всего, что она срывает тот внешний покров, который имеется на поверхности капиталистического хозяйства и который застилает глаза и классовое самосознание рабочего

¹⁾ Интересно отметить, что в 25-м издании Каутский выбросил это место и вообще весь раздел «Прибавочная стоимость и прибыль» перенес во вновь написанные главы. Объясняется это тем, что все эти рассуждения мешали ему провести внешнюю маскировку под марксизм, что он пытается проделать в этих новых главах.

²⁾ У Маркса в III т. «Капитала» мы между прочим находим следующее, совершенно противоречащее этому утверждению место: «Следовательно прибыль, как мы здесь имеем ее сначала перед собой, есть то же самое, что и прибавочная стоимость, но только в затемненной форме, которая однако необходимо возникает из капиталистического способа производства» (т. III, стр. 11). Маркс говорит здесь о прибыли, «как мы здесь имеем ее сначала», ибо потом он показывает, как прибавочная стоимость распадается на предпринимательский доход, торговую прибыль, ренту и проценты. Однако принципиально Маркс подчеркивает, что прибыль есть прибавочная стоимость, но только в затемненной форме, в то время как Каутский отрицает это.

класса. В том, что каждому рабочему она с предельной ясностью показывает эксплуататорскую сущность капиталистического хозяйства. Если сама по себе категория прибыли действительно затемняет сущность отношений между классом капиталистов и классом рабочих, то марксова теория прибыли как раз вскрывает, оголяет сущность этих отношений. Поэтому теория прибыли не только имеет значение, но и абсолютно необходима для борьбы рабочего класса. Классовая революционная сущность теории прибыли осталась для Каутского тайной за семью печатями. По его мнению, не прибыль, а теория прибыли затемняет эксплуататорскую сущность отношений между классом рабочих и классом капиталистов. На самом деле же все обстоит наоборот, прибыль затемняет эти отношения, марксова же теория прибыли как раз срывает эту внешнюю завесу, создаваемую прибылью на поверхности капиталистического общества, и выясняет, показывает истинную сущность этих отношений. Поэтому так необходима эта теория для пролетариата. Для Каутского же сущность теории прибыли совсем ином. Самым важным для него является то, что теория прибыли есть теория распределения добычи.

«Для понимания общественных отношений,— пишет он,— теория прибыли имеет величайшее значение. Однако мы здесь все-таки не можем больше ею заниматься, так как мы должны вернуться к теории прибавочной стоимости.

Теория прибыли есть теория распределения добычи — прибавочной стоимости между различными слоями господствующих классов» (стр. 95, разрядка моя. — Т. 4).

Бросив несколько красивых фраз о важнейшем значении теории прибыли для понимания общественных отношений, Каутский ничего не сделал для того, чтобы это реально показать. Вместо боевой революционной теории, какую мы имеем у Маркса, он преподнес нам выхолощенную жвачку с упором на распределение.

* * *

В старых изданиях своего «Экономического учения» Каутский дал две заключительные главы: «Заря капиталистического производства» и «Гибель капиталистического производства».

Сейчас, в новом издании 1930 г., между этими двумя главами Каутский поместил свой новый раздел, о котором мы выше упоминали, причем в заключительной главе «Гибель капиталистического производства» ему не пришлось изменить ни одного слова, ни одного вывода, написанного им в 1886 г. На протяжении всей главы «Конец капиталистического способа производства» мы не найдем ни одного слова о том, что капитализм должен погибнуть под ударами рабочего класса в результате пролетарской революции, и о том, что на смену капиталистическому способу производства должна прийти диктатура пролетариата.

Перечислив противоречия между рабочим классом и капиталистами, Каутский заявляет:

«Все эти противоречия с естественной необходимостью сами по себе вызывают конфликты между классом капиталистов и классом рабочих. Конфликты, которые пробуждают классовое самосознание рабочих, толкают их к политической деятельности и порождают во всех капиталистических странах рабочие партии...» «Так все толкает к разрешению противоречия, воплощенного в капиталистическом способе производства,— противоречия между общественным характером труда и унаследованной формой присвоения средств производства и продуктов» (стр. 295).

«Только два пути представляются возможными для разрешения этого противоречия. Оба они имеют целью согласовать между собой способ производства и способ присвоения. Один путь ведет к уничтожению обществен-

ного характера труда, к возврату к простому товарному производству, к замене крупного производства ремеслом и мелким крестьянским хозяйством. Другой путь стремится приспособить не производство к способу присвоения, а способ присвоения к производству. Он приводит к общественной собственности на средства производства и продукты» (стр. 295—296, разрядка моя.— Т. 4.).

Итак, растут конфликты между рабочим классом и капиталистами, пробуждается классовое самосознание рабочих; все это приводит к образованию политических рабочих партий. Но что должны делать эти рабочие партии, каковы их задачи? Об этом Каутский ни слова не сказал, как и вообще тогда, в 1886 г., ни слова не сказал о политической борьбе пролетариата, приводящей неизбежно к пролетарской революции. По его мнению (сформировавшемуся в 1886 г.), задача пролетариата заключается в приспособлении способа присвоения к способу производства. Но ведь для каждого марксиста очевидно, что такая установка есть основа для теории о мирном вращении капитализма в социализм, являющейся сейчас официальной теорией социал-фашизма. Мы знаем, что задачей пролетариата является не приспособление способа присвоения к способу производства, а уничтожение капиталистического способа производства насильственным путем и установление нового способа производства, а следовательно и присвоения — общественного присвоения.

Но Каутский настойчиво проводит свою мысль.

«Мы признаем также,— заявляет он,— что единственный путь, который еще остается для дальнейшего развития общества,— это приспособление форм присвоения к способу производства» (стр. 298, разрядка моя.— Т. 4.).

Но ведь для приспособления не требуется восстаний, революций, установления пролетарской диктатуры. Каутский действительно ни слова и не говорит обо всех этих вещах в своей книжке, написанной в 1886 г. И случайно Каутский и теперь в качестве последней главы своего экономического учебника помещает «Гибель капитализма», написанную много десятков лет тому назад, не изменив в ней ни одной строчки. Ее выводы есть тот плацдарм, на основе которого были развиты нынешние теории организованного капитализма и мирного вращения капитализма в социализм.

Ленинские замечания, приведенные нами вначале по поводу различных работ Каутского, целиком распространяются и характеризуют также и «Экономическое учение». Здесь так же, как и в «Эрфуртской программе», и в «Антибернштейне», и в «Социальной революции», и др., смазаны вопросы политической революции, диктатуры пролетариата, разбития государственной машины и др. И здесь также налицо эклектизм, характерный для всех периодов развития Каутского.

Итак, линия, проводимая Каутским, следующая:

1) Извращен двойственный характер труда, абстрактный труд подан как надисторическая физиологическая категория. Отсюда:

а) Извращение двойственного характера товара, стоимость отождествлена с формой ее проявления — меновой стоимостью, и натурализована. Потребительская стоимость товара представлена категорией надисторической.

б) Извращение противоречий труда и товара неизбежно привело к извращениям в формах стоимости. Каутский начисто выбросил относительную и эквивалентную форму стоимости, выбросил развитие противоречий капитализма.

в) Совершенно естественно, что все это привело к извращению теории денег, ибо сущность последних невозможно понять без анализа форм стоимости. Каутский действительно извратил теорию денег, представив последние не как результат развития внутреннего противоречия товара, а как резуль-

тат чисто технических трудностей и неудобств, возникших в процессе обмена, не поняв, что самые трудности в обмене есть результат развития противоречий товара.

2) Исходя из этого, Каутский извратил понимание капитала и прибавочной стоимости, представив последнюю не как специфическую категорию капиталистического хозяйства, а как категорию, присущую также и докапиталистическим формациям, что привело его к полному отождествлению простого товарного (и даже еще более ранних форм — ремесленного) и капиталистического хозяйства.

3) Исходя из неверного понимания прибавочной стоимости и смешения капиталистического хозяйства с простым товарным, Каутский сделал совершенно неверные, извращающие Маркса выводы и заключения в вопросе о прибыли. Он выхолостил революционную сущность этой теории, представив ее как теорию, затемняющую сущность эксплуатации.

4) Исходя из своей совершенно извращенной установки по вопросу о стоимости, исходя из извращенного понимания двойственного характера труда и товара, выхолостив противоречивую сущность товарного хозяйства, он пришел, и не мог не прийти, к заключению, что стоимость есть закон, управляющий товарооборотом, что является не чем иным, как признанием меновой концепции, примата обращения над производством.

В итоге эти извращения, взятые вместе, привели его к выводам, смазывающим основные задачи пролетариата в его борьбе с капиталом и демобилизующим его в этой борьбе. Революционные задачи пролетариата оказались подмененными задачами реформистскими.

* * *

Остановимся еще на новых разделах, написанных Карлом Каутским совместно с его сыном Бенедиктом, который «вот уже 10 лет работает в теснейшем духовном общении» с папашей.

Внешне они носят характер якобы защиты марксовой теории. Уделяется как будто достаточно внимания классовым антагонизмам и эксплуатации рабочего класса, часто упоминается о том, что рабочий класс является производителем прибавочной стоимости.

Так например, говоря о делении капитала на основной и оборотный, Каутский отмечает, что здесь вуалируется истинный источник прибавочной стоимости: «противоположность между рабочим и капиталистом исчезает, кажется, будто и прибавочная стоимость возникает уже не в производстве, а в обращении, — одним словом, основные положения экономики выбрасываются за борт».

В разделе «Производство и распределение» Каутский «критикует» вульгарную политекономию. Причем он — Каутский — выступает в роли «марксиста».

«Главное (в задачах вульгарных экономистов) состоит в том, чтобы скрыть источник прибавочной стоимости и тем самым доказать, что не существует классовых антагонизмов. Вместе с тем таким путем отношение капитала изображается в виде данного самой природой и поэтому — вечного» (стр. 289—290).

Таким образом мы имеем здесь со стороны социал-фашиста Каутского, защищающего мирное вращение капитализма в социализм и необходимость для рабочего класса поддержки капиталистического «процесса производства в целом» и всей общественной жизни вообще, довольно тонкую внешнюю маскировку под марксизм.

Возьмем важнейший по своей принципиальной значимости раздел — кризисы.

Известно, что в вопросе о кризисах Каутский в прежних работах выявил свою эклектичность, как нигде в другом месте. Беспринципное соеди-

нение марксовой теории реализации с теорией недопотребления, теории недопотребления с теорией диспропорционального развития Гильфердинга и, наконец, этой последней с чисто природными противоречиями привело Каутского еще тогда к выводам о якобы неизбежном ослаблении кризисов. Правда, тогда Каутский пытался еще прикрыть это свое положение, утверждая, что ослабление кризисов получается якобы только для капитала, а для рабочих будто, наоборот, кризисы усиливаются. Это смешное и безграмотное утверждение должно было служить фиговым листком, прикрывающим истинный смысл его защиты теории бескризисного развития. Сейчас Каутский отбросил эти фиговые листки как ненужную мишуру и полным голосом зовет рабочий класс на защиту и поддержку капитализма.

Из нового раздела, посвященного кризисам в новом издании «Экономического учения», мы узнаем, что равновесие является основным законом развития капитализма, а временные от него отклонения иногда превращаются в кризисы. «По временам,— пишет Каутский,— более выраженные отклонения от пропорциональности могут оказывать столь сильное влияние, что возникает кризис вместе с застоєм в области сбыта и производства» (стр. 250). Во время же кризиса происходит уничтожение произведенных товаров и снова наступает равновесие.

«Вследствие уничтожения стоимости, происходящего во время кризисов, восстанавливается равновесие» (стр. 252). Итак рабочий, изучающий марксово учение в «популярном» издании Каутского, узнает, что равновесие, иными словами, организованность есть закон движения капитализма. И только иногда (по временам) при более выраженных отклонениях от пропорциональности наступает кризис, который потом снова уступает место равновесию.

Эту мысль Каутский жует без конца, подчеркивая все время, «что Маркс причинной регулярного повторения кризисов считает сдвиги соотношений между обоими подразделениями производства» (стр. 251).

К этому Каутский добавляет еще одну причину кризисов, которая «наверное имеет тесную связь с циклом кризисов». Это—различие в темпах развития и накопления в промышленности и в сельском хозяйстве. Дело в том, что в сельском хозяйстве, по Каутскому, технический прогресс, развитие техники, идет медленнее, чем в промышленности, и если сельское хозяйство находится под сильным влиянием традиции, может медленно увеличивать выпуск продукции, то для тяжелой индустрии, химической индустрии и т. д. требуется небольшой срок для постройки предприятий, после чего они выбрасывают огромные массы продуктов на рынок.

«Ясно, что при этом должны возникнуть искривления и трения, которые в конце концов выливаются в кризис» (стр. 251).

Вот те причины, которые, по мнению Каутского, порождают кризисы. Для нас все это не ново. Известно, что Каутский, являющийся защитником теории организованного капитализма и ультраимпериализма, давно уже открыто стал на позиции не только неизбежного ослабления, но и просто устранения кризисов. По его мнению, нет таких противоречий капитализма, которые привели бы его к неизбежному краху. Наоборот, капитализм имеет, по Каутскому, все необходимые предпосылки для мирного, безболезненного врасстания в социализм. Противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения не приводит к разрыву, происходит постепенное приспособление способа присвоения к способу производства, обнищание пролетариата уничтожается, и на смену ему приходит постепенное улучшение положения рабочего класса.

«При том же самом рабочем дне и при той же самой реальной заработной плате уменьшается та часть рабочего дня, в течение которой рабочий работает на себя, и удлиняется та часть рабочего дня, в течение которой

рабочий работает на капиталиста. Впервые на протяжении человеческой истории открывается возможность увеличения эксплуатации без удлинения рабочего дня и без ухудшения в жизненных условиях рабочего. Со всем этим ходом мыслей хорошо знаком разумеется каждый, кто читал «Капитал» Маркса. Я повторяю здесь все эти мысли потому, что может быть не все читали эту книгу и знакомы с «Капиталом» (М. п. ист. 377).

Следовательно, несмотря на то, что доля рабочего класса в совокупном продукте падает и часть рабочего дня, которую он работает на себя, уменьшается, все же в абсолютном выражении вследствие большого роста техники, а следовательно и подъема производительности труда рабочий получает гораздо больше продукта; следовательно его реальная зарплата непрерывно увеличивается.

«Его доля в совокупном продукте может падать, масса же самого продукта может расти еще быстрее, а тем самым и масса продуктов, которые составляют его долю» (стр. 378). Все это говорит о том, что капитализм не падает под ударами варваров, как прежние формации. Наоборот, капитализм без конца будет совершенствоваться. «Только теперь делается возможным существование такой государственной системы, которая не гибнет в обстановке стагнации и нищеты, чтобы в конце концов пасть под ударами превосходных сил разбойничьих варваров, но которая несет на себе возможности постоянного совершенствования» (М. П. И. 378). Конечно все это связывается очень хорошо и с теорией кризисов. Раз положение рабочего класса все улучшается, тем меньше оснований для диспропорциональности и нарушения равновесия, тем меньше оснований для кризисов.

Так оно и есть — по Каутскому. Кризисы уменьшаются и наконец совсем уничтожаются под влиянием сознательной политики пролетариата, а также и потому, что капиталисты могут расширить свое как личное, так и производительное потребление, и этим они покроют тот излишек, который останется вследствие недопотребления рабочих.

«Поэтому мы не можем рассчитывать на крушение (взрыв) капитализма изнутри вследствие перенакопления. Только сознательная организация рабочего класса, политическая и профсоюзная классовая борьба может устранить капитализм и установить вместо него социализм» («Экономическое учение», стр. 252).

Нужно ли нам после всего этого говорить о противоречии между сельским хозяйством и промышленностью, нужно ли говорить о том, что Каутский лжет подло, приписывая первому тому «Капитала» Маркса мысль, будто положение рабочего класса при капитализме не ухудшается, а улучшается! Нужно ли серьезно возражать и противопоставлять всей этой пошлятине, этой чистой 100-процентной апологетике теории кризисов Маркса! Нам важно только установить здесь связь между Каутским 1886 г. и Каутским социал-фашистом. Начав сначала с утверждения о необходимости приспособления способа присвоения к способу производства (незаметно выбросив неизбежность пролетарской революции), он пришел к утверждению об улучшении положения рабочего класса при капитализме, к доказательству бесконечной прогрессивности капитализма и к отрицанию его гибели. Все это без сомнения уходит своими корнями в искажение марксовской теории стоимости, денег, прибавочной стоимости, и т. д., о которых мы говорили выше. Уже там фактически Каутский проделал значительную работу в деле выхлещивания революционной сущности марксовской теории кризисов.

* * *

По вопросу об империализме мы находим в новых главах «Экономического учения» ту же пошлятину, за которую Ленин так жестоко бил Каутского еще в 1914 г. Империализм, по Каутскому, это политика захвата коло-

чий как источников рынка, на которых можно продавать товары по повышенным ценам и следовательно получать сверхприбыли. «Здесь мы встречаемся с чрезвычайным интересом, проявленным передовыми капиталистическими странами к колониальной политике уже после того, как закончился простой прабег и упразднено рабство. На этот путь, на путь так называемого империализма их толкает не необходимая забота о расширении сбыта товаров,—этого они могли бы добиться, как показывает пример САСШ, пораздо успешнее путем повышения жизненного уровня рабочего класса в собственной стране,—а, скорее, стремление к повышенной норме прибыли» (стр. 274—275).

Империализм следовательно есть колониальная политика, ведущаяся для получения более высокой нормы прибыли. Причем Каутский делает здесь описку, специально относящуюся к слову империализм, следующего характера.

«Читатель заметит, что мы ограничиваем употребление этого выражения (империализм.— Т. Ч.) рамками современного метода колониальной политики, но не прилагаем его ко всякой экспансии или вообще милитаристской политике, как это часто делается. Мы поступаем намеренно, ибо иначе это выражение утрачивает свой специфический смысл» (стр. 275). Ленин в своем «Империализме» дал блестящую критику всем этим апологетическим писаниям. Он показал, что такой постановкой вопроса смазывается империалистический этап в развитии капитализма, являющийся совершенно неизбежным и последним этапом его жизни,—этапом загнивания и умирания капиталистической системы. Для Каутского, стоящего на той точке зрения, что капитализм не может быть взорван изнутри, конечно невозможно признать все эти ленинские установки. Он борется с ними, ибо борется за еще очень долгое существование капитализма. Для того ему и необходимо представить империализм как политику, которую буржуазия ведет, когда выгодно ей, и отменяет, когда ей она становится невыгодной. Из такой установки конечно можно сделать для капитализма самые радужные выводы. Приходя определяющие империализма, данное Каутским и совпадающее в основном с тем, что мы находим в новых главах «Экономического учения», о том, что империализм есть политика захвата аграрных колониальных стран, Ленин пишет: «Суть дела в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики, толкуя об аннексиях как о «предпочитаемой» финансовым капиталом политике и противопоставляя ей другую возможную, будто бы, буржуазную политику на той же базе финансового капитала. Выходит, что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике. Выходит, что территориальный раздел земли, завершонный как раз в эпоху финансового капитала и составляющий основу своеобразия теперешних форм соревнования между крупнейшими капиталистическими государствами, совместим с неимпериалистской политикой. Получается затушевывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма».

Такова оценка, которую Ленин дал каутскианской теории империализма, оценка, к которой нечего добавить, ибо она на 100 процентов применима и к тому, что продолжает сейчас писать Каутский. Интересно еще отметить, что, по мнению Каутского, капитализм мог бы легко увеличить внутри страны сбыт товаров, если бы, по примеру САСШ, пошел по пути повышения жизненного уровня рабочего класса. Это писано в 1930 г., когда кризис раз'едал уже американское хозяйство, когда сотни тысяч и миллионы безработных уже голодали, а банкротства и крахи охватывали одно предприятие за другим. Но Каутскому для оправдания своих теорий очевидно разрешается прибегать ко всяким, вплоть до жульнических, приемам.

В главе «Земельная рента» Каутский делает попытку опорочить марксову теорию абсолютной ренты, и это понятно: этот вопрос как раз является вопросом, в который упирается проблема национализации земли. А Каутский вообще против национализации. Он за национализацию в исключительных случаях, но только при определенном и неременном условии — обязательства выдачи выкупа владельцу, у которого отбирается частная собственность.

«Когда Ленин, — пишет Каутский в 1917 г., — дал лозунг: «грабь награбленное» и этот лозунг проводился в жизнь, то это доказывает лишь, в какой степени от городов России пахнет еще Востоком» («Материалистическое понимание истории», стр. 432).

Каутский совсем иного мнения о национализации:

«Наоборот, нельзя просто экспроприировать индустриальный капитал, не причиняя экономического ущерба обществу и самим рабочим. Нельзя одним ударом превратить сразу все капиталистические предприятия в социалистические.

Национализация предприятий возможна в редких случаях, однако «предполагая при этом, что экспроприируемые капиталисты получат достаточное возмещение. Если такое возмещение не будет дано, это будет несправедливостью по сравнению с другими капиталистами, предприятия которых еще не социализированы, а в то же время это будет экономически неблагоприятно».

Таким образом ясно и определено: Каутский — за справедливость. Не обижайте капиталистов, платите им за их предприятия, иначе скверно будет для социализма. Совершенно ясно, что такие позиции в вопросе о национализации создают также и определенно отрицательное отношение к национализации земли. Но ведь абсолютная рента, ее существование и рост, как раз в первую очередь и выдвигает вопрос о национализации земли даже при капитализме. Капиталисты принципиально и сами готовы бы провести национализацию, но у них этого не выходит, так как они, по выражению Маркса, тоже основательно территориализованы. Каутский делает вид, что хотя никто не доказал, что абсолютная земельная рента не существует, но в то же время никто, в том числе и Маркс, не доказал, что она существует. Каутский рассуждает так: «Маркс, мол, сделал предположение, что в сельском хозяйстве органический состав капитала ниже, чем в промышленности, и поэтому стоимость там выше, чем цена производства. Но земельные собственники не дают возможности этой разнице принимать участие в уравнении прибыли, и поэтому она попадает в руки землевладельца в виде абсолютной земельной ренты.

«Однако не сделано было попыток выяснить, правильна ли была предпосылка — низкое органическое строение капитала в земледелии — для эпохи Маркса, оправдывается ли она в наше время, а потому осуществилась ли на деле эта теоретическая возможность» (стр. 287).

Таким образом Каутский не сказал прямо, что теория абсолютной земельной ренты Маркса неверна. Уничтожение этой теории проведено другим путем. Раз никто, в том числе и Маркс, не доказал и даже не сделал попыток к доказательству правильности положения, что органический состав капитала в сельском хозяйстве ниже, чем в промышленности, тогда абсолютная рента превращается в бесплодную гипотезу, не имеющую никакого отношения к действительной жизни и в частности ко взаимоотношениям капиталистов и землевладельцев, к прогрессу сельского хозяйства, к вопросу национализации и т. д. Она превращена в мертвую фикцию. Правда, справедливость требует того, чтобы было отмечено, что Каутский действует и рассуждает.

принимает и отвергает в зависимости от потребности момента. Так например в данном конкретном случае ему нужно уничтожить марксову теорию абсолютной земельной ренты. Поэтому выгодно признать, что никто не доказал, да и не доказывал, что капитал в сельском хозяйстве по своему органическому составу ниже, чем в промышленности. Но немного выше, рассуждая о кризисах, когда, с одной стороны, нужно было найти противоречия, объясняющие кризисы, а с другой, — чтобы противоречия эти были безобидными с точки зрения капитализма, т. е. очищение от социальных классовых моментов, Каутский признавал вещи прямо противоположного характера. Так им признавалось абсолютно правильным и принималось за аксиому, что сельское хозяйство развивается медленнее промышленности. «Величайшая трудность, — пишет он, — заключается теперь однако в том, что органическое строение капитала в обоих подразделениях постоянно меняется вместе с продолжающимся развитием производительных сил. Надо помнить, что большую часть II подразделения составляет сельское хозяйство, в котором технический прогресс до сих пор был замедлен по сравнению с промышленностью, в особенности с отраслями, изготовляющими орудия производства. Отсюда вытекают сдвиги в условиях сбыта, а также в условиях накопления, сдвиги, которые через известное время должны привести к кризисам, если противоположные силы не окажут воздействия» (стр. 250). Итак, развитие сельского хозяйства, его технический прогресс, был замедлен по сравнению с промышленным прогрессом, вследствие чего, по Каутскому, возникают кризисы. Но что означает отставание технического прогресса? Прежде всего пониженный оргсостав капитала. Но раз это так, раз это признано Каутским, то им следовательно признано доказанным существование источника абсолютной земельной ренты. Но ведь, как мы это видели чуть выше, Каутский утверждал, что никто, вплоть до Маркса, не доказал и не доказывал, что в сельском хозяйстве оргсостав капитала ниже, чем в индустрии. Каутский действует в зависимости от того, как выгодней. И в зависимости от того, что нужно доказать, использует в разных случаях буквально противоречащие друг другу положения.

В общем — чему хочешь, тому и верь, что хочешь, то и выбирай. Таков метод теоретических исследований приказчика капитализма, его цепного пса, лающего во всю глотку для того, чтобы заглушить раскаты поднимающегося революционного рабочего движения и его удары по гниющему капитализму.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ СЕССИИ ИН-ТА ФИЛОСОФИИ КОМАКАДЕМИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала «ПЗМ» и Институт философии Комакадемии помещают в настоящем номере журнала выступления тт. Сарабьянова, Деборина, Подволоцкого на научной сессии Ин-та философии, состоявшейся в апреле сего года. Выступления этих руководящих представителей как механистической, так и меньшевистствующе-идеалистической ревизии марксистской философии, в особенности выступление т. Сарабьянова, с развернутой критикой своих прежних ошибочных концепций, с указанием на необходимость полного и окончательного разоружения, свидетельствуют об огромных успехах теоретической борьбы нашей партии под непосредственным руководством вождя партии и международной коммунистической революции т. Сталина за чистоту марксистско-ленинского учения, за партийность нашего боевого теоретического оружия — материалистической диалектики.

Бедя развернутое наступление социализма по всему фронту, наша партия за последние годы разгромила на идеологическом участке целый ряд контрреволюционных, вредительских, буржуазных, меньшевистских и меньшевистствующих, механистических и идеалистических теорий, направленных как открыто, так и в крайне завуалированной форме против марксистско-ленинского учения. Вспомним контрреволюционные меньшевистские теории рубинщины в политэкономии, воронцину и струвистско-переверзианские теории в литературоведении, вредительские теории в области сельского хозяйства, аграрного вопроса и т. п.

Переходя к положению на философском фронте, надо отметить, что потребовалось два с лишним года после исторического постановления ЦК нашей партии о журнале «ПЗМ» от 25 января 1931 г., чтобы вожди механистов и меньшевистствующих идеалистов выступили наконец с развернутой критикой своих ошибочных позиций, с призывом, как это сделал т. Сарабьянов, что «пора кончать». Тем более «странным» является поведение других представителей механицизма (Тимирязев, Варьяш, Перов) и меньшевистствующего идеализма (Левит и др.), членов партии, продолжающих упорствовать в своих вредных ошибочных теоретических позициях, до настоящего времени не желающих «понять» решение ЦК нашей партии, или же товарищей, ограничившихся только формальными заявлениями о своих ошибках (Агол, Гессен и др.).

Тов. Сарабьянов на научной сессии обратился со всесоюзной трибуны к Тимирязеву и Варьяшу со следующим призывом: «Я считаю совершенно необходимым со своей стороны как человек, который принимал активнейшее участие в работе группы механистической ревизии, как тт. Тимирязев и Варьяш, ...я считаю своим долгом обратиться с этой кафедры к этим товарищам с призывом: пора кончать!»...

«Когда тт. Варьяш и Тимирязев говорят о том, что постановление ЦК партии их не касается, что их фамилии не обозначены в этом постановлении, я и устно высказывал возмущение и здесь публично должен высказать возмущение. Не можем же мы подходить с точки зрения плохого адвоката».

Тимирязев, Варьяш, Перов, Чукичев и др. немало написали в свое время работ, статей, в которых подвергали механистической ревизии марксистскую философию. У т. Варьяша имеется ряд статей и книг, например «Диалектика у Ленина», «Диалектика и логика» и т. д., в которых ревизуются основы ленинизма и дается насквозь формально — логическая трактовка проблем диалектики. Так же дело обстоит у тт. Тимирязева, Перова и др.

Между тем эти товарищи упорствуют в своих ошибочных теоретических позициях, не по-большевистски относятся к важнейшему партийному решению, не считают нужным подвергнуть пересмотру свои ошибочные позиции, не хотят понять того, что, упорствуя в своих ошибках, они помимо своей воли и желания играют тем самым на руку классовому врагу и его идеологической агентуре. Тимирязев, Варьяш, Перов «забывают», что механистическая ревизия марксизма является теоретической базой правого оппортунизма, главной опасностью на данном этапе.

Публикуемые здесь выступления тт. Сарабьянова, Деборина и Подволоцкого представляют собой дальнейший шаг в деле консолидации философских кадров на четких партийных позициях.

Выступление В. Сарабьянова

Ревизия марксистской философии, товарищи, прежде всего развивалась по путям критики материалистической диалектики как теории познания. Поводом к этому, по словам ревизионистов, служила якобы неразработанность проблемы субъекта и объекта. Возьмете ли вы Бернштейна, возьмете ли тех, которые стояли на точке зрения махизма, возьмете ли вы сторонников Дицгена, вы везде найдете, что выдвигается это основное соображение, что проблема субъекта—объекта не разработана в марксистской литературе, что марксизм надо дополнить теорией познания. И эта «новая» теория познания бывала обыкновенно теорией познания Авенариуса, Маха, Канта, неокантианской и т. д.

Нужно сказать, что в марксизме проблема субъекта — объекта конечно разработана, и не могли ее не разработать Маркс и Энгельс, которые подвергли самой основательной, самой глубокой всесторонней критической переработке учение и Гегеля и Фейербаха, причем сделали это на основе знания всей истории философии. Конечно проблема субъекта—объекта разработана у Маркса и Энгельса, и здесь не какое-нибудь логическое рассуждение можно привести в пользу этого, а просто сослаться на работы, написанные Марксом и Энгельсом.

Кратко можно определить решение проблемы «субъект — объект» следующими словами: субъективное есть отображение объективного. Такова примерно формула Энгельса. В ней чрезвычайно ценно это слово «отображение», на котором необходимо остановиться. Эту формулу необходимо вскрыть в смысле разворачивания марксистского понимания самого термина отображения, и здесь мы должны прежде всего начать со следующего момента.

Проблема субъекта — объекта разрабатывается наивным материализмом эпикуровского типа в том духе, что объект и субъект тождественны, что кажимость и действительность абсолютно подобны, абсолютно схожи. У Эпикура есть даже указание на то, что я—субъект—воспринимаю объект потому, что от объекта отлетывают какие-то тончайшие поверхностные частички, которые как бы впечатываются в меня, что это именно тончайшие частички, и если бы это было не так, то предмет, нами непрерывно воспринимаемый, худел бы.

В такой наивной форме материализм сейчас конечно не существует, мы его не знаем теперь, но наивный материализм проявляет себя на каждом шагу. Это вы можете проверить в педагогическом процессе в наших вузах. Нужно, к сожалению, сказать, что наивным материализмом грешит немало и товарищей-педагогов из молодых, когда, разрешая проблему субъекта — объекта, берут ленинский «оригинал и копию» и рассматривают копию в смысле прямой копии с оригинала, не учитывая совершенно того процесса переработки объективного в нашем сознании, о котором говорили Маркс, Энгельс и Ленин, всегда подчеркивая, что познание есть процесс, притом диалектический процесс, а не какое-то пассивное снятие с оригинала копии.

С наивным материализмом необходимо бороться, но подвергать его критике надо конечно не с тех позиций, с каких подвергали его многие из нас и в том числе ваш покорный слуга. Когда я говорил о том, что субъект и объект не тожде-

ственные, я подчеркивал с полной силой то, что наше впечатление, наше представление есть результат взаимодействия между объектом и субъектом и поэтому если объект остается тот же, а субъект меняется, то меняются и представления.

Это совершенно верно конечно, и когда я приводил пример не только с людьми, но и с быками, и когда т. Столяров меня за этих быков бил и говорил, что все-таки речь идет о человеческом познании, а не бычьей, то я должен сказать, что Столяров неправ, ибо дело не в быках, а в том, что субъект-то разный, в том, что дальтонист есть иной субъект и поэтому от одного и того же объекта получают разные впечатления.

Но вы посмотрите, как Ленин ставит этот вопрос. Он говорит: когда мы берем субъектов нормальных... Здесь вся суть в ссылке на нормальных субъектов заключается в том, что центр тяжести переносится в проблеме объекта—субъекта с субъекта, как я эту проблему ставил, на объект, как ее надо ставить. Столяровская критика не бьет в точку. А попасть в точку, это значит—отметить, что когда мы в самом деле все время приводим примеры с дальтонистами, ненормальными субъектами, быками, коровами и т. д., то тем самым центр тяжести переносим с объекта на субъект, тогда как мы, марксисты, должны переносить центр тяжести на объект и исходить из этого.

Это основное. Подвергнуть критике наивный материализм нам безусловно необходимо, и особенно это важно в нашей антирелигиозной агитации и пропаганде, где с точки зрения наивного материализма опровергать все «замечательные» поповские доказательства о бытии божьем совершенно невозможно.

Нам необходимо развешивать критику также и субъективного идеализма и особенно подвергнуть критике элементы субъективного идеализма у Канта, которые выражаются в конце концов в известном учении—агностицизме. Утверждение, что свойства вещей это—одно, а сущность вещей—другое, что мы можем знать только свойства вещи, но ровно ничего не знаем о сущности вещей,—это конечно очень характерно для кантовского учения. Нужно сказать, что эта схоластика, это противопоставление свойств вещей сущности и до сих пор еще пользуется каким-то весом среди неподкованных философски товарищей.

Я в процессе учебы убеждаюсь, что эта схоластика насчет свойств вещей и сущности далеко не изжита и необходимо бить по ней. И здесь нам нужно бить главным образом по агностицизму в форме иероглифического материализма, в сторону которого дает сильный крен Плеханов. Сам я относился к Плеханову так, что я печатно указывал, что в некоторых вопросах я стою на точке зрения Плеханова, а не Ленина. Плеханов пользовался огромным авторитетом среди людей моего поколения, в особенности среди тех, которые принадлежали к меньшевистской организации. Плехановскими философскими работами зачитывались люди моего поколения. «Монистический взгляд на историю» брался на ночь, прочитывался до дыр, и авторитет Плеханова до сих пор очень велик среди многих товарищей, которые еще не изжили своих старых философских взглядов, которые еще не усвоили, что значит ленинский этап в марксистской философии.

Я не хочу ни в какой мере порочить Плеханова, я и до сих пор с очень большим уважением отношусь к Плеханову как философу. Я считаю, что конечно у Плеханова мы многому и очень многому можем поучиться. Но я и многие из механистической нашей группы так же, как, по моему глубокому убеждению, меньшевистствующие идеалисты, настолько были покорены плехановской философией, что те и другие совершенно прошли мимо ленинского этапа. Они его не заметили. Говорили о нем много. Говорил о нем и я и т. Деборин. Но конечно одно дело тогда, когда мы говорили, другое дело, как мы теперь говорим (а это на практике надо проверить), но тогда ленинского этапа для нас фактически по сущности важнейшим вопросам не было. Мы проводили такую точку зрения, что в разрешении проблемы субъекта и объекта несомненно у нас проявлялся сильный, я бы сказал, чрезвычайно сильный крен в сторону иероглифического материализма.

Здесь сидит т. Васильева. Она когда-то работала в одной группе, в которой я читал лекции в МК в 1922—23 гг. Тов. Васильева наверное хорошо помнит, как я выступал в ее кружке и учил, что в сущности, когда мы говорим о заводе, мы говорим о своих собственных переживаниях, о своих собственных представлениях, а не о заводе, как таковом. Васильева же смотрела на меня большими удивленными глазами, ибо та точка зрения, которую я развивал, была хуже, чем иероглифический материализм: это была точка зрения субъективного идеализма. Надо сказать, что на этой точке зрения я простоял всего только несколько, может быть, месяцев,—не думаю, но недель—во всяком случае. Но это симптоматично. Когда прорабатываешь свое собственное мировоззрение, когда подвергаешь критике свои собственные взгляды, тогда всплывают многие образы, выражения, отдельные мысли, отдельные разговоры, отдельные фразы, и когда их все увязываешь в одно целое, видишь, что здесь есть определенного рода последовательность.

Когда я с этим своим антиматериалистическим грехом довольно быстро расправился, я начал расправляться и с иероглифическим материализмом, но считаю, что я расправился с ним только к нашим дням, в течение последних лет. Дискуссия дала для нас чрезвычайно много. Несомненно, тот, кто думает над собой, тот, кто не хочет оставаться на месте, топтаться и утопать в конце концов в болоте, кто хочет развиваться, тот должен над собой работать, и дискуссия ему дала чрезвычайно много. Дискуссия ничего не дала только тем, которые считают, что только они правы, больше никто другой прав быть не может.

Суть моей «критики» иероглифического материализма раньше сводилась к утверждению, что Плеханов, когда употреблял термин «иероглиф»—условный знак, ошибался только терминологически. Я ссылаясь на самого же Плеханова, который указывает, что термин взят неудачно. И я говорил, что здесь только терминологическая ошибка, и очень хорошо, что Плеханов от нее отказался. Рассуждал я так: само слово «иероглиф»—«условный знак»—говорит о чем-то произвольном. Если я могу разные иероглифы отнести к одному и тому же предмету, к одной и той же вещи, то получается здесь произвол, субъективизм, поэтому нужно отказаться от этого термина.

Но только ли в этом дело, только ли в произвольности этого термина «иероглиф» или вопрос стоит гораздо глубже? И когда читаешь объяснения Плеханова, почему он от этого термина отказался, видишь, что Плеханов не терминологическую ошибку сделал, что здесь дело существеннее. Плеханов пишет: я отказался от этого термина «иероглиф», потому что если его употреблять, то получается, что виду соответствует еще какой-то другой вид. Ясное дело, что Плеханов здесь не взял вопроса глубоко, и настолько не взял вопроса глубоко, что, в сущности говоря, даже сама поправка Плеханова до сих пор остается не совсем ясной.

Материалистический иероглифизм конечно является мостом к агностицизму. По материалистическому иероглифизму, если его последовательно развивать, выходит, что мы вещей, как таковых, вещей самих по себе не знаем, мы знаем только вещи, как они себя проявляют по отношению к нам. Мы знаем вещи в их совокупности, вещи в их связи ровно в той мере, в какой они находятся по отношению к нам. Каковы вещи сами по себе, каково объективное отношение вещей самих по себе, с точки зрения иероглифического материализма эту проблему не разрешите.

И нам необходимо иероглифический материализм несомненно подвергнуть самой жестокой критике, потому что иероглифический материализм был свойственен как нам, примыкавшим к группе механистов, так и меньшевистствующему идеализму, где и т. Деборин и т. Луппол то же самое проявили увлечение Плехановым: то же становились на точку зрения иероглифического материализма.

Наиболее резко это было выражено у Л. И. Аксельрод, когда она говорила: «На какой чорт тогда самая проблема субъекта и объекта, если субъект похож на объект!». Она не поняла, что речь идет не об абсолютной схожести, а об относительности.

тельной, она не понимала, что мы к абсолютной истине подходим в процессе познания относительных истин, и ставила вопрос: или похож или непохож. В этом глубоко метафизическая, глубоко механистическая постановка вопроса, которой грешна Л. И. Аксельрод. Менее резко выражен крен в сторону иероглифического материализма у меня, у т. Варьяша, у т. Деборина и Луппола.

В качестве методологической основы у иероглифизма лежат следующие ошибки: во-первых, это логицизм, во-вторых, это непонимание того, что практика есть единственный достоверный критерий истины, и, в-третьих, это скольжение по поверхности в проблеме субъекта и объекта.

Начну с логицизма. Вот плехановские соображения. Представление является результатом взаимодействия субъекта и объекта, а потому оно не может быть похоже ни на объект, ни на субъект. Отсюда Плеханов делает вывод, что представление только соответствует объективному процессу, но адекватности отражения здесь не дано. Я должен сказать, что и логически это положение неправильно, ибо несомненно, что шестерка является результатом взаимодействия двойки и тройки, помноженных друг на друга, но несомненно, шестерка похожа и на двойку и на тройку, хотя бы тем самым, что двойка, тройка и шестерка состоят из единиц. Несомненно, что отпечаток в сырой земле моей ноги является результатом взаимодействия между моей ногой и между почвой, но мы находим сходство с моей ногой в этом отпечатке, так что и логически это рассуждение не выдерживает никакой критики.

Что же касается принципиального соображения, то нужно отметить, что здесь не подчеркнуто единства сходства и различия,—проделан разрыв между сходством и различием, ведь сходства без различия не бывает, так же как и наоборот—различия не бывает без сходства.

Скольжение по поверхности выражается в отсутствии изучения нашего внутреннего мира как диалектического процесса. Здесь одинаково грешны и механисты и меньшевистствующие идеалисты. Меньшевистствующие идеалисты разрывали внутренний мир на отдельные этапы, между которыми лежит пропасть, они отгораживали непроходимой стеной ощущения и впечатления, с одной стороны, рассудок—с другой, разум—с третьей стороны. Они разрывали связь между этими тремя стадиями, действительно существующими в нашем внутреннем мире. Это большой грех меньшевистствующего идеализма.

А что делали мы, когда мы развивали те же самые положения, в которых проявился наш крен в сторону иероглифического материализма. Мы, наоборот, смазывали это различие. Мы вслед за Плехановым и еще в большей степени брали ощущения, брали первичное звено, если можно так выразиться, в нашем внутреннем мире и, изучая это звено, переносили с него всё безоговорочно на образы, на наши представления и на понятия. Это огромнейшая ошибка. Когда я рассматриваю ощущение, я должен найти в нем сходство со следующей стадией моего внутреннего мира в процессе его развития, но я должен уметь найти и специфическое различие. Когда я, товарищи, возьму ребенка, который только что родился, то я могу допустить, что у него вероятно есть уже впечатления, есть уже ощущения, но я думаю, что я не ошибусь, если буду утверждать, что в течение первого периода своего существования он еще не имеет образов, и я должен прямо утверждать, что у него нет понятий, потому что без практики, без дела не могут вырабатываться понятия, не могут вырабатываться представления, а есть только одни впечатления. Когда мы читаем плехановскую фразу: «Роза пахнет тогда, когда ее нюхают», то мы не должны падать в обморок и говорить, что это субъективный идеализм, ибо совершенно прав Фейербах, который говорит, что если бы у человека было не 5 органов чувств, а 6, то узнали ли бы мы хоть одну новую вещь и узнали ли бы мы хотя одно новое свойство? Фейербах отвечает: нет. В XII лен. сб. Ленин солидаризируется с Фейербахом. Если бы у нас появился 6-й орган чувств и мы узнали бы что-нибудь новое, какое-нибудь новое свойство или вещь,

то отсюда надо сделать вывод по отношению к нашему нынешнему состоянию людей, у которых 5 органов чувств, что какая-то часть мира принципиально познаваема, а какая-то принципиально не познаваема, пока не появятся 6-й, 7-й, 8-й, 9-й органы чувств. Но совершенно бесспорно, что вместе с новыми органами восприятия мой внутренний мир станет богаче. Нелепо приписывать цвет, запах и другие ощущения, как таковые, воспринимаемым нами вещам. Но разве наш внутренний мир останавливается на ощущениях? Ведь когда мы рассматриваем внутренний мир в его диалектическом развитии, мы видим, как в нас появляются и вырастают образы, мы видим, как создаются понятия, мы видим, как наше мышление становится все более сложным, и вот, когда мы видим весь этот процесс развития, мы убеждаемся в том, что этот процесс чрезвычайно сложен и чрезвычайно слабо разработан нами, но во всех основных моментах мы имеем здесь прямые указания Маркса и Энгельса и в особенности Ленина, мы имеем указания в «Материализме и эмпириокритицизме», в IX и в особенности в XII сборниках. Настолько эти указания глубоки, настолько они существенны, что очевидно целому поколению людей—нашей молодежи—предстоит колоссальная работа для того только, чтобы вчера разработать те проблемы, которые ставятся в этой сфере, в этой области Лениным. Это огромная проблема, это проблема нашего познания, это проблема о диалектике нашего внутреннего мира, это проблема о том, с какого момента и при каких условиях начинается похожесть наших представлений с объектами наших отображений на вещи. Эти проблемы требуют колоссальной, огромной, напряженной работы с нашей стороны, и надо сказать, что здесь мы сделали очень мало; а что это очень существенно, об этом говорят следующие места из IX лекции сборника:

«Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их».

«От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности».

А Энгельс в «Л. Фейербахе» условием познания истины считает необходимым «надлежащим образом упражнять и употреблять свои внешние чувства».

У меня эта проблема разрешалась именно «мертво».

Когда вы читаете мои книжки «Основное в едином мировоззрении—метод» и «В защиту философии марксизма», вы не находите развития, а только утверждение известного положения Маркса, что субъективное есть перевод и переработка в человеческом сознании объективного, а не простое, прямое отображение, не простое копирование.

Эта проблема очень важная, и ее нужно проработать и помнить, что ни у нас, ни у меньшевистствующих идеалистов она не разработана, так же как не разработана и у Плеханова. Он все время говорит об ощущениях и впечатлениях, и когда начинает говорить о понятиях, то переносит на них все относящееся к ощущениям. И отсюда—отрицание похожести, отсюда—«соответствие». Но спрашивается, а какое же у нас основание говорить о сходстве, как мы можем этот вопрос разрешить? Как я имею право утверждать, что стул, который я вижу, таков в какой-то мере, каким я его вижу, если я нормальный человек с нормальными восприятиями? Эта проблема волнует очень многих. За последние два года я сам, работая над собой и пытаясь найти помощь со стороны товарищей как молодых, так и старых, поговорил немало на эту тему, и я вижу, какая масса у нас, товарищи, плутает среди трех сосен, какая масса товарищей пытается разрешить эти вопросы теоретически, вопросы, которые мы не должны разрешать, оставаясь в сфере чистого мышления. Здесь всякие логические построения, здесь построение всяческих силлогизмов, и каждый раз безуспешно, потому что, оставаясь в сфере чистого

мышления, вы не можете доказать, насколько истинны наши представления, насколько похоже они отражают объективный мир. Единственным достоверным критерием является практика, и мы об этой практике очень много говорим. Вы не найдете ни одной философской статьи, где я бы не говорил о практике. Я думаю, что нет ни одной мало-мальски крупной работы среди меньшевистствующих идеалистов, которая не говорила бы о практике. Мы все говорили о практике, но дело в том, как говорили. Меньшевистствующих идеалистов я обвиняю в том, что они формально принимали известный тезис Маркса насчет практики, но руководством к действию он для них не был. Здесь, я думаю, это было гипертрофированным развертыванием плехановского логистицизма, который проявился у меньшевистствующих идеалистов как известный отчетливо выраженный крен в сторону рационализма идеалистического порядка. У механистов получился ползучий эмпиризм. Что значит ползучий эмпиризм в интересующем нас аспекте? Недооценка теории, недооценка обобщений, стремление синтезировать на основе проделанного анализа без учета, что сам анализ насквозь пронизан синтезом. Вместо того, чтобы исходить из бесконечной цепи «практика—обобщения—практика—обобщения—практика...» механистический эмпиризм берет данный «кусочек» практики и делает из него обобщение, недооценивая большой роли сделанных ранее, проверенных на практике еще прежде теоретических положений.

А между тем мы знаем, что мы не только что родившиеся дети, мы взрослые нормальные люди, и к какой бы практике мы ни подходили, мы уже имеем дело с обобщением всей истории человечества. И этот диалектический процесс теории и практики, где из практики вытекает теория, где теория руководит практикой и проверяется на практике,—это бесконечно сложная цепь развития, она разывается на отдельные части, на отдельные куски: вот вам причина и следствие, здесь практика, там теория. Отсюда, товарищи, основательная недооценка философии. А в Тимирязевском институте когда-то имел вес лозунг «Наука сама себе философия», и неправильное понимание связи теории с практикой характерно и для т. Перова, и для т. Тимирязева, и для многих естественников из механистической группы. Это недооценка теоретического мышления, ползучий эмпиризм. Драться с этим нужно очень сильно.

Нам т. Сталин указывает на то, какую крупную роль играет теория в нашей революционной практике. Она нам помогает в революционной борьбе, помогает раскрывать перспективы наши в отношении социалистического строительства, ориентироваться в современном чрезвычайно сложном положении на мировой арене, она нам раскрывает перспективы в мировом революционном движении и т. д. Это слишком ясно. И когда я беру отношение к теории и практике со стороны меньшевистствующих идеалистов, то я должен их обвинять в схоластицировании вопроса. Когда речь идет о механистах, я должен подчеркнуть хвостизм, ибо в самом деле, если вы будете дожидаться, пока сами факты получат обобщение, вы не сможете вызывать факты, а вы будете плестись в хвосте. За материалистическую диалектику нам необходимо драться, нам всем, кто так или иначе ревизовал марксизм-ленинизм, необходимо работать самим над собой.

Мы должны проделать большую работу над своим мировоззрением, над своим методом. Это дело долгое, это не так легко дается. Я знаю по себе. Тов. Перельман, здесь присутствующая, подтвердит, что еще тогда, когда была принята первая резолюция в Институте красной профессуры, мы вместе с т. Перельман составили письмо с просьбой принять нас в Общество воинствующих материалистов-диалектиков, и как мы все—и Тимирязев, и Варьяш, и Перов—подписались под этим письмом, но это письмо не было подано по формальным причинам—требовалось 6 рекомендаций за каждого из нас, а откуда их было взять? С тех пор и раньше я все время работал над пересмотром своих концепций. Я знаю по себе, как это нелегко дается, как уходишь вперед, отступаешь назад, сделаешь два шага вперед, а затем шаг назад. Необходимо драться за пересмотр своих ошибочных взглядов

теперь же, не откладывая ни на один день. И я считаю совершенно необходимым со своей стороны как человек, который принимал активнейшее участие в работе группы механистической ревизии, как и тт. Тимирязев и Варьяш, которых я считаю преданными людьми нашей партии, людьми, к которым я отношусь с большим уважением, как к товарищам, я считаю своим долгом обратиться с этой кафедрой к этим товарищам с призывом: пора кончать!

Еще за год до того, как состоялось постановление ЦК о журнале «Под знаменем марксизма», за год до этого примерно, мы уже знали из уст очень ответственных работников ЦК, что в философии два уклона: мы и они—деборинцы. Я подавал во все вузы, где я работал по диалектическому материализму, что я от работы отказываюсь. Тогда я особенно резко принялся за самокритику. Повторяю, что мне это удавалось очень трудно. Когда тт. Варьяш и Тимирязев говорят о том, что постановление ЦК их не касается, что их фамилии не обозначены в этом самом постановлении, я и устно высказывал возмущение и здесь публично должен высказывать возмущение. Не можем же мы подходить с точки зрения плохого адвоката. Чудное дело! Я считаю, что партия высказалась вполне четко. Ссылаться на то, что фамилия не обозначена, это значит ставить себя в чрезвычайно смешное, изумительно нелепое положение. Это значит самих себя выдавать за простачков или считать, что те, к которым они обращаются, являются простачками. Это наивно. Нам необходимо покончить с этим небольшевистским самым любимым. Я этих товарищей не обвиняю ни в каких политических грехах против партии. Наоборот, они вполне преданные партии люди, но я должен сказать, что на меня производит впечатление, что товарищи все же сознают, что речь идет о них в постановлении ЦК, но считают, что, очевидно, их позиция более правильная, чем позиция партии. С этим нужно кончить. Партия помогает нам найти наши же собственные ошибки. Она говорит так: работай над этим вопросом. И над этим вопросом нужно работать всем товарищам, которые так или иначе ошибаются и хотят в конце концов—если хотят—войти в общее русло нашей работы. Они должны раскритиковать свои ошибки. Для этого не требуется, чтобы они занимались блохоискательством. Нужно высказаться по коренным вопросам. Мы не сомневаемся, что в этих именно вопросах нами сделаны коренные ошибки. Разве вся наша группа не прошла мимо ленинского этапа? Вся целиком прошла, так же как и деборинская группа. Разве не путались в проблеме сведения? Путались так же, как и деборинцы. Разве мы не занимали антибольшевистской позиции, когда прикрывали друг друга? Вместо того, чтобы заняться самокритикой, вместо того, чтобы вскрывать свои собственные ошибки, вместо этого мы прикрывали отдельные ошибки друг друга, а ведь мы разбились на две группы. С одной стороны—философская группа: я, Геликман и другие, с другой стороны—естественная группа. Одни говорили, что нужно от Степанова в таком-то вопросе отходить, а другие говорили, что Степанов является нашим знаменем, и все мы друг друга прикрывали и наружу своих споров не выносили. Это не партийное поведение, это наш общий грех.

Разве мы не отрывали философии от политики, когда мы, признавая правый оппортунизм за главную опасность, в то же время отказывались признавать механицизм, как главную опасность; делали это в то время, как правый оппортунизм как главная опасность пользуется механицизмом как своим главным оружием, в то время, как на механицизме смыкаются и правые и троцкисты: «теория» Преображенского о двух регуляторах, «теория» стоимости, которая действует как в капиталистических странах, так-де и у нас. И в это время мы все-таки говорили, что главной опасностью является меньшевистствующий идеализм. Это не значит, что меньшевистствующий идеализм лучше. (Смех). Оба—хуже, но механицизм на данном этапе—главная опасность.

Кроме ошибок, общих для всей механистической группы, имеются также и специфические ошибки у каждого из нас. У меня есть ошибка в толковании объек-

тивной истины. Я допустил субъективистский ляпсус с качеством, когда утверждал, что «человечество уславливается», что считать существенным и что считать несущественным, что без такой условленности нельзя определить качества. Это несомненный субъективизм в определении качества. Но само качество я считал объективной категорией. А разве я не наделал ошибок в разрешении проблемы сведения, относительной и абсолютной истины, разве не разорвал диалектику и гносеологию, не противопоставлял качество противоположности и т. д. и т. д.? Возьмите у т. Варьяша его книжку «Логика». Сама схема книжки—по Гегелю. Куда девался такой важный раздел, как практика? Нет его там, он отсутствует. В книжке о «Логике», написанной большевиком, не может отсутствовать глава о практике, и если все же она отсутствует, это показывает, что в философской методологии мышления товарища есть крупные дефекты. Нужно признаться в этом или не нужно? А разве это не крупнейший дефект в мышлении, когда т. Варьяш говорит: сначала качество, потом количество. Для нас ясно, что нет качества без количества и нет количества без качества. Тов. Варьяш списывает здесь у Гегеля, как впрочем и некоторые авторы из меньшевистствующих идеалистов, которые тоже говорят: первичное—качество, вторичное—количество. Это не марксистская постановка вопроса. У т. Варьяша она есть. Есть в чем признаться? Есть. Разве это не ошибка в трактовке субстанции Спинозы, разве это не такая ошибка, которая льет воду на мельницу буржуазным историкам философии, стремящимся изобразить Спинозу идеалистом? Это нетерпимая ошибка, которую Варьяш развивал вместе с Л. И. Аксельрод. Есть в чем признаться или нет? Есть что критиковать? Есть. Есть на чем углублять свое собственное мировоззрение или нет? А у т. Тимирязова разве нет крупных ошибок? Достаточно отметить некритическое отношение к естествознанию XX в. Если т. Тимирязев у естествознания найдет махистскую философию, он его отбросит целиком. Ленин показал хотя бы на Махе, как естествознание часто заговаривает материалистическим языком, будучи в философии субъективным идеалистом. Это важнейшая грубейшая ошибка у т. Тимирязева, что он топтался на естествознании конца XIX в., что он не сумел подвергнуть марксистскому изучению современное естествознание. Но у него есть и другие ошибки. Например, когда он говорит о современных естествознателях, которые стоят на материалистической, на механистической точке зрения, он указывает, что у них диалектика, но у них стихийная диалектика; вместо того, чтобы в словах «стихийная диалектика» подчеркнуть «стихийная», т. Тимирязев подчеркивает слово «диалектика». Таким образом у него получается замазывание такой важнейшей проблемы, как проблема борьбы за осознанность диалектики; читая т. Тимирязева, не проникаешься убеждением, что ни в какой мере невозможно удовлетвориться одной только стихийной диалектикой.

Ошибки есть. Есть что пересматривать. Есть на чем остановиться в порядке самокритики, и этой самокритикой необходимо заняться и довести ее до конца.

Выступление А. Деборина

Тов. Деборин. Товарищи! Моя задача довольно трудная и сложная. Трудная и сложная потому, что, с одной стороны, я должен был бы целиком посвятить свое выступление самокритике, но, с другой стороны, я не могу не воспользоваться предоставленным мне словом для освещения чрезвычайно важных текущих вопросов или, вернее, для освещения текущего момента и вытекающих из него задач, не могу потому, что здесь недостаточно полно, односторонне освещалось положение на идеологическом фронте в масштабе, так сказать, международном. И поэтому мне придется как-то совместить эти задачи. Отсюда ясно, что соблюсти при таком построении правильную пропорцию частей дело нелегкое, дело невозможное. Поэтому я заранее оговариваюсь, что если часть, посвященная самокритике, ока-

жется в количественном отношении значительно меньше других частей, то прошу товарищей не понять это как «уклон» от своего уклона (с м е х), как нежелание дать развернутую критику своих ошибок.

Дело в конце концов не в количестве слов, которые наговоришь, а в их существе, в удельном их весе.

Во-вторых, в освещении текущего момента, в выяснении задач, стоящих не только перед философским фронтом, но и перед всей Коммунистической академией в целом, в моем подходе к этому вопросу должна выясниться моя установка, положительная точка зрения о связи нашей теории с актуальными проблемами современной практики революционного движения.

Обращаюсь теперь к своей прежней позиции—к позиции меньшевистствующего идеализма. Как известно, самый термин меньшевистствующего идеализма, само определение меньшевистствующего идеализма, его характеристика даны были т. Сталиным. Его совершенно правильная характеристика и определение получили затем свое выражение в известной резолюции ЦК о направлении журнала «Под знаменем марксизма». Эта резолюция является для меня лично (я буду говорить о себе лично) не только формально обязательной, она служит для меня как для члена партии руководством в деле исправления и преодоления моих былых ошибок.

Надо признать, ЦК своевременно сигнализировал опасность, которая у нас так ярко выявилась на философском фронте. И если мы искренни, честны, являемся преданными членами партии и не хотим заниматься талмудическим толкованием резолюций, как это иногда делают иные товарищи, если мы действительно готовы служить партии, то мы, бывшие меньшевистствующие идеалисты, и я, стало быть, первый в том числе, должны быть признательны ЦК и прежде всего вождю нашей партии т. Сталину, что они своевременно нас одернули, во-время поставили нас перед задачей исправления, преодоления своих ошибок и пересмотра всего своего багажа.

Здесь не может быть половинчатого отношения ни к резолюции, ни к своим ошибкам, не может быть желания во что бы то ни стало считать себя правым, если не полностью, то хотя бы отчасти, на 20, на 30 проц. и т. д. Нет, от нас требуется полное и безоговорочное разоружение. На этой точке зрения я стою, и она является для меня обязательной, ибо именно в свете последующих событий для меня стало совершенно ясно, что меньшевистствующий идеализм действительно являлся и является теоретической базой «левого» оппортунизма, что он является таким образом партийным уклоном, направлением, способным при известных условиях, если упорствовать и не подчиниться безоговорочно и вместе с тем честно и добросовестно—без двурушнического мошенничества—решению ЦК, нанести политический вред нашей партии и всему нашему социалистическому строительству.

Меньшевистствующий идеализм при известных условиях перерастает в меньшевистский идеализм, и тогда согласно неумолимой логике вещей его последователи попадают в лагерь прямых врагов партии, ее руководства, попадают в объятия контрреволюции. И кое-кто фактически пошел по этому пути.

И вот наш прямой партийный долг призывает нас к тому, чтобы открыто и без всяких оговорок заявить об этом и предупредить тех товарищей, которые еще в той или иной степени сохранили остатки меньшевистствующего идеализма, что они должны работать над собой в целях полного преодоления своих прежних ошибок. ЦК партии предоставляет нам эту возможность, указав, в чем мы ошибались и в каком направлении мы должны исправлять свои ошибки.

Основная наша ошибка состояла, как это было констатировано, в отрыве теории от практики. Я должен сознаться, что долгое время не понимал этого упрека, ибо разве я не говорил постоянно о практике как критерии истины? Говорил и писал. Но только впоследствии я понял, что не в этом суть дела. Суть дела заключалась в том, что мы не связывали наших теоретических, методологических писаний с конкретными задачами социалистического строительства, что мы отрывали

вали теорию от живой жизни и что, оставаясь в сфере чисто логической, мы тем самым — один меньше, другой больше — уходили от социалистического строительства, воздвигали между ними стену. И это повело к тому, что некоторые из меньшевистствующих идеалистов превратились до известной степени во «внутренних эмигрантов», затем в политических оппортунистов и т. д.

Этого не следует понимать механистически, т. е. понимать в смысле прямой, непосредственной связи, существующей как между механическим материализмом и правым уклоном, так и между меньшевистствующим идеализмом и «левым» оппортунизмом. Не в том смысле, что каждый механист или меньшевистствующий идеалист тем самым уже является обязательно оппортунистом в политическом смысле, — такой прямолинейности, такой логической последовательности не существует. Есть механисты — хорошие партийцы, есть меньшевистствующие идеалисты — хорошие партийцы. Но тем не менее это не опровергает того факта, что человек с теоретическим уклоном легче и скорее придет к политическому уклону. Это не опровергает того факта, что механический материализм является теоретической базой правого уклона, как меньшевистствующий уклон является теоретической базой «левого» оппортунизма.

В связи с этим одним из основных, коренных пороков концепции меньшевистствующего идеализма — отрывом теории от практики — находится вторая ошибка, теснейшим образом с ним связанная. Это то, что, ограничиваясь логической, методологической критикой, мы игнорировали в большинстве случаев социальные, классовые корни критикуемого направления или течения мысли, — это с точки зрения марксизма крупнейшая ошибка. Мы довольствовались внутренней имманентной критикой, редко выходящей за пределы логического круга. Уже это — несомненный уклон в сторону идеализма, подобно тому как отрыв теории от практики вообще есть меньшевистствующий уклон. Отрыв теории от практики, отрыв логических идей от их социальных корней, от классовой борьбы, застревание в чисто теоретическом логическом кругу, уход от практического строительства социализма в наших условиях являются естественной причиной того, что в концепции меньшевистствующего идеализма имелись элементы созерцательного материализма, имелись переоценка Фейербаха и Плеханова. Я совершенно открыто признаю, что в этом отношении в моих работах о Фейербахе, о Плеханове имеются ошибки, которые должны быть исправлены, которые расходятся с правильно понятым учением марксизма-ленинизма.

Мы, марксисты старшего поколения, — Анатолий Васильевич вам подтвердит (с м е х), — находились под сильным влиянием Плеханова. Наши взгляды (с м е х) сложились в конце 90-х и 900-х годов, когда Плеханов считался признанным философом партии. Его ошибки мы тогда твердо усвоили и отступить в то время, о котором я говорю, от его трактовки Фейербаха или Спинозы означало чуть ли не ре-визовать марксизм. О связи его философских взглядов с меньшевизмом, с политическим оппортунизмом мы тогда не задумывались, и тем менее задумывались меньшевики тогдашнего периода, к которым принадлежал и я. Меньшевики, естественно, в этой связи философских ошибок Плеханова с меньшевистским оппортунизмом тогда, в то время, видели преимущество Плеханова.

В 1909 г. вышла книга Владимира Ильича, где дана совершенно новая по сравнению с плехановской трактовка основных вопросов философии марксизма и где указан ряд грубейших ошибок Плеханова. На меня лично эта книга оказала в то время сильное влияние, но первая моя работа — «Введение в философию диалектического материализма» — была написана несколько раньше, хотя и вышла в свет гораздо позже, и поэтому влияние в ней Владимира Ильича не отразилось. Однако по ряду вопросов, как например по вопросу об иероглифическом материализме, я отходил от Плеханова уже в этой книге, но естественно полностью не преодолел, и поэтому я могу сказать, что в целом я стал на точку зрения отражения только впоследствии, под влиянием Ленина. Пытаясь однако как-то оправдать

Плеханова, как-то примирить его точку зрения с точкой зрения Ленина, я сглаживал одну из крупнейших ошибок Плеханова.

Я ни в малейшей мере не желаю свои ошибки подбросить Плеханову и сделать его ответственным за них. Нечего греха таить—некоторые ошибки Плеханова были мною усугублены и углублены. Вопрос о Спинозе например всплыл в 90-х годах в связи с народившимся тогда ревизионизмом Бернштейна. Плеханов тогда именно объявил марксизм «родом спинозизма». Надо сказать, что в то время в некоторых кругах существовала довольно странная на наш современный взгляд теория что ли,—я уж не знаю, как это назвать,—согласно которой для марксизма полезно иметь «близкими родственниками» таких людей, как Спиноза, Фейербах, и вообще крупных мыслителей прошлого. Сама по себе такая точка зрения еще не содержит в себе ничего ошибочного. Но эта «оригинальная» теория «сближения» мыслителей прошлого с марксизмом имела конечно свои отрицательные стороны. Я лично старался выяснить главным образом точки сближения между Фейербахом, Гегелем и марксизмом, обращал внимание на точки сближения и упускал часто из виду то, что резко противоречит марксизму. Отсюда был неизбежный крен с моей стороны как в сторону Фейербаха, так и в сторону Гегеля, как в сторону переоценки Фейербаха, так и в сторону переоценки диалектики Гегеля.

Хорошо понимая и зная, что гениальная теория диалектического материализма возникла на почве коренного преодоления и радикальной переработки Марксом всего старого материализма, идеалистической диалектики Гегеля, зная хорошо, что она возникла как результат революционного движения, и т. д.,—теория «сближения» все же фактически на деле привела к тому, что у меня марксизм оказался в слишком близком «родстве» и с Фейербахом и с Гегелем.

Не имея возможности останавливаться здесь на отдельных пунктах, ибо каждый отдельный пункт сам по себе потребовал бы целого доклада, я укажу только на одну грубую мою ошибку, которая встречается в некоторых моих работах в связи с Гегелем. В других работах этот вопрос трактуется правильно. Речь идет как раз об основном законе диалектики. Надо ли доказывать, что писать о «примирении» противоположностей значит делать грубейшую ошибку! Но вот термин Гегеля «Versöhnung» ввел меня в заблуждение, и я, несмотря на то, что в других местах трактую правильно, в некоторых местах употребил такой термин, как примирение противоположностей. Это конечно значит политически скатываться к теории солидарности интересов буржуазии и пролетариата. И хотя я сам критиковал Гегеля за эту формулировку, тем не менее у меня такая формулировка встречается.

Грубейшей ошибкой я должен признать недопонимание, недооценку ленинского этапа как в философии, так и в марксизме вообще. Я говорил и писал, что Ленин поднял марксизм на новую, высшую ступень, но это оставалось декларативным в значительной степени заявлением, ибо никаких конкретных выводов из этого положения я не делал, а главное—не пытался конкретизировать то новое, что внесено Лениным в сокровищницу марксизма, тем более, что в этом отношении основное сказано т. Сталиным и в части специально философской.

К этому я должен еще прибавить и особо подчеркнуть, что мы прошли в значительной степени не только мимо Ленина, но и мимо работ т. Сталина, не понимая той огромной теоретической работы, которая им проделана в деле дальнейшего развития марксизма-ленинизма в целом.

Ныне я лично все эти грубые промахи, которые в целом давали концепцию меньшевистствующего идеализма, прекрасно сознаю и хорошо себе отдаю отчет в необходимости борьбы на два фронта, в необходимости борьбы в интересах марксизма-ленинизма, социалистического строительства и международного революционного движения против меньшевистствующего идеализма.

Марксизм всегда оттачивал свое оружие в борьбе с оппортунизмом, с ревизионизмом, со всеми уклонами и выходил из этой борьбы более окрепшим, более вооруженным и обогащенным. Будем надеяться, что для предстоящей на новом

этапе международной революции, огромной теоретической работы, которая естественно должна быть подчинена политической борьбе, возможно будет сплотить все наши силы и вести совместно товарищескую работу.

Но вполне понятно, что для борьбы и для такой работы необходимо хорошо отточенное, острое орудие; каким является подлинный, а не извращенный марксизм-ленинизм. Поэтому я еще раз заявляю, что товарищи из бывших меньшевистствующих идеалистов должны полностью изжить свои ошибки, разоружиться до конца, ибо с партией в прятки не играют и к маневрам не прибегают.

Остановиться на отдельных вопросах, как это делали здесь некоторые товарищи, я не могу. Это будет сделано мною в более обширных размерах в подготавливаемой мною к печати большой работе о Марксе.

Теперь разрешите мне перейти к той части моего выступления, которая касается характеристики идеологической борьбы на международном фронте. При этом надо исходить из тех основных установок, которые были даны Лениным, а затем Сталиным в их гениальной концепции об империализме. Я не могу входить здесь в подробное рассмотрение этого вопроса. Но вы знаете, что Ленин и Сталин (а уже в этом одном, т. е. в учении Ленина об эпохе империализма в отличие от эпохи промышленного капитализма, когда жили и работали Маркс и Энгельс, содержится ключ к пониманию ленинизма, ленинского этапа в марксизме) характеризовали домонополистический капитализм и монополистический капитализм. Тов. Сталин пишет, что домонополистический капитализм был капитализмом «культурным», «прогрессивным», ибо этот капитализм развивался еще по восходящей линии, и поэтому естественно, что, когда капитализм развивался по восходящей линии, то и вся идеология буржуазии тоже в известном смысле заключала в себе до поры, до времени элементы «прогрессивные», элементы «культурные». Но коренное отличие домонополистического капитализма от монополистического капитализма заключается в том, что этот последний развивается по нисходящей линии. И вот уже это одно обстоятельство, это одно определение бросает яркий свет на все современное положение.

Я не буду здесь останавливаться дальше на сталинской теории мирового экономического кризиса и пр., которая имеет непосредственное отношение к затрагиваемым мною вопросам и которая вскрывает уже сама по себе корни современной идеологии буржуазии. Капитализм развивается ныне по нисходящей линии, он является капитализмом загнивающим, умирающим, а потому стало быть и идеология капитализма должна быть ныне тоже загнивающей. Эту мысль можно выразить в иных терминах, как это сказано у Ленина: что если домонополистический капитализм был связан с парламентаризмом, демократией и т. д., то монополистический капитализм неизбежно и неминуемо ведет за собою отрицание всей демократии в целом, ко всеобщей реакции.

И вот, если вы возьмете эти характеристики, характеристику капитализма, развивающегося по нисходящей линии, процесс загнивания капитализма, тенденцию к «феодализации» капитализма (монополии и т. д.), то вы поймете, что в связи со всем этим в последние годы, в особенности в послевоенную эпоху, должна была сложиться совершенно «новая» идеология на буржуазном фронте. Я бы мог вместе с тем тут же показать и другое: каково было отношение в эпоху так называемого «культурного» и «прогрессивного» капитализма к марксизму, и обратно — особенности марксизма этой эпохи и какое отношение существует со стороны буржуазных ученых к марксизму ныне, и обратно, — каков марксизм этой новой эпохи — марксизм-ленинизм. Ведь мы собрались, собственно говоря, для чествования памяти Маркса, и вот одним из самых интересных и самых важных вопросов является вопрос о том, каково ныне на данном этапе отношение идеологов буржуазии к марксизму-ленинизму, причем оговариваясь, что сюда я включаю и социал-фашистскую идеологию, это видно будет дальше. Нынешнее отношение к марксизму конечно совершенно иное, чем на предыдущем этапе: это отношение сводится

к стремлению беспощадного уничтожения марксизма. Такова официальная программа фашистской партии, все равно как в Германии, так и в Италии, где бы фашизм ни развивался. Империализм является последней фазой капитализма, когда пролетариат мобилизует свои силы для окончательного его свержения. В этот период классовые противоречия достигают наивысшего напряжения. Буржуазия ставит своей целью «уничтожение» революционного пролетариата, марксизма, складывая одновременно и «новую» идеологию, соответствующую процессу распада и деградации капитализма.

И вот, если мы теперь поймем, что мы имеем «новую» идеологию, но часто оперируем вчерашним днем вместо того, чтобы оперировать сегодняшним днем, часто не замечаем «нового», не замечаем сегодняшнего дня, то мы убедимся, что наша борьба на идеологическом фронте должна протекать ныне иначе, чем раньше, по другим линиям. Если мы сегодня будем критиковать, скажем, ревизионизм Бернштейна, то это очень хорошо, но это все же имеет известный исторический интерес, это относится ко вчерашнему дню, а сегодняшний день совершенно другой. Вот эти особенности сегодняшнего дня я и хотел, поскольку это возможно будет, кратко очертить и осветить.

В чем первая особенность нынешнего этапа буржуазной идеологии в целом? Я подчеркиваю — в целом, хотя есть и исключения, есть отдельные направления, которые сохранились до настоящего времени и носят на себе отпечаток прежнего «прогрессивного» этапа. Но нас интересует общая тенденция развития буржуазной идеологии в связи с процессом прогрессивного загнивания капитализма. Если схематически представить себе дело, то можно сказать, что либерально-буржуазное мировоззрение, которое существовало в прежнюю эпоху (демократия, парламентаризм, элементы идеи развития в этом мировоззрении, иногда даже главным образом в естествознании, элементы материализма и пр. и пр.), это вчерашний день; конечно эти элементы так или иначе сохранились, но они уже оттиснуты и оттесняются все больше совершенно другим «мировоззрением» и совершенно другой идеологией, становящейся господствующей идеологией.

В связи с ростом коммунистического движения на базе загнивающего капитализма, в связи с необычайным обострением классовой борьбы, организованной буржуазией поставлена задача «уничтожения» марксизма, большевизма, коммунизма. Современная империалистическая буржуазия в силу логики вещей должна далее бороться и против всей так называемой «прогрессивной» идеологии старой буржуазии. Первый вопрос, на котором я хочу остановиться, это вопрос об идее развития.

Буржуазия и ее идеологи стали на путь полного отрицания идеи прогресса. В эпоху капитализма, развивающегося по нисходящей линии, в эпоху загнивания капитализма, в эпоху «феодализации» его идея прогресса даже в буржуазном ее понимании ныне полностью отрицается. Говорят о «красно-розовом» оптимизме прогресса. Этим хотят, с одной стороны, подчеркнуть, что «красное» хорошо для марксистов, для рабочих, они еще могут верить в какой-то прогресс, но мы, буржуазия, — нет, мы отрицаем идею прогресса. Это — первое. Вся нынешняя буржуазная литература обращается исключительно вокруг Маркса, вокруг марксизма, вокруг большевизма, вокруг коммунизма. Вся она только и занята идеологическим уничтожением марксизма как самого опасного врага. И поэтому естественно, что марксовское понимание истории как процесса развития встречает самую резкую и оголтелую критику, ибо, как это очень ярко формулируется, все, что связано с идеей развития, есть не что иное, как «Kulturbolschevismus».

И вот, подходя с этой стороны к вопросу о трактовке нынешними буржуазными учеными-экономистами самого капитализма, мы видим, что они ныне пытаются построить новую «теорию» капитализма на основе отрицания законов «динамики», ибо основной «порок» марксовского понимания капитализма (я здесь го-

ворю в их терминах) это то, что Маркс, а за ним и большевики считают, что он открыл законы развития капитализма и что вот эта, как они выражаются, «легенда» вообще о динамическом характере капиталистической системы, эта легенда нужна была Марксу исключительно для политических целей, но что теоретического, научного, так сказать, доказательства этого положения Маркс якобы не дал.

Ну и что же они предлагают? Оказывается, отрицая законы динамики — законы развития, они строят сейчас теорию так называемого статического капитализма. Чрезвычайно знаменательна именно эта мотивировка. Поскольку Маркс рассматривает капитализм как систему, подчиненную определенным законам развития (и гибели ее в результате этого развития), то поскольку наступает конец развития, наступает и конец системы. В этом — центр тяжести.

Они считают повидимому, и это тоже очень важно, что наступил конец развития капитализма. Но отсюда вовсе не следует, что наступил конец капитализма. Вот центр тяжести в постановке вопроса.

Николаев. Это очень старо, старо, что капитализм вечен.

Деборин. Не в том дело, что вечен или не вечен. Не об этом идет речь.

Таким образом буржуазия надеется, отменив установленные Марксом законы развития капитализма, укрепиться в строе статического капитализма. Отрицая развитие, они таким образом приходят к тому, что развитие может прекратиться, и действительно пожалуй прекращается, но отсюда вовсе, мол, не следует, что наступает конец капитализма.

В тесной связи с этой установкой находятся теория так называемого общего «консервативного закона жизни», теория статических и иррациональных законов движения и признание вместо прежней теории буржуазных идеологов о так называемом прямолинейном прогрессе теории замкнутого круга. Отсюда мы переходим таким образом от частной как будто бы темы к общей теме, к общим законам, которые связаны с построением специально новой логики, базирующейся на этом основном понимании движения исключительно как движения в замкнутом круге и на идее вечного круговорота. Они совершенно ясно отдают себе отчет в том, что марксовский материализм не есть обычного характера метафизический материализм. Они конечно тогда, когда им нужно, упрекают Маркса в механицизме, в метафизике и пр., но вместе с тем они отдают себе отчет в том, что марксовский материализм есть какой-то особый вид материализма и что основа, сущность этого материализма — это неразрывная связь его с идеей развития. И вот уже по одному тому, что, во-первых, это материализм, это само собой разумеется и, во-вторых, по тому, что это материализм, который тесно связан с идеей развития, уже по одному этому марксизм является для них самым опасным врагом, о чем открыто пишут и открыто говорят.

Но отсюда дальнейший переход, переход уже к другим областям: переход к естествознанию, переход прежде всего к дарвинизму. Нужно сказать, — и это между прочим очень знаменательно, — что дарвинизм и социализм (вспомним Данилевского в свое время, а за ним и других) враги материализма всегда брали за одни скобки. И точно так же и сейчас, — когда они критикуют марксизм, то наряду с марксизмом они критикуют дарвинизм за ту же самую его «суть», что роднит его с марксизмом: за материализм и принцип развития. Эту же основную суть они видят и в марксизме. Дарвинизм и марксизм убили своей материей бога, так они формулируют свою точку зрения. И в эту компанию, это опять-таки чрезвычайно важно для понимания современного этапа, вслед за Дарвиным и Марксом попадают уже все представители современного естествознания, поскольку они хотя бы в малейшей степени примыкают к материализму. Например Эйнштейн, Планк и другие естествоиспытатели, стоящие в той или другой степени на точке зрения материализма, предаются анафеме, и на них возводят гонение.

И вот, забегаю вперед, я могу формулировать всю эту реакционную концепцию, только в отдельных частях мною затронутую, словами: «Назад, к варварству»,—лозунг, выставленный открыто ныне партией Гитлера. Они говорят: мы гордимся этим лозунгом, этот лозунг имеет своей задачей борьбу со всей наукой (я это подчеркиваю), борьбу со всем рациональным познанием. Наша точка зрения—это «Назад к варварству».

Как же это варварство обосновывается? Здесь я перехожу к другому чрезвычайно существенному пункту. Они почти все представляют собою псевдо-диалектиков, они все жонглируют этим словом и все хотят быть «диалектиками». Если у меня будет время, я покажу, почему они хотят ими быть, чем это обуславливается. И вот «диалектическая» концепция, которая выставлена фашистами и к которой в значительной мере примыкают социал-фашисты, сводится к следующему: есть три разреза, или три плоскости, действительности—это тело, дух и душа, эти три плоскости составляют единство или триединство. Но все дело заключается в том, какая из этих плоскостей, какой принцип должен быть господствующим, т. е. какому из них должен принадлежать примат. Если мы скажем просто, что мы будем критиковать установку, которая берет за исходный принцип дух, то надо понимать, что в нынешней обстановке это имеет совершенно иной смысл, совершенно иное значение. Говоря о духе, они имеют в виду рациональное познание, прежде всего орган рационального познания—сознание, мысль. Как наука, так и практическая жизнь, в особенности же марксизм, говорят эти буржуазные идеологи, зиждется на рационалистическом принципе. В противовес этому рационалистическому принципу выдвигается принцип души. Душа—вот что собственно является основным руководящим принципом для них. Что это значит? Это значит следующее: душа есть совокупность аффектов, совокупность инстинктов и чувств. И вот как раз душа, т. е. совокупность первобытных инстинктов, должна быть освобождена от влияния и господства познания, рационализма, и она должна быть поставлена в центре всего мировоззрения, ибо рационализм—дерзость разума, он стремится вскрыть внутренние связи явлений или, как они говорят, обращаясь к марксизму, взять судьбу в свои собственные руки и свергнуть таким образом стоящие над жизнью таинственные силы. Вот что такое рационализм марксистский,—это и есть бунт разума против воли providения. Разум таким образом убивает идею судьбы. А между тем человек, имеется в виду прежде всего рабочий класс, должен безропотно покоряться своей судьбе, народ должен покоряться слепому року и олицетворяющим его таинственным силам, т. е. капиталистам.

«А что такое марксистский, большевистский социализм,—пишут они.—Этот социализм стремится к уничтожению существующего строя и к уничтожению исторических различий между привилегированными и закрепощенными; он ставит себе задачу практического преобразования мира в духе всеобщего богатства и мира между народами».

Этого естественно они не могут допустить, и поэтому они видят орудие борьбы против марксистского, большевистского рационализма в том, что они называют душой; ей надо дать волю, ей надо дать свободу; эти первобытные инстинкты, бессознательные силы и чувства души чрезвычайно ярко проявляются в современной Германии.

Отсюда совершенно откровенный лозунг, которым гордятся и который гласит «Человек—хищное животное»; это делает ему честь, и таким он должен быть.

А в своих художественных произведениях—я мог бы привести цитаты—они, натравливая на рабочий класс мелкобуржуазные и реакционные массы, провозглашают следующее: народ нуждается в таких вождях, которые бы не боялись проливать кровь, которые, как они говорят, имели бы мужество резать своих противников, резать своих врагов, т. е. резать рабочий класс. Это одна

из самых ярких формулировок тех установок, которые мы сейчас видим. Такие пьесы ставятся сейчас в нынешней Германии во всех театрах (с места: И на улицах). И на улицах, но на улицах, к сожалению, это выливается в формы истязаний и убийств рабочих.

Дальше, для того, чтобы отметить другие элементы этого «нового» мировоззрения, — конечно в значительной степени оно является и старым, но оно сейчас занимает господствующее положение — в этом вся суть, в этом вся соль, — я укажу на идею аристократии, идею господства «лучших». Эту «идею» они выводят из понятия структуры. Критикуя марксовское понятие структуры, они решительно во всех пунктах отталкиваются от Маркса, они дают свою трактовку понятия структуры. Маркс дал, мол, неправильное понятие структуры, ибо Маркс — это конечно совершенно неправильно и неверно, это значит не понимать Маркса, это значит сознательно извращать Маркса — видит в структуре гомогенную, однородную целостность. Каков политический смысл этой мысли? Это значит, что Маркс стоит за господство всей массы. Приплетая сюда понятие структуры, идеологи фашизма доказывают, что так как всякая структура состоит из гетерогенных элементов, из элементов благородных и неблагородных, из элементов господствующих и элементов подчиненных, то господство должно принадлежать аристократии. Таков-де общий закон природы. И вот выдвигают положение, что «лучшим» является господствующий класс, является буржуазия, поэтому ей и должна принадлежать власть, а рабочий класс как «от природы» низший класс должен безропотно нести свое бремя и покориться судьбе.

Причем сюда еще надо прибавить расовую теорию, т. е. значение расово и национально «лучших» элементов.

Отсюда идея иерархического общественного строя, ибо закон иерархического подчинения, иерархической структуры — это закон, присущий природе, стало быть это есть естественный закон, натуральный закон, и согласно этому закону должен быть построен общественный строй. В основу этих построений кладется идея целостности.

Но что же конкретно представляет собой эта структура, эта целостность? Тут выступает на арену идея нации — нация в первичной структуре, в той первичной целостности, которая определяет решительно все и которая должна быть положена в основу всей общественной жизни, всего общественно-политического строя. Эта идея, т. е. идея единства нации, идея целостности нации, противопоставляется марксизму — его учению о борьбе классов. Борьба рас — вот чем движется, с их точки зрения, история. Но это расы, а другое дело — национальность, т. е. определенное расово-национальное единство, которое исключает всякую борьбу классов. И вот нация как целостность, как определенная структура есть биологический организм, подчиненный законам биологического развития. И естественно, что если нация есть первичная целостность, первичное единство, то идея национальной солидарности выдвигается на первый план, а эта идея национальной солидарности в переводе на конкретный язык означает солидарность интересов труда и капитала.

Таким образом основа этой идеи солидарности труда и капитала, рабочего класса и буржуазии коренится в биологической первичной идее единства нации (или расы, так как часто эти понятия у них совпадают). Марксизм и Маркс в особенности убили национальную идею и тем самым убили нацию, ибо классовая борьба раскалывает нацию.

Отсюда идея абсолютного отрицания существования классов вообще, как это ни странно. Классы, с их точки зрения, не существуют, а стало быть не существует и не может существовать классовая борьба. Это выдумка Маркса, это марксовская легенда, которая нанесла-де столько зла и вреда нации.

Что же такое нация? Согласно всей указанной установке нация есть мистическая доминанта всех земных событий, как они выражаются, это есть мистическая целостность, которая имеет свое особое призвание, свою особую миссию на земле. В чем же ее миссия? Миссия нации заключается в том, чтобы сколотить солидарное единство всех элементов, всех отдельных частей. Я за краткостью времени не могу даже остановиться на категории целостности, структуры, части и пр., как они их развивают в противовес марксизму, а здесь нужно развить нашу положительную точку зрения, вообще противопоставить всему этому бреду наше учение, помогая политической борьбе наших товарищей в Германии, ибо по этой линии, я утверждаю, необходима сейчас самая ожесточенная и самая беспощадная борьба.

Одним из основных призваний всякой нации является создание государства, но не просто государства, а могущественного государства, ибо если нация есть идея сама по себе, то государство уже в гегелевском смысле — это объективация этой идеи, полное выражение и воплощение единства национального сознания. Сущность государства состоит в активности, в пробы сил. Отсюда вообще активистский характер фашистской концепции. Фашистское государство по самому существу своему представляет милитаристические и интервенционистские цели, ибо государство преследует задачу ведения войн. Это составляет как бы самую существенную особенность государства. Это объясняется тем, что война, как говорит французский фашист Валуа, есть вообще творец всякой культуры; или, как говорит Джованни Джентиле, итальянский фашист, только война есть высший акт проявления солидарности нации. Отсюда ясен наступательный, так сказать, милитаристский характер всякого фашистского государства.

Сюда нужно прибавить еще один момент, тоже чрезвычайно для нас важный и существенный, самый, я бы сказал, мошеннический элемент во всей концепции фашизма — это их «социализм». Ведь все фашисты — «социалисты». Фашисты в Германии называют себя национал-«социалистами», — значит они не только националисты, но и «социалисты». Что же это такое за социализм! Разве мы когда-нибудь, где-нибудь подвергали критике этот лже-социализм? Мы этого не делали, а между тем ведь это же является известным знаменем, вокруг которого мошенническим путем, мошенническими способами сплачивают так или иначе массы. Так как нация, национальная идея есть субстанция всего бытия народа, то все проявления его национальны: наука национальна, философия национальна, искусство национально, — и стало быть социализм национален.

Но что же это такое за социализм? В двух словах, не имея возможности развить эту тему, я должен сказать, что их «социализм» не что иное, как тот же национализм и этатизм. Это только другое название в целях сплачивания мошенническим, обманным путем масс вокруг своего знамени. Конечно никакого намека на социализм у них и быть не может, это же естественно. Под социализмом они понимают подчинение пролетариата нации и государству, подчинение пролетариата интересам нации, понимая под нацией, как дальше будет видно, конкретно только господствующий класс.

Отсюда, опять-таки чрезвычайно важный пункт, на который никакого внимания у нас не обращают, — возрождение сен-симонизма, т. е. попытка противопоставления марксизму сен-симонизма, т. е. попытка бороться с марксизмом при помощи сен-симонизма. Такие течения существуют. Я не буду говорить о Франции, где издаются специальные органы, об Италии, об итальянском фашизме, который открыто признает себя стоящим на позициях сен-симонизма и в особенности Баэра, — но та же установка существует фактически и в Германии, хотя они естественно не будут обращаться к французам, а находят своих предше-

ственников в лице немцев — Адама Миллера, отчасти Гегеля, Родбертуса, романтиков и т. д.

И вот марксизм и большевизм (в этой части, как впрочем и на других участках фронта, идет ожесточеннейшая борьба против большевистского коммунизма) противопоставляется тому, что они называют «государством производителей», стремясь возродить единое третье сословие: на почве идеи третьего сословия действительно в значительной степени стоял уже Сен-Симон.

Мне не придется уже остановиться специально на «диалектике» фашистов, где я вскрыл бы «открытые» ими «новые» законы, на их философских и исторических взглядах, которые противопоставляются марксизму. Но в двух словах укажу на следующее: «диалектический» процесс ведет, по их жульническим трюкам, к возвращению к феодализму. Феодализм — это тезис, капитализм — антитезис и неофеодализм — это синтез. Вот в двух словах то, что я могу сказать. Во всяком случае чрезвычайно специфическая лже-диалектика. При помощи сен-симонизма и «диалектики» они обосновывают далее свой «социализм» и идею возврата к третьему сословию.

В чем же смысл «государства производителей»? Почему они за это ухватаются, выдавая это за «социализм» и подчеркивая его противоположность большевистскому коммунизму?

Я должен подчеркнуть в этой связи, что под марксизмом они понимают только большевизм. Противопоставляя большевистскому коммунизму государство производителей, они вскрывают «преимущества» сен-симонизма перед марксизмом. Во-первых, сохраняется принцип частной собственности, затем отводится руководящая роль предпринимателю. Предприниматель — вот настоящий герой, пророк производства.

Предприниматель величается в Италии словами «Альто функционарио дель экономиа», или верховный функционер хозяйства; ему принадлежит руководящая роль. И преимущество этого «государства производителей» заключается еще в том, что оно разрешает «основной закон диалектики о единстве противоположностей», ибо он обеспечивает интересы капитала, он обеспечивает социальный мир, он устанавливает полное примирение классов. Далее, преимущества сен-симонизма заключаются в его иерархическом принципе, о котором я говорил. Третье сословие есть синтез пролетариата и буржуазии — синтез противоположностей.

В связи со всем сказанным надо еще упомянуть о сословно-корпоративном строе. Опять-таки страшное мошенничество, ибо этот строй, сословно-корпоративный, выдается за бесклассовое общество. Рабочие, вы хотите бесклассовое общество, — вот вам бесклассовое общество: мы уничтожим классы и создадим сословно-корпоративный строй. Отсюда и современная тенденция к феодализации науки и мышления. Но эта «феодализация» общества начинает приобретать конкретные черты, которые действительно напоминают феодальное крепостничество, когда открыто развиваются мысли и идеи о закреплении рабочего класса, о превращении рабочих в крепостных.

И мало того. Если вы думаете, может быть, что я преувеличиваю, то я вам приведу цитаты, где прямо говорится не только о закреплении, но о наследственном закреплении рабочих на данном заводе, на данной фабрике, на данном предприятии, о закреплении всего его будущего потомства предпринимателям.

Но отсюда конечно был бы естественен переход к фашистской лже-диалектике с ее своеобразными «специфическими законами», согласно которым каждые 140—150 лет меняются общественные формации и согласно которым точно высчитано (согласно движению «маятника истории»), что в 1933 г. должен прийти к власти Гитлер и его режим просуществует 150 лет и пр. И затем я должен был бы развить дальше установку социал-фашистов и показать, до какой степени социал-фашизм во всех этих пунктах, как это ни может показаться неожиданным

для многих, во всех этих пунктах примыкает и смыкается целиком с фашистами. Затем следовало бы перейти к тем задачам, которые стоят в связи со всем мною сказанным перед нами на философском и на общенаучном фронте как внутри нашей страны, так и на международной арене. Но мое время давно уже исчерпано. Скажу только, что необходима самая беспощадная борьба с современной идеологической реакцией и что марксизм-ленинизм является единственным учением, дающим теоретическую базу для расцвета науки, для революционной практики, подобно тому как диктатура пролетариата является единственным возможным выходом из современного кризиса капитализма.

Временная победа фашизма в Германии означает отлив революции¹⁾. И вот Гитлер убежден в том, что ему удастся уничтожить коммунизм, уничтожить марксизм, уничтожить революционный рабочий класс.

Но что такое отлив? Отлив есть только частный случай общего движения революции. Согласно чрезвычайно важной теории тт. Сталина и Ленина о волнообразном характере революции, революция никогда не развивается одной сплошной волной. Она развивается не путем прямолинейным, а путем зигзагов, путем приливов и отливов. Однако нет никакого сомнения, что хотя нашим товарищам в Германии предстоит тяжкие испытания, но эти испытания закалят их, и коммунистическая партия Германии выйдет из этих испытаний еще более окрепшей. Кроме того, когда мы говорим о мировой революции, то необходимо остановиться самым подробным образом на роли нашей социалистической системы во всей мировой капиталистической системе, на ее международном революционном характере, на революционизирующей ее роли во всем мировом пролетарском движении.

Итак, хотя имеется известный отлив, но этот отлив, диалектически понятый, означает накопление сил для нового натиска на твердыни фашизма, и мы убеждены, что в ближайшем будущем на развалинах фашистского режима будет водружено знамя диктатуры пролетариата и будет приступлено к построению бесклассового социалистического общества, ибо победа пролетариата неизбежна.

Внеочередное заявление

Деборин. Я хочу задержать ваше внимание всего только на 2 минуты.

Я, к сожалению, не мог вчера присутствовать на нашей сессии, но, по дошедшим до меня слухам, товарищи меня критиковали за употребленное мною в моем выступлении выражение «отлив революции».

Я должен сказать, что товарищи, которые критиковали меня в этой части, поступили правильно.

Мне хотелось представить нынешний момент в свете ленинско-сталинской теории волнообразного движения революции и показать как раз наоборот, что современное положение в Германии есть выражение крайнего обострения классовых противоречий и что временное отступление пролетариата происходит в условиях революционного подъема, в условиях вызревания в Германии революции.

¹⁾ Эта формулировка насчет «отлива революции» была подвергнута со стороны ряда товарищей критике. Я сделал на сессии внеочередное заявление, в котором признал, что употребленная мною формулировка неправильна. Но изменить и исправить оказанное в тексте выступления я считаю себя не в праве. Поэтому я позволяю себе в данном примечании подчеркнуть, что в мои намерения конечно не входило отрицание наличия в Германии революционного кризиса или провозглашение конца революционного подъема. Из всего моего выступления следует как раз обратное. Употребив выражение «отлив революции», я имел в виду временное отступление германского пролетариата для организации нового революционного наступления на твердыни капитализма.

онного кризиса. Такова была моя мысль. Но за краткостью времени мне не удалось развить ее. Употребив при этом выражение «отлив революции», я дал товарищам повод толковать мою мысль в том смысле, будто я признаю конец революционного под'ема и вызревания революционного кризиса. Но если б я стоял на этой точке зрения, то это значило бы ревизовать все установки Коминтерна, что, конечно, мне совершенно чуждо.

Поэтому я считаю, что критика была совершенно правильная, в стенограмме я сделаю соответствующее примечание.

Выступление М. Подволоцкого

Тов. Подволоцкий. Большинство выступавших по докладу товарищей делало правильно, когда брало темой для выступления отдельные проблемы и подвергало их более или менее детальному научному анализу. Я, к сожалению, не могу последовать их хорошему примеру. В связи с необходимостью критики позиций меньшевистствующего идеализма я должен буду взять ряд вопросов и поэтому естественно смогу рассмотреть их лишь в самой общей форме.

Прежде всего вопрос об отношении философии Маркса к предшествующей философии. Марксистское мировоззрение возникло как прямое продолжение всего предшествующего развития человеческой мысли и вместе с тем как прямая противоположность всем формам буржуазного мировоззрения. Возникновение марксистского мировоззрения было величайшей революцией в области идеологий. Борьба двух мировоззрений — буржуазного и коммунистического — характеризует собою все идеологическое развитие с тех пор. Мы не поймем всей сложной и многообразной идеологической борьбы, если не сведем ее к борьбе двух мировоззрений, если не увидим, что сама эта борьба идей, борьба двух мировоззрений есть лишь выражение борьбы классов — пролетариата и буржуазии, есть лишь теоретическая форма классовой борьбы.

Мы не сможем правильно понять отношений между марксистской философией и предшествующей философией, если не поймем, что диалектический материализм есть философия пролетариата, что он является прямой продолжением и вместе с тем прямой противоположностью всей предшествующей философии, что все направление буржуазной философии нужно рассматривать лишь как различные формы буржуазного мировоззрения.

Материалистическую диалектику мог создать только пролетариат. Буржуазия не только не может подняться до материалистической диалектики, но буржуазная философия является прямой противоположностью материалистической диалектики.

Каковы основные черты буржуазного мировоззрения, буржуазной философии? Основа основ этого мировоззрения — признание капиталистического общества единственно нормальной вечной формой человеческого общества. Поэтому идеалистическое понимание истории является необходимой чертой всей буржуазной философии. Отсюда невозможность в ней последовательного материализма. В буржуазной философии, особенно в период империализма, господствует идеализм, и буржуазное мировоззрение связано с религией. Но и в годы под'ема, когда буржуазия могла подняться до материалистической философии и атеизма, буржуазный материализм не был и не мог быть последовательным материализмом. Буржуазная философия не создала и не могла создать также последовательно диалектического, последовательно исторического взгляда на природу и общество. Поскольку капиталистическая форма общества признается вечной, точка зрения последовательного историзма, развития в понимании человеческого общества, исключилась сама собою.

Буржуазная философия в лучшем случае могла применить историческую точку зрения по отношению к прошлому человеческого общества, но не по отношению к будущему. Буржуазное мировоззрение не может также создать последовательно исторического, диалектического взгляда на природу, не может создать сознательно диалектического естествознания, несмотря на накопление в этом направлении колоссального материала и на гигантские успехи в отдельных областях. Это прекрасно показал кризис современного естествознания. Отрыв теории от практики, исключение материальной практики из теории познания является важнейшей чертой буржуазной философии. И наконец метафизичность, абстрактность свойственны всем формам буржуазной философии. Следовательно буржуазная философия никогда не была ни последовательно научной, ни последовательно революционной. Я не говорю уже о реакционности современной буржуазной идеологии, — об этом здесь говорили. Но если вы возьмете две высочайших вершины, до которых поднималась буржуазная философия (и до которых ей больше не подняться!), — я имею в виду механический материализм французов XVIII в. и Фейербаха и идеалистическую диалектику Гегеля, — то вы убедитесь, что основные черты ограниченности буржуазного мировоззрения свойственны и им, что и они являются прямой противоположностью материалистической диалектики — философии пролетариата.

Механический материализм и натурализм были боевым знаменем буржуазии в борьбе против феодализма. Но этот материализм был ограниченным и неполнозначным. Он сочетался с идеализмом в понимании человеческой истории. Он был метафизичен по существу. Отсутствие исторической точки зрения, точки зрения развития в понимании общества, природы и мышления, созерцательность, отрыв теории от практики суть его основные черты. Поэтому он брал отношение мышления к бытию, как это отмечает Энгельс, только с точки зрения содержания, но не мог разрешить его с точки зрения формы. Теория познания механического материализма была ограниченной.

Гегель создал и мог создать только идеалистическую диалектику. Причины этого не только в том, как это иногда трактуют, что Гегель жил в условиях отсталой Германии. Отсталость и немощность немецкой буржуазии конечно наложили свой отпечаток на идеалистическую диалектику Гегеля. Но Гегель, оставаясь на буржуазной точке зрения, не мог создать никакой иной диалектики кроме идеалистической. А идеалистическая диалектика была связана с теми чертами ограниченности буржуазного мировоззрения, о которых я уже говорил. Идеалистическая диалектика не могла последовательно проводить точки зрения развития, историзма являющейся стержнем диалектики. Несмотря на то, что Гегель выдвинул идею самодвижения, развития, историзма и, по свидетельству Энгельса, обладал громадным историческим чутьем, он не мог последовательно провести этой точки зрения — развития, историзма.

В понимании общественного развития точка зрения историзма применяется им только по отношению к прошлому развитию добуржуазного общества, но не к будущему. Капиталистическая форма общества завершает развитие. Развитие познания кончается на буржуазной форме сознания, и именно — системой Гегеля. В природе для Гегеля нет развития во времени, нет историзма. Развитие перенесено вообще в сферу духа, объективный материальный мир не имеет самодвижения, развития, не обладает имманентной ему диалектикой. Этот идеалистический ограниченный характер проходит через понимание всех категорий диалектики. Достаточно привести пример закона единства противоположностей, в котором перенесение противоречий в сферу духа ведет к притуплению, примирению, снятию противоречий в действительности. Идеалистическая диалектика поэтому, по словам Маркса, набрасывает покрывало на существующее положение вещей. Идеалистический характер диалектики Гегеля придавал ей и всей системе Гегеля абстракт-

ный спекулятивный характер, который вместе с тем неизбежно был связан с самым поверхностным эмпиризмом.

Для идеалистической диалектики Гегеля был также характерен отрыв теории от действительной материальной практики, хотя и в иных формах, чем для метафизического, созерцательного материализма. Хотя и в «Логике» и в «Феноменологии» Гегель неизменно развивает действительную сторону, подчеркивает значение труда, практики и самую абсолютную идею выводит из единства теоретической и практической идеи, но для него как для идеалиста практика в своей основе есть духовная практика, труд — духовный труд. Поэтому действительная сторона, говорит Маркс, понималась Гегелем абстрактно, так как идеализм не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Поэтому разрыв между теорией и действительной материальной практикой характерен для идеалистической диалектики. Аналогично идеалистическое понимание истории Гегеля, имеющее основу в развитии абсолютного духа, устраняет революционно практическую деятельность масс. К этому необходимо добавить, что революционный метод Гегеля сочетался с реакционными политическими выводами.

Единство логического и исторического понималось в том смысле, что логическое определяет историческое.

И последнее в связи с Гегелем — идеалистическая диалектика не могла решить основного гносеологического вопроса о единстве мышления и бытия, оставившись, как и всякий идеализм, на их тождестве.

Итак, две высочайших вершины, до которых могла подняться буржуазная философия, несут на себе все черты ограниченности буржуазного мировоззрения.

Мировоззрение Маркса, философия марксизма — диалектический материализм — является прямой противоположностью буржуазной философии в целом. Мировоззрение Маркса есть коммунистическое мировоззрение. Оно есть новая форма сознания, — самосознание пролетариата. Оно не является продуктом простого логического развития идей, а продуктом новой эпохи, нового класса — пролетариата. Оно возникло вместе с тем из критики с точки зрения пролетариата всей совокупности знаний, достигнутых человечеством под гнетом классового общества или, как образно сказал Маркс, он от лица пролетариата творил «суд истории» над всей предшествующей идеологией.

Основа основ буржуазного мировоззрения, говорил я, лежит в признании вечности капиталистического строя, капиталистической эксплуатации и свойственных им форм идеологии. Основное в марксистском мировоззрении — доказательство неизбежности революционного превращения капитализма в коммунизм, учение о революционной диктатуре пролетариата. Тот основной факт, что Маркс был идеологом пролетариата, что он выработал научный коммунизм, что на заре капитализма он увидел его гибель, — это и только это дало Марксу возможность последовательно революционно, диалектически, исторически понять развитие человеческого общества и создать действительно революционное коммунистическое мировоззрение.

Маркс в выработке своего мировоззрения шел от революционно практической, политической деятельности. Еще в 1842 г. Маркс говорит о связи философии и политики, о необходимости вынести философию на страницы газет. В письме к Руге в 1843 г. Маркс считает недостатком Фейербаха то, что он в своей философии говорит только о природе и не говорит о политике. Между тем, пишет Маркс, только союз философии с политикой может сделать философию правильной. В «Введении к «Критике гегелевской философии права» Маркс уже провозглашает союз философии и пролетариата. Философия, находя в пролетариате материальное орудие для своего осуществления, дает пролетариату идейное орудие в его классовой борьбе. Связь философии с политикой, с революционной практикой дается далее в тезисах о Фейербахе и во всех дальнейших работах и развивается в исторический материализм и научный коммунизм. В основе философской борьбы Маркса против младегегельянцев, Фейербаха, истинного социализма и пр. лежала политическая борьба против них. Диалектический материализм Маркс выработал

в ходе революционной борьбы. Дело не обстояло таким образом, что Маркс просто применил материализм Фейербаха к пониманию истории и получил исторический и диалектический материализм, но, вырабатывая революционную тактику рабочего движения, вырабатывая в политической борьбе исторический материализм. Маркс создает вместе с тем диалектический материализм, создает целостное коммунистическое мировоззрение.

Марксистское мировоззрение, марксистская философия, являясь прямой противоположностью всех форм буржуазной философии, характеризуется и прямо противоположными чертами.

Буржуазная философия дает идеалистическое понимание истории. Марксистская философия дает материалистическое понимание истории. Буржуазная философия не может дать последовательного материализма. Марксистская философия дает последовательно материалистическое мировоззрение. Буржуазная философия не может создать материалистической диалектики и могла подняться лишь до диалектики идеалистической. Марксистская философия создает материалистическую диалектику. Буржуазная философия, в том числе и идеалистическая диалектика, не может дать точки зрения последовательного историзма. Марксистская философия, и только она, последовательно проводит точку зрения развития, историзма и в понимании природы и в понимании общества.

Еще в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс установили, что существует единая наука, наука истории, которая разделяется на историю природы и историю человеческого общества. И у домарковского материализма и у Гегеля было анти-историческое понимание природы. Марксистская философия дает исторический взгляд на природу. Только марксистская философия развивает последовательно историческую точку зрения на общество, применяя ее не только к прошлому, но и к будущему, и тем самым дает основу для революционно практической деятельности. Буржуазная философия носит черты абстрактности, материалистическая диалектика конкретна по самому своему существу. Отрыв теории от практики, исключение материальной практики из теории познания — необходимая черта буржуазной философии. Напротив, марксистская философия исходит из неразрывного единства теории и практики, кладет всемирно историческую практику в основу теории познания. Только марксистская философия является последовательно научной и революционной.

Из сказанного видно, как ошибочны взгляды Плеханова, считавшего, что Маркс и Энгельс в области теории познания ограничились лишь внесением поправок к теории познания Фейербаха. Из сказанного видно ошибочность позиций меньшинствующего идеализма, рассматривавшего марксистскую философию как соединение диалектики Гегеля и материализма Фейербаха, а то и вообще как синтез всевозможных философских направлений. Этот взгляд, который мы находим и у т. Деборина, извращал понимание марксистской философии и ее отношение к философии буржуазной. Он вел также к неправильному пониманию истории философии, когда при рассмотрении различных философских систем прошлого (Спиноза, Гегель, Фейербах и др.) стиралась противоположность между ними и марксистской философией.

Материалистическая диалектика, говорит Ленин, есть учение о развитии в его наиболее полном и свободном от односторонности виде. Только она дает последовательно исторический взгляд на общество и на природу, только она рассматривает их в развитии, находит источник самодвижения в самой природе и обществе. Следовательно только на почве материализма возможен действительно диалектический взгляд на природу и общество. Но одно дело, говорит Энгельс, признать идею развития в общем, на словах, и другое дело — применять ее в каждом отдельном случае, в каждой отдельной области исследования. Диалектика требует конкретного исследования каждой конкретной формы движения. Материалистическая диалектика враждебна всякому схематизму. В этом она противоположна идеалистической диалектике, которая неизбежно имеет абстрактный характер. И в иссле-

довании конкретных областей внимание Гегеля направлялось не на исследование конкретных закономерностей конкретного предмета, а на то, чтобы свести конкретное содержание к абстрактным логическим категориям. Гегельянцы понимали все, говорит Маркс, если только это все можно было свести к какой-нибудь гегелевской логической категории. Их интересовали не логика дела, а дело логики. Прямой противоположностью этого метода является метод Маркса. Материалистическая диалектика, конкретная по своему существу, требует конкретного исследования, конкретных закономерностей. Разработка конкретной диалектики, применение материалистической диалектики к переработке политической экономии, к философии, к истории, к естествознанию, к политике и тактике рабочего движения, говорит Ленин, вот что вносит Маркс наиболее существенного и наиболее нового, вот в чем его генеральный шаг вперед в истории революционной мысли.

Вся теория, вся политика и тактика Ленина и Сталина являются дальнейшим гениальным развитием материалистической диалектики. Учение об империализме и его противоречиях, о развитии пролетариата в классовой борьбе, учение о диктатуре пролетариата и о формах классовой борьбы и классовых противоречий в эпоху диктатуры пролетариата, учение о том, что антагонистические классовые противоречия не примирятся, а насильственно уничтожаются, что классы могут быть уничтожены только в классовой борьбе, что уничтожение классов достигается не путем потухания, а путем усиления классовой борьбы, учение т. Сталина о ликвидации кулачества как класса, о классовой борьбе в реконструктивный период — все это является гениальнейшим развитием диалектики и ее основного закона единства и борьбы противоположностей, развития ленинского понимания этого закона, что борьба противоположностей абсолютна, единство же их относительно. И правые и «левые» оппортунисты ревизуют учение Ленина и Сталина, ревизуют ленинскую диалектику и ленинское понимание ее основного закона, подменяют конкретную диалектику абстрактной, формально-логической схемой.

Бухарин, как вы знаете, заменяет материалистическую диалектику теорией равновесия, тем самым отбрасывая внутреннее противоречие, «внутреннее возникновение различий» (Ленин), самодвижение, заменяя его механическим столкновением внешних друг другу сил, переносит источник движения во-вне, конкретную и «хитрую» диалектику заменяет механической абстрактной схемой, уклетишкой. Если для Ленина борьба противоположностей абсолютна, их единство относительно, то у Бухарина основой, абсолютным является равновесие, борьба противоположностей есть лишь момент нарушения равновесия. Она относительна. Отсюда притупление, примирение противоречий. Отражение такого понимания противоречий в политике мы находим у Бухарина в его проповеди примирения классовых противоречий, мирного отмирания классов, вращающегося кулака в социализм, затухания классовой борьбы, плавного хода развития и т. д., в его «теории» равновесия на слабые звенья, равновесия секторов хозяйства и их самостоятельного развития, в повторении социал-фашистской теории «организованного капитализма» и т. п.

Левый оппортунизм, подменяя материалистическую диалектику формальной логикой, субъективизмом, софистикой и воспроизводя вместе с тем и механистическую ревизию, ревизует конкретную ленинскую диалектику, заменяя ее абстрактной, формально-логической схемой.

Абстрактность, превращение марксизма в ответшальные догмы, замена диалектики формальной логикой, софистикой, характерны для всякого ревизионизма.

Если присмотреться к позициям, которые занимали мы, к позициям меньшевистствующего идеализма, то конкретная ленинская диалектика заменялась абстрактно-логическими схемами без конкретного исследования социалистического строительства в СССР и международного революционного движения, без исследования теоретического наследства Маркса—Энгельса—Ленина и трудов т. Сталина, без исследования всего современного развития науки.

Я уже говорил о том, что Маркс в выработке своего мировоззрения шел от революционно практической, политической деятельности и положил в основу своей теории познания всемирно историческую практику, включающую в себя как свою высшую форму революционную, «практически-критическую» деятельность. Единство философии и политики, теории и практики является душой материалистической диалектики как теории познания. Она могла быть создана только на этой основе.

Вся домарксовская философия не объясняет материалистически логики развития форм сознания, образования форм и категорий логики. Метафизический, созерцательный материализм мог подняться до материалистического решения вопроса об отношении мышления к бытию только с точки зрения содержания, но не с точки зрения формы. Эмпиризм неизбежно впадает в субъективизм и идеализм в понимании понятий, категорий. Формальная логика не ставит вопроса об отношении мышления к бытию, об объективной истинности понятий, категорий логических форм и познания вообще. Об ограниченности идеалистической диалектики Гегеля я уже говорил.

Только материалистическая диалектика решает основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию — во всем его объеме: и с точки зрения содержания и с точки зрения формы, материалистически объясняет исторический процесс познания, развитие форм сознания, образование логических форм и категорий и их объективную истинность. Суть дела заключается именно в том, что материалистическая диалектика, и только она, последовательно материалистически и во всей полноте решает основной вопрос философии об отношении мышления к бытию, вопрос об объективной истине, рассматривает законы мышления как отражение законов развития материальной действительности. Именно поэтому материалистическая диалектика и является теорией познания и при этом до конца последовательной, высшей формой материалистической теории познания, которая окончательно бьет всякий идеализм.

Рассматривая исторически природу и общество, материалистическая диалектика равным образом исторически решает вопрос об отношении мышления к бытию, вопрос об объективной истине, рассматривает мышление исторически, применяет диалектику к теории отражения, к процессу и развитию познания.

Основная беда метафизического материализма, говорит Ленин, заключается в том, что он не умел применить диалектику к *Bildertheorie*, к процессу и развитию познания. Диалектическая логика рассматривает отражение объекта в сознании, познание объективной истины не мертво, не абстрактно, не как простое, непосредственное отражение, а как исторический процесс познания во всей его полноте, как противоречивый, скачкообразный спиралевидный процесс развития, включающий в себя и чувственность и переход к образованию ряда абстракций, формулирования, образования понятий, законов, включающий в себе как свою основу и критерий истины практику. Диалектическая логика объясняет материалистически исторический процесс развития форм, ступеней познания и возникающих в нем категорий логики. Все понятия, все формы связи и категории логики являются отражением законов материальной действительности. Диалектика субъективная отражает диалектику объективную. Материалистическая диалектика показывает единство законов мышления и бытия, показывает, как законы развития материального мира, «переведенные и переработанные» в человеческой голове, становятся законами мысли. Материалистическая диалектика устанавливает объективную истинность форм и категорий логики. Не психология, не феноменология, а логика-вопрос об истине, говорит Ленин и замечает, что в таком понимании логика совпадает с теорией познания.

Поскольку же материалистическая диалектика рассматривает и объект и мышление исторически, поскольку она рассматривает категории логики как исторически возникшие в процессе познания и отражающие в своей логической связи ход исторических ступеней познания и субординацию связей действительности.

рассматривает логику как итог истории мысли на основе всемирно исторической практики,—она разрешает вопрос о соотношении логического и исторического, о соотношении абсолютной и относительной истины.

Материалистическая диалектика могла решить во всей полноте вопрос об отношении мышления к бытию, вопрос об объективной истине потому, что она кладет в основу теории познания всемирно историческую практику, потому, что она рассматривает не отношение абстрактного субъекта к объекту (как это делал Фейербах), рассматривает человека не только как природное существо, а берет человеческое общество в его историческом развитии и развитие мышления в нем. Единство человека и природы мы находим в человеческом обществе, в практике, промышленности. Сама же практика понимается Марксом не абстрактно, а как всемирно историческая практика, исторически изменяющаяся, включающая в себя как свою высшую форму всю общественную, всю революционную практику, борьбу классов и партий, а развитие форм сознания рассматривается как обусловленное развитием общественных отношений, классовой борьбой.

Только кладя практику в основу теории познания, только рассматривая исторический материализм как неразрывную часть философии марксизма, мы можем материалистически объяснить историю познания, историю развития форм, ступеней познания в связи с развитием производства, развитием общественных отношений.

Практика является основой образования всех форм и фигур логики. Ленин в конспектах доказывает, что все фигуры и категории логики рождаются в практике, что практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в виде фигур логики в сознании человека. Я, к сожалению, не имея с собою никаких материалов, не могу процитировать вам гениальных положений Ленина о роли практики в логике. Ленин рассматривает процесс познания, включающий как свою основу практику и технику. Орудие труда—общественно организованное производство—служит орудием в познании объективного мира, орудием в проверке идей. Практика, общественные отношения включаются в логику. Но вместе с тем сама практика развивается в неразрывной связи с теорией. Путь к объективной истине лежит через единство теоретической и практической деятельности на основе практики. Практика является поэтому как источником познания, так и критерием истинности познания. Практика доказывает истинность материалистической теории познания. Если включить критерий практики в основу теории познания, говорит Ленин, то мы неизбежно получим материализм. Все мистерины, которые заводят теорию в мистицизм, пишет Маркс, получают свое рациональное решение в практике и в понимании практики. Только включение практики в теорию познания дает основу для материалистической диалектики как теории познания. Обратно—отрыв может привести и приводит к идеализму.

Марксистско-ленинская философия складывалась и развивалась на основе революционной практики. Маркс мог создать свою единственно революционную и научную философию потому, что он исходил из революционной практики, потому, что он подходил с точки зрения пролетариата, подходил партийно. Дальнейшее развитие марксистской философии Лениным и Сталиным идет в неразрывной связи с руководимой ими революционной борьбой пролетариата, диктатурой пролетариата и строительством социализма. Теория, говорит т. Сталин, есть опыт революционного движения всех стран, взятый в его общем виде. Теория становится беспредметной, если она не связана революционной практикой, но она становится величайшей силой, если складывается в неразрывной связи с революционной практикой. Именно поэтому теория марксизма является руководством для революционного действия. Но сама революционная практика может развиваться только в теснейшей связи с революционной теорией. Практика без теории слепа. Без революционной теории не может быть революционного движения.

Ученые лакеи буржуазии видят в единстве теории Маркса с революционной борьбой признак ее ненаучности. В действительности же Маркс мог создать единственно научную теорию только потому, что он руководил революционной борь-

бой пролетариата, что он подошел к ней с партийных позиций, и обратно: его теория стала руководством для революционного действия, стала всецельной потому, что она верна, научна. Учение Маркса всецельно потому, что оно верно, говорит Ленин. Вся практика и теория марксизма партийны по самому своему существу.

Мы не поймем той революции, которая происходит в сознании трудящихся нашего Союза, если не увидим основы этого процесса в революционной практике, в социалистическом строительстве, если не поймем решающего значения в этом изменении сознания диктатуры пролетариата и руководящей роли нашей партии, вооруженной революционным учением Маркса—Энгельса—Ленина и Сталина.

Без понимания всей роли нашей партии, вооруженной революционной марксистско-ленинской теорией, в изменении форм сознания, в дальнейшем развитии марксистско-ленинской теории, без понимания того, что разработка теории, разработка марксистско-ленинской философии может идти только в неразрывной связи с революционной практикой и на основе ее, только в борьбе за генеральную линию партии, неизбежен отход от марксистско-ленинской философии, неизбежна ее ревизия.

Единство революционной практики и революционной теории, философии и политики, единство научности и партийности составляет суть марксистской философии. Именно в этих вопросах меньшевистствующий идеализм ревизовал марксистскую философию. Мы отрывали философию от политики, от революционной практики, от задач переходного периода. ЦК правильно указал, что ни одна из проблем социалистического строительства не была нами поставлена и теоретически разработана. Отрыв теории от практики составляет характерную черту ревизионизма. Меньшевистствующий идеализм воскрешал эту характерную для II интернационала черту—отрыв теории от практики.

Теория и практика марксизма партийны по самому своему существу. Отрыв теории от революционной практики, отрыв философии от политики был связан с отрывом философии от задач партии, с отрывом философии от борьбы за генеральную линию партии. Партийным в философии является только тот, кто борется за генеральную линию партии. Отрыв философии от борьбы за генеральную линию партии, непроведение партийности философии характерны для меньшевистствующего идеализма. Более того, некоторые из активных руководящих представителей меньшевистствующего идеализма, как Стэн и Карев, вели борьбу против партии, вели антипартийную борьбу. Эта борьба привела Стэна в ряды антисоветской контрреволюционной группы Рютин—Слепкова. Так меньшевистско-идеалистическая ревизия марксистско-ленинской философии смыкалась здесь с борьбой против генеральной линии партии и служила этой борьбе.

Но я сказал бы не все, если бы ограничился этим. Важнейшей чертой всей позиции меньшевистствующего идеализма является непонимание ленинского этапа в развитии диалектического материализма.

В философской дискуссии мы иногда указывали на отдельные фразы, имевшиеся в наших работах, которые говорили, что Ленин поднял философию марксизма на новую, высшую ступень. Но все это, товарищи, были именно фразы. Суть, содержание ленинского этапа, содержание того нового, что внесли Ленин и Сталин в сокровищницу диалектического материализма, подняв марксистскую философию, как и весь марксизм, на высшую ступень, не было понято. Значение Ленина и Сталина в философии было недооценено и не понято.

Важнейшая задача, стоящая перед нами,—исследование ленинского этапа в развитии диалектического материализма, изучение того грандиозного теоретического содержания, которое дал Ленин, развивая, поднимая на новую ступень диалектический материализм, которое дал т. Сталин, развивая далее марксизм-ленинизм, марксистско-ленинскую философию.

Товарищи, Центральный комитет нашей партии и т. Сталин правильно указывали нам, что мы скатились на позиции меньшевистствующего идеализма. Цен-

тральный комитет и т. Сталин указали нам, как нужно понимать марксистско-ленинскую философию, и указали единственно правильный путь работы на философском фронте. Задача всех членов партии, особенно тех, которые ошибались,—повести самую упорную борьбу против механистической и меньшевистско-идеалистической ревизии диалектического материализма, настойчиво, по-большевистски взяться за выполнение задач, указанных т. Сталиным.

Наша ошибка состояла не только в том, что мы занимали неверные позиции, но и в том, что мы значительное время упорствовали на них и недостаточно включались в работу за проведение линии партии на философском фронте.

Я вспоминаю нашу борьбу с механистами. Мы боролись против них крепко. Мы активно боролись также за наши неправильные позиции. Тем более теперь мы должны с величайшей активностью бороться за линию партии на философском фронте. Мало признать ошибки. Необходимо на деле вести упорную борьбу за линию партии.

Вождь нашей партии и мирового пролетариата т. Сталин указал нам единственно правильный путь работы на философском фронте. Все члены партии, работающие на этом фронте, должны по-большевистски, по-партийному повести борьбу против всех форм ревизии марксизма-ленинизма, борьбу за генеральную линию партии, должны по-большевистски работать над исследованием ленинского этапа в развитии диалектического материализма, над исследованием проблем социалистического строительства, над изучением и пропагандой мировоззрения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

(Пособие для комвузов и социально-экономических вузов. Под редакцией И. Широкова и Р. Янковского. Составлено бригадой Института Философии Ленинградского отделения Комкадемии, ч. 1, Партиздат, тираж 50 т.).

Создание популярного, теоретически выдержанного партийного учебника по философии марксизма-ленинизма, притом учебника стабильного, — дело исключительно серьезное, уже давно остро назревшее, дело ответственное. Учебник — оружие пропаганды диалектического материализма для десятков и сотен тысяч строителей социализма. Вооружить массы борцов за социализм материалистической диалектикой — это значит вооружить их революционным методом Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, теоретическим оружием, при помощи которого большевики берут самые сильные крепости в мире. Диалектика — острейшее оружие пролетариата и его авангарда для победы над всем старым миром, для уничтожения классов путем ожесточенной классовой борьбы пролетариата за социализм. Пропаганда диалектического материализма есть одно из важнейших условий развертывания культурной революции, творчества пролетарской социалистической культуры, изживания пережитков капитализма в экономике и сознании людей, изживания религиозных предрассудков масс, подготовки кадров социалистического строительства, т. е. решения центральной проблемы культурной революции. Отсюда ясны громадные требования к учебнику. Задачей учебника является систематическое, принципиально выдержанное, теоретически четкое, популярное, т. е. ясное и живое изложение диалектического материализма. Учебник, рассчитанный на комвузовца и вузовца, которые работают также и по первоисточникам, должен быть введением и пособием при изучении классиков марксизма-ленинизма, отнюдь не пытаясь «заменить» классиков, т. е. он должен быть небольшим по объему и стабильным, приспособленным к программе. Между тем коренными недостатками большинства вышедших в прошлом и этом году учебников являются недопустимо тяжелый, абстрактный, прямо таки варварский язык, нечеткость изложения, обилие ошибок, низкий теоретический уровень, отсутствие единства, цельности, последовательности, логической стройности изложения, бесконечные повторения, неряшливость и в довершение всего такая «пухлость» и «объем», от которых невольно становится читателю. До сих пор нет стабильного, устойчивого учебника. Большинство указанных недостатков болеет и рецензируемое нами пособие, первая часть которого занимает 368 страниц, охватывая примерно $\frac{1}{10}$ комвузовской программы по диалектическому и историческому материализму. Сколько же должен занять весь учебник, охватывающий всю программу? Не менее $3\frac{1}{2}$ тыс. страниц. А по расчетам Коллегии Наркомпроса вся литература к программе диалектического и исторического материализма должна быть не больше 1 тыс. страниц. При этом ведь основную часть этой литературы должны составлять произведения классиков марксизма. На кого же тогда рассчитывает пособие? Вернее на чей и какой бюджет времени?

Язык пособия также местами чрезвычайно непопулярен, во многих местах изложение сухо, абстрактно. Примеров, как правило, приводится много. Но ведь сами по себе примеры не создают еще популярности изложения. Именно примеры и требуют ясного, умелого теоретического анализа, без которого примеры порой затрудняют даже понимание существа дела. У нас еще часто диалектику превращают в «сумму примеров», не умея изложить сути дела. А Ленин, имея это в виду, говорил, что нам нужны не «примеры», не отступления от предмета изучения, а изучение диалектики как самого богатого, полного и всестороннего учения о развитии объективного мира и познания. Но, как увидим ниже, выяснение предмета материалистической диалектики как философской науки—как раз самая слабая сторона учебника. Установка и направление изложения вопросов в основном правильны, если не считать первой и второй главы. Но не только в важнейших главах, но и в других частях книги есть ряд теоретических и политических ошибок.

Основным принципиальным недостатком I главы является отсутствие ясного понимания предмета диалектического и исторического материализма. Изложение основного вопроса философии дается преимущественно на материале общественных наук и общественного развития. Отсутствие ясного диалектического различения предмета теории познания и предмета исторического материализма приводит авторов к неправильному утверждению, что проблема мышления и бытия материалистически впервые решена лишь Марксом и Энгельсом. Здесь правильное смешано с неправильным. Верно конечно, что лишь Маркс и Энгельс решают последовательно до конца материалистически и диалектически этот вопрос, достраивая материализм «доверху», распространив материализм на познание развития общества, разрешив вопрос об отношении общественного бытия и сознания. Вообще же вопрос об отношении мышления к бытию решался в основном правильно и все более конкретно и предшествующими материалистами в их борьбе с идеализмом и религией. Отрицать это значит зачеркивать всю историю борьбы материализма с идеализмом в течение двух с половиной тысяч лет. Автор этой главы игнорирует здесь основной принцип диалектики—исторический подход к вопросу, что диалектический материализм есть продукт длительного исторического развития, что он опирается на все научные приобретения старого материализма. Совершенно неслучайно Ленин в своей основной философской работе, борясь против махизма, обращается к истории философии, прослеживает борьбу двух партий в философии на протяжении всей истории философии. Борясь с махистами, Ленин противопоставляет им не только Маркса—Энгельса, но и Фейербаха, поскольку речь идет о решении основного вопроса философии. Бесспорно, что без понимания общественного характера познания человека, без теории исторического материализма философский материализм не завершен до конца, ибо без этого нет конкретного исторического понимания субъекта и объекта, практики как критерия истины и основы познания. Но ведь вопрос тут не в этом. Первая глава (материализм и идеализм) должна была дать ответ на вопросы:

1. Почему вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе является основным возвышеннейшим вопросом всякой философии?
2. Каковы две стороны в решении этого основного вопроса?
3. На какие два основных противоположных и непримиримых лагеря распадаются философы в зависимости от ответа на этот вопрос?
4. Почему самой «гнусной партией» является партия «середины» в философии?

Автор главы не подводит читателя к тому, почему вопрос об отношении мышления к бытию является основным вопросом всякой философии, а прямо догматически излагает вопрос об идеализме и материализме. Причем характеристика исторических форм материализма дается не с точки зрения условий своей эпохи, вне конкретных условий борьбы классов и двух партий в философии.

Первая глава не вполне выполняет своей цели—вести в круг проблем материалистической диалектики. Уже в первой главе должна быть дана четкая поста-

новка вопросов борьбы на два фронта — против механицизма и меньшевистствующего идеализма, чтобы в последующих главах дать более полную и конкретную критику этих ревизионистских направлений. Однако в первой главе не установлено, почему механицизм является главной опасностью на теоретическом фронте. Не четка, не достаточна, а значит и неправильна формулировка о «системе ошибок деборинской группы» как «скатывающейся к меньшевистствующему идеализму» (стр. 29), ибо их система ошибок и есть меньшевистствующий идеализм. По изложению не понять даже, кто скатывается к идеализму: деборинская группа или «система ошибок».

Необходимо было подчеркнуть, что меньшевистствующий идеализм есть не просто система ошибок, а система ошибок по коренным или, как сказано в решении ЦК о «ПЗМ», по «важнейшим вопросам» диалектического материализма. Совершенно смазана связь меньшевистствующего идеализма с современным неогегельянством и не вскрыта гегельянская в основном ревизия марксизма деборинской группой. Совершенно неверна также мысль, будто современное неогегельянство и меньшевистствующий идеализм суть идеология «представителей мелкой буржуазии, настроенных оппозиционно, а иногда и революционно (?) к капитализму» (стр. 97). Меньшевистствующие идеалисты выступали, как известно, «оппозиционно» не против капитализма, а против ВКП(б), против коммунизма, против ленинизма. Мы не будем говорить уже о неогегельянстве как идеологии фашизма и социал-фашизма.

В учебнике не дана также критика деборинщины в истории философии (оценки Декарта, Спинозы, французских материалистов, Фейербаха и т. д.). Автор главы т. Тимьянский критикует механистическую оценку Декарта, но не дает критики оценок Декарта, Спинозы и т. д. меньшевистствующим идеализмом. Из других недочетов этой главы можно отметить, что не установлена связь меньшевистствующего идеализма с «левым» оппортунизмом и троцкизмом, не показаны эклектизм деборинской группы, связь махизма с кризисом новейшего естествознания в условиях империализма, в то время как Ленин именно за это считал плехановскую критику махизма «издевательством над духом диалектического материализма».

*
*
*

Коренной недостаток второй главы — отсутствие постановки и освещения вопроса о предмете материалистической диалектики; не дано изложения ленинского понимания о единстве (совпадении) диалектики, логики, теории познания и философии марксизма. Между тем ясно, что без изложения этого вопроса нельзя поставить правильно ни одного вопроса диалектического материализма, нельзя понять ленинской критики Плеханова в этом вопросе. Авторы прямо начинают с вопроса о практике, очевидно не понимая, что практика здесь должна рассматриваться как вопрос теории познания, как часть более общего и основного вопроса об отношении мышления к бытию.

Конечно «практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» (Лен. сб. IX, стр. 261).

Примат практики, являющейся основой и движущим мотивом познания, бесспорен для марксиста, но тем не менее и практика и познание имеют дело с объективным миром. Ленин и Сталин всегда выступали против вульгарно-эмпирического понимания примата практики, а тем более против махистского, богдановского понимания практики. Авторы пособия своей постановкой вопроса о практике как раз совершают ошибку по этой линии, не понимают ленинской критики богдановского идеалистического понимания практики и критики т. Сталиным вульгарно-эмпирического понимания примата практики.

Неслучайно в трактовке практики авторы не могут отмежеваться от Богданова, а подчас и скатываются к нему.

Авторы, исходя из мысли, что «у каждого общественного класса существует определенный критерий практики» (стр. 109, 121), избегают выводов о «множественности истин» путем отрицания существования объективной истины до возникновения марксизма; они вынуждены доказывать, что практика всех других классов дает только извращенное познание действительности. А это ведет авторов к «голому», «зряшному» отрицанию всего предшествующего развития науки. Именно поэтому автор II главы не может правильно поставить вопроса о развитии науки в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществе. Все прежние формы мышления—первобытно-родового, античного, феодального—рассматриваются «вообще» как извращенное отражение внешнего мира (см. стр. 137—147).

Это усугубляется тем, что вся совокупность всемирно исторической практики человечества сводится к политике, к практике политической борьбы пролетариата против капитализма (см. стр. 133, 135, 139, 141, 145). Получается недопустимое упрощенство вопросов, все содержание материалистической диалектики сводится к учению о диктатуре пролетариата, выбрасываются по существу диалектика природы, вся предшествующая история общества «всемирно историческая общественная практика» и история науки, история самой диалектики. Ленин же подчеркивал, что в основу разработки материалистической диалектики как теории познания необходимо положить всю совокупность общественной практики человечества, необходима диалектическая обработка всей истории науки и техники. Непонимание Фейербахом условий революционной критической практической деятельности, т. е. практики классовой борьбы, вовсе еще не означает, что Фейербах вообще не понимает роли практики в теории познания. Ленин пишет, что «Фейербах берет всю совокупность человеческой практики в основу теории познания» (т. XIII, стр. 116). А во II главе учебника пишется, что Плеханов, следуя Фейербаху и Чернышевскому, «превращает проблему субъекта и объекта в оторванный от практики схоластический вопрос» (стр. 104).

Фейербах и Чернышевский попадают в одну компанию с Каутским и Аксельродом (стр. 105) за то, что они якобы выхолащивали «классовое понимание человека». Это — антимарксистский, антиисторический подход к великим мыслителям. Понимает ли автор, что, прежде чем «выхолащивать классовое понимание человека», надо его иметь? Неверно также, что Фейербах «в вопросе о чувственном материале познания, в вопросе о генезисе понятий» вообще имел «порочность всей позиции» (стр. 159), ибо он констатировал то, что подлежало объяснению. Авторы пишут: «Конечно, являясь представителем созерцательного материализма, не понимая практической деятельности, Фейербах был абсолютно беспомощен решить вопрос о том, как происходит «синтезирование» чувственного материала, вопрос о генезисе понятий; Фейербах лишь констатировал то, что подлежало объяснению. Но отсюда вытекает порочность всей позиции Фейербаха»...

Критика однобока, не учитывает всего большого исторического значения Фейербаха и его формулы «евангелие чувств читать в связи — мыслить». Ведь это же было восстание против гегелевского идеализма. Вообще Фейербаху в «Пособии» не повезло. На стр. 102 ему отказывают в понимании единства субъекта и объекта вместо того, чтобы показать конкретным анализом положительные и отрицательные стороны феербаховского учения о единстве субъекта и объекта. Точно так же просто разделяются авторы с философскими работами Плеханова, зачисляя их (стр. 105) вообще в меньшевистскую литературу наряду с работами Каутского, Л. Аксельрода, Деборина и др. Но так просто этот вопрос не решается. Ленин например говорил, что «нельзя стать сознательным настоящим коммунистом, не изучив всего, написанного Плехановым по философии». Борясь против эклектики Троцкого, Ленин советовал изучать, именно изучать философские работы Плеханова. Он говорил, что «нельзя не пожелать, во 1-х, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и проч. 1160

это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма. Во 2-х, рабочему государству, по-моему, следует требовать от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание» (Ленин, «Еще раз о профсоюзах»). Авторы учебника, зачисляя плехановские философские работы по меньшевистскому ведомству, не подумали над приведенными словами Ленина, подошли вульгарно, упрощенно к Плеханову, отвергая его с порога. Ленин умел беспощадно критиковать плехановский оппортунизм, его отступления от диалектического материализма и вместе с тем не выбрасывать то, что есть у Плеханова ценного, что навсегда вошло в сокровищницу марксизма. Вульгаризацией марксистско-ленинской истории философии является утверждение, что субъектом домарксовской философии является «отдельный буржуа (?), изолированный (!) от всего существующего (?) или возведенный в абсолют в предшествующей Марксу философии», что этот отдельный буржуа «предрешил характер, состав и процесс человеческого познания в понимании буржуазной философии» (стр. 131). Удивительно «всемогущий» этот отдельный все «предрешающий» буржуа! А далее идет еще более сногшибательное «открытие». Автор пишет: «Апологетически понятое капиталистическое общество было точкой зрения старого материализма» (стр. 131). Все старые материалисты зачислены в апологеты капитализма наравне с действительно обильно появившимися, особенно после Маркса, подлинными апологетами эпигонами капитализма. Своеобразная и очень вредная «удавниловка» получается. Маркс и Энгельс умели отличать например классиков буржуазной политической экономии от эпигонов капитализма вроде печально знаменитого Бастиа, из философов материалистов — Фейербаха, борца против идеалистической спекуляции — от дешевых разносчиков материализма вроде Фогта, Бюхнера и К°. Этого забывать нельзя. На стр. 133, а также 149 автор скатывается к теории стихийности, говоря о выработке у пролетариата «последовательно материалистической точки зрения на природу и общество» в процессе «капиталистической эксплуатации и десятилетней стихийной классовой борьбы». А роль теории, роль партии в формировании «последовательно материалистической точки зрения»? Надо же знать историю большевизма, борьбу с экономизмом и т. д. Говорится конечно о руководстве партии «самостоятельным мышлением пролетариата» (только мышлением?), но говорится «философически» абстрактно и темно (см. стр. 136 и 137). У некоторых «философов» есть сильный «зуд» всякое конкретное понятие (экономическое, политическое) превратить в категорию логики, больше того, в пустую абстракцию, в наивном убеждении, что они занимаются «философским» анализом и обобщением. Как тут не вспомнить тонкую иронию Маркса насчет Гегеля, который шляпы превращал в идеи, в противоположность Рикардо, который людей превращал в шляпы. Мы конечно не отрицаем, что есть люди, которые сами превращаются в шляпы. Мы хотели лишь кстати напомнить, что еще не столь давно т. Тьямский, один из авторов пособия, называл смену общественно-экономических формаций, революцию, партийное руководство просто «движением движения». Мы не обвиняем в этом авторов учебника, но они недостаточно борются с подобной тенденцией в учебнике, недостаточно энергично, не конкретно преодолевают ее. Научный диалектический анализ состоит вовсе не в замене конкретных политических или экономических категорий более всеобщими категориями логики. Все понятия (экономические, политические, философские, естественно-научные) конечно суть понятия, т. е. отражения объективной реальности в нашем мышлении. Но надо же видеть их различие по содержанию, которое они отражают, а не растворять их бесследно во всеобщих категориях логики на том основании, что последние применяются в каждой науке.

Во второй части II главы (написанной более ясно) ошибочно утверждает, что Спинозе не удалось перебросить мост от сознания к материи (стр. 151—152). Из всего контекста следует, что Спиноза не преодолел дуализма Декарта и даже «окказионализма» Мальбранша. Кстати, как будто читатель должен без всяких пояснений знать, что такое «ассистенция божества у окказионалистов».

Неудачна формулировка, что «ленинское учение об империализме и научном социализме не является абсолютной истиной» (стр. 177). Эта формула не дает диалектики абсолютной и относительной истины, сбивает читателя и дает оружие в руки врагов.

Неправильна сама постановка вопроса о сроках уничтожения разрыва между умственным и физическим трудом (стр. 140). Неверна оценка «эпигонствующих теоретиков II интернационала» — Каутского и др. — как «созерцательных материалистов» (стр. 166), ибо все они стоят сейчас по существу на позициях самого вульгарного, пошлого идеализма, позитивизма, махизма, неокантианства и т. д. Прочитав вторую главу, читатель никакого понятия о предмете материалистической диалектики не получит.

* * *

Третья глава (о законе единства противоположностей) написана лучше, вопросы решаются в основном правильно. Но авторы идут по линии показа этого закона на примерах, в то время как Ленин требовал доказательства всеобщности этого закона развития объективного мира и познания на всей истории и результатах познания человеком мира. Ленин наметил и конкретно путь этого доказательства, говорил о простейших, основных элементах диалектики во всех науках и в каждой клеточке познания (см. «К вопросу о диалектике»). У нас до сих пор не понимают этих указаний Ленина, хотя цитируют часто.

Принципиальным недостатком этой главы является также некоторая тенденция к схематизации закона единства противоположностей, к универсализации понятий господствующей и подчиненной противоположности. Эта схематизация неизбежно получается, когда закон единства противоположностей рассматривается как сумма примеров, когда не идут по ленинскому пути конкретного анализа противоположностей и противоречий, изучаемых различными науками. Ясно ведь, что нельзя все многообразие действительных противоположностей и противоречий конкретных отношений подвести под схему господствующей и подчиненной противоположности. Да и вообще диалектический материализм враждебен подобным схемам, требуя всегда конкретного анализа взаимоотношений противоположностей в их движении, взаимопроникновении, борьбе, переходах и т. д. За «схемы» беспощадно критиковал Ленин метод меньшевистской политики и тактики. Разве формула «противоположности взаимно дополняют друг друга» (стр. 349, глава V) может быть обобщена на все многообразие взаимоотношений противоположностей? Авторы же склонны его применять как схему и к отношениям между наемным трудом и капиталом. А вот что например писал молодой Маркс, критикуя философию права Гегеля об антагонистических противоположностях, крайностях: «Они между собой не имеют ничего общего, они не желают быть связанными между собой, они не дополняют друг друга» («Архив», т. III, стр. 233). Авторы также часто ищут единства противоположностей и там, где его нет, или пишут абстрактно об этом единстве, не умея дать конкретной характеристики взаимоотношений противоположностей в их движении, развитии, борьбе, переходах, а это ведь главное. Маркс же например высмеивал как тавтологии буржуазных экономистов о единстве и тождестве наемного труда и капитала, производства, распределения, потребления, так и разрыв и метафизическое противопоставление этих моментов общественного процесса производства. Маркс давал конкретный анализ противоречий действительности, показывая экономические основы господства капитала над наемным трудом, показывая конкретно, что капитал и наемный труд — две стороны одного и того же общественного отношения, именно отношения противоположных, непримиримо борющихся между собой классов, из которых один эксплуатирует труд другого. У Маркса нет и намека на подобные схемы. Ярким выражением нелепостей, к каким может привести этот схематизм, является формула на стр. 211 о превращении подчиненной про-

тивоположности в господствующую. Моделью для этой «универсальной» схемы служит превращение пролетариата в господствующий класс. Автор «универсализировал», обобщил особый случай, возвел его «в общий закон» развития антагонистических противоречий вообще. Учащийся обязательно запутается, если попытается применить этот закон, скажем, к противоречию между СССР и капиталистическим миром. Кто в этом бесспорно антагонистическом противоречии является «господствующим» и кто «подчиненным», авторы не могут нам ответить, ибо эта их постановка вопроса антидиалектична. Эта тенденция к схеме выражается также поисками всюду тождества, единства, взаимного проникновения и т. д. Конечно все в мире связано, но нелепо по этому поводу «связывать» например сапожную щетку с понятием млекопитающего, ибо у сапожной щетки от этого не вырастут молочные железы и она не будет давать молока, как говорил Энгельс, высмеивая Дюринга. Мышление должно «связывать» понятия или в понятии то и таким образом, что таким же образом «связано» в действительности. Об этом учил еще Фейербах.

К частным недочетам этой главы надо отнести зачисление фашистского философа Джентиле в философы социал-фашизма (стр. 186), неверное утверждение, что Кант в критический период приблизился к диалектическому пониманию противоречий (стр. 185). Это скорее идет по линии деборинской оценки диалектики у Канта. Энгельс же, наоборот, особо подчеркивает элементы теории развития в докритических работах Канта, в теории происхождения мира. Надуманным, вымышленным из пальца является «открытое» авторами противоречие первой фазы коммунизма—противоречие между социалистическим характером производства и распределением средств «существования и наслаждения». Нечеткие формулировки (стр. 203) о сочетании частнособственных интересов крестьянства с общими интересами развития социализма. Из формулировок вытекает отрицание сочетания индивидуального хозяйства в качестве подчиненного момента колхозного производства, вытекает также отмена нэпа уже на данном этапе.

Четвертая глава (закон перехода количества в качество) написана на достаточно точном теоретическом уровне, дает систематическое изложение закона, опирающееся на большой конкретно-исторический материал. Здесь даются также элементы истории диалектики, что надо отметить как плюс изложения. Проблема количества и качества излагается исторически, с показом преодоления метафизики, дается положительная трактовка учения диалектического материализма о качестве и количестве, о связи этой точки зрения с законом единства противоположностей. Глава пятая написана кратко и без особых изысков, но не везде конкретно, ясно и популярно. В этой главе дано очень неясное и не правильное разграничение закономерностей нэпа и закономерностей социализма, причем, чувствуя неуверенность, авторы тут же делают правильное замечание против право-левого противопоставления «или «нэп или социализм». Абстрактная, неясная, двусмысленная формула противоречия между социализмом и мелкотоварным производством как «основном противоречии переходного периода», «специфической для него формы противоречия социализма и капитализма». У Ленина и Сталина мы не встретим подобных абстрактных формулировок. Авторы мудрят и своей формулой смешивают в одну кучу два принципиально различных ряда противоречий: противоречия между социализмом и мелкотоварным производством, с одной стороны, и антагонистические противоречия и ожесточенную борьбу между социализмом и капиталистическими элементами. Затем, не разъясняя того, что они понимают под «основным противоречием», авторы упускают из виду, что учащийся может истолковать «основное» противоречие как самое глубокое и непримиримое антагонистическое противоречие и тем самым притти к антиленинским выводам. В главе есть и другие неточные, абстрактные «гегельянские обороты», например о социалистическом строительстве как «движущей отрицательности противоречий нэпа» (стр. 361). Кто поймет такой варварский язык? Ведь это же темнее Гераклита Тем

ного. На той же странице авторы пишут, что «в нэпе развертываются во всей глубине противоречия переходного периода» и т. д. Почему не сказать по-человечески, точнее, яснее, проще, без выкрутас, что нэп — политика пролетарского государства, рассчитанная на уничтожение, преодоление объективно существующих противоречий экономики переходного периода, и т. д. Целый ряд других неточностей и ошибочных формулировок мы не можем подвергнуть здесь критике, ибо рецензия и так разрослась. Достаточно указать например на неверную квалификацию французского материализма как идеологии мелкой буржуазии (стр. 45). На стр. 254 французским материалистам приписывается релятивизм, т. е. отрицание объективной истины.

На стр. 327 авторы говорят о «вторичных» качествах материи, допуская это принципиально неверное разграничение также и на стр. 254, хотя там и критикуется «метафизическое» их противопоставление, но в чем конкретно ошибочность такого противопоставления и точка зрения марксизма на этот вопрос, не показано.

Вывод: второе издание этого пособия необходимо основательно переработать, сократить вдвойне за счет устранения повторений, абстрактных, нечетких, ошибочных формулировок. Коренным образом надо переработать первую и вторую главу, добиться цельности, последовательности, единства, ясности изложения.

П. Юдин, М. Каммари, Ф. Константинов, Г. Дмитриев.

Маркс „Избранные произведения“

в 2 томах, под ред. Адоратского, Партиздат, 1933 г.

К пятидесятилетию со дня смерти Маркса Институт Маркса — Энгельса — Ленина выпустил двухтомник важнейших произведений Маркса — Энгельса. Из всей вышедшей за последнее время литературы двухтомник представляет наибольшую ценность и заслуживает быть отмеченным особо. Известно, каким огромнейшим спросом пользуются работы Маркса — Энгельса — Ленина со стороны массового читателя. В этих произведениях, изданных в концентрированном, собранном виде, чувствуется особенно острая необходимость. Шеститомник Ленина например стал незаменимым учебным пособием и настольной книгой для партийно-комсомольского актива и всякого сознательного рабочего. Такое же значение имеет и двухтомник избранных произведений Маркса — Энгельса.

Двухтомнику предпослано краткое предисловие т. Адоратского, в котором он дает сжатую характеристику помещенных в нем трудов Маркса и Энгельса. В первом томе даны прежде всего некоторые работы Ленина о Марксе и марксизме (собранные в более полном виде в сборнике «Маркс — Энгельс — марксизм»), затем характеристика марксизма-ленинизма из беседы т. Сталина с американской делегацией и воспоминания Лафарга и Либкнехта о Марксе. Из произведений Маркса — Энгельса помещены такие работы, как «Коммунистический манифест» и работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», затем экономические и философские их работы. Как статьи Ленина и Сталина, так и «Развитие социализма от утопии к науке» и «Коммунистический манифест» как нельзя лучше вводят в существо взглядов научного коммунизма¹⁾.

Для характеристики ленинского этапа в развитии марксизма дана, как мы уже указывали, выдержка из беседы т. Сталина с первой американской рабочей делегацией. Крайне желательно было бы включить сюда также первую главу (исторические корни ленинизма) из «Основ ленинизма» т. Сталина и первые две главы

¹⁾ Предисловие Адоратского, стр. XIII.

из его же работы «К вопросам ленинизма». Ибо нельзя понять марксизм как целостное и стройное учение без его высшего этапа—ленинизма, который «внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое в сравнении с тем, что дано Марксом и Энгельсом, в сравнении с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма»¹⁾.

Особое место в первом томе занимает работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (стр. 100—143). В ней Энгельс дает глубокую характеристику французского материализма XVIII в., но одновременно указывает, что было бы неправильно рассматривать современный социализм по его теоретической форме только как дальнейшее и более последовательное развитие «принципов, выдвинутых великими просветителями XVIII века» (стр. 106). Французский материализм являлся теоретической основой утопического социализма и, несмотря на все его значение, не мог дать материалистического понимания истории. Последнее «стало возможно только при помощи диалектики» (стр. 102). Научный социализм ведет «свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» (там же). Хотя взгляды на историю у Гегеля были по существу идеалистическими, но он освободил понимание истории от метафизики, сделал его диалектическим. В этом—одна из великих заслуг Гегеля, хотя он не разрешил и не мог разрешить поставленной им задачи. Эту задачу выполнили Маркс и Энгельс, последовательно распространив диалектический материализм и на область объяснения общественных отношений.

В этой работе Энгельс дает замечательную характеристику метафизического, формально-логического способа мышления, его исторической ограниченности, указывая, что «точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человека, равно как и об отображении этого развития в головах людей, может быть приобретено только путем диалектики» (стр. 120). Здесь же Энгельс кратко сформулировал суть диалектики—закон единства противоположностей как закон объективного мира и человеческого познания. «Теоретики» типа Адлера и других клеветают на марксизм, утверждая, что Маркс и Энгельс не разработали вопросов теории познания. В частности в «Развитии социализма от утопии к науке» дана обстоятельная характеристика материалистической диалектики как теории познания.

Далее идут основные наброски теории исторического материализма, теории классов и классовой борьбы как содержания и движущей причины общественного развития. Именно благодаря материалистическому пониманию истории социализм превратился из утопии в науку. Здесь с особенной яркостью сказывается глубокая внутренняя связь между материалистической диалектикой и научным социализмом, практическое осуществление которого составляет историческое призвание пролетариата.

Ленин и Сталин продолжили разработку теории исторического материализма, учения о социализме. Тов. Сталин дал исключительно глубокое и ясное определение того, кто в действительности является настоящими творцами истории. «Судьбы народов и государств разрешаются теперь не только вождями, но прежде всего и главным образом миллионными массами трудящихся. Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы... вот кто настоящие герои и творцы новой жизни» (речь на съезде колхозников-ударников. Разрядка моя.—Я. А.).

Основоположникам марксизма всегда было органически чуждо абстрактное, оторванное от практики революционного движения «теоретизирование» по поводу «социализма как прогресса человеческого духа» (Каутский), который наступит в отдаленном будущем и, разумеется, не как продукт экономического развития и обостренной классовой борьбы. Социализм давно уже не только превратился

¹⁾ Сталин. Из беседы с американской делегацией

из утопии в науку, но под руководством Ленина, Сталина стал реальной действительностью на одной шестой земного шара.

Далее в первом томе даны экономические работы Маркса — Энгельса («Наемный труд и капитал», «Зарплата, цена и прибыль», конспекты Энгельса «Капитала» Маркса и др.). В помещенной XXIV главе из первого тома «Капитала» и во «Введении к критике политэкономии» Маркс дает яркий образец диалектического рассмотрения капиталистического способа производства, а также и естественно-исторического процесса развития общественно-экономических формаций вообще. В двухтомнике помещено предисловие Энгельса «К критике политэкономии», которое имеет огромную теоретическую ценность. В нем Энгельс рассматривает принципиальное отличие метода Гегеля от метода Маркса, указывая, что «Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в той простой форме, в которой он только и становится правильной формой развития мыслей» (стр. 282. Разрядка моя. — Я. А.). Предисловие Энгельса целиком опровергает фальсификацию как Рубина, так и меньшевистствующих идеалистов, пытавшихся утверждать, что метод Маркса — «абстрактно-логический», оторванный от действительного хода истории, и т. п.

Собранные в двухтомнике письма об историческом материализме так же, как «Людвиг Фейербах» и тезисы Маркса о Фейербахе, дают цельное представление о материалистическом понимании истории. В них дана не только «философия истории», но и «история философии» наряду с разработкой важнейших проблем материалистической диалектики как науки, как теории познания.

* * *

Остановимся кратко на содержании второго тома. Основное место занимают в нем исторические работы Маркса — Энгельса: «Революция и контрреволюция в Германии», «Классовая борьба во Франции», «18 брюмера Луи Бонапарта» и др. Здесь же помещена знаменитая «Критика Готской программы». Особый интерес представляют материалы, характеризующие истоки международной коммунистической партии — Учредительный манифест и ряд воззваний Международного товарищества рабочих, а также 20 наиболее важных писем Маркса и Энгельса, отражающих их борьбу за создание пролетарской партии. Этот материал далеко выходит за предел «узко исторических» вопросов, наглядно показывая неисчерпаемое идейное богатство всех работ Маркса — Энгельса, неразрывное единство революционной теории и практики революционного движения пролетариата.

Во втором томе дан богатейший материал для изучения теории пролетарской революции, стратегии и тактики партии пролетариата. На основе опыта первого международного рабочего движения в Германии Маркс — Энгельс формулируют требования коммунистической партии. Именно в этих работах дано марксистское понимание непрерывной революции, искаженное потом Парвусом — Троцким (см например стр. 133 и др.), учение о вооруженном восстании как искусстве, развитое далее Лениным. «Восстание, — пишет Энгельс, — в такой же мере искусство, как и война» (стр. 107).

Во втором томе помещены материалы о Кельнском процессе коммунистов (стр. 1—20, 117—121). Этот процесс, происходивший в 1852 г., после поражения революции 1848 г., был использован буржуазией для подавления рабочего движения и в первую очередь первой международной коммунистической партии — «Союза коммунистов». Однако как тогда Кельнским процессом и исключительными законами буржуазно-феодалной реакции не удалось задуть революционного движения, так тем более не удастся оголтелой фашистской диктатуре Гитлера задуть его.

теперь, в условиях совершенно новой империалистической эпохи капитализма, в условиях все более углубляющегося всеобщего кризиса капиталистической системы и торжества пролетарской революции в СССР, когда все мировое революционное движение находится на новом величайшем подъеме, когда оно и в самой Германии неизмеримо выросло и окрепло, имея своим вождем такую мощную и опытную секцию Коминтерна, как Германская коммунистическая партия.

Исключительно важное теоретическое и политическое значение имеет анализ исторических событий и классовой борьбы во Франции («Классовая борьба во Франции», «18 брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции»). В этих работах, как и позднее в «Критике Готской программы», Маркс разрабатывает основное в своем учении—теорию диктатуры пролетариата, намечает контуры «будущего коммунизма» и указывает на историческую необходимость переходного периода от капитализма к коммунизму.

В «18 брюмера Луи Бонапарта» (1852) есть известное место о том, что все прежние перевороты усовершенствовали государственную машину «вместо того, чтобы сломать ее» (стр. 320). Пролетариат не может овладеть готовой буржуазной государственной машиной, а должен сломать ее и заменить уже не государством в собственном смысле слова, а «полугосударством», диктатурой пролетариата.

«Этот вывод,—писал Ленин,—есть главное, основное в учении марксизма о государстве». И именно это основное не только совершенно забыто господствующими официальными с.-д. партиями, но и прямо извращено виднейшим теоретиком II интернационала Каутским и К^о. Парижская коммуна была первым провозвестником диктатуры пролетариата, на ее опыте многому научились пролетариат всего мира и его авангард—пролетариат СССР, завершивший дело, начатое Парижской коммуной. Ленин в новых условиях развил далее учение Маркса о путях осуществления диктатуры пролетариата и строительства социализма в одной стране.

Письма Маркса, Энгельса ярко выявляют ту борьбу, которую они вели за создание пролетарской партии. Они разбивают наглую клевету социал-фашистских теоретиков о том, что якобы Маркс и Энгельс не принимали «непосредственного участия в I интернационале», а лишь «руководили издалека, не зная конкретных условий страны», не участвуя в практической работе партии. Будучи основателями первой международной коммунистической партии — «Союза коммунистов», I международного товарищества рабочих, Маркс и Энгельс в течение десятков лет непосредственно руководили революционным движением, решительно боролись против попыток свернуть пролетариат с правильного пути, разоблачали «вождей» типа Каутского и К^о, проводивших буржуазное влияние на пролетариат. Маркс в одном из писем жалуется, что дела по Интернационалу не дают ему возможности работать над «Капиталом». Как говорил Энгельс, Маркс был «прежде всего революционер».

Борьба с извращениями основных принципов «Коммунистического манифеста», за чистоту революционной теории, против явных и замаскированных попыток ее фальсификации — вот что характеризует письма Маркса, Энгельса. В своем учении о партии они чужды всякого схематизма, боязни внутренней борьбы, подчеркивая, что «развитие пролетариата повсюду сопровождается внутренней борьбой» (стр. 499) и на каждой ступени этого развития «застревает часть людей, которая дальше не идет» (стр. 486), выступая со всей решительностью против единства с «мнимыми социалистами», против бакунизма, прудонизма, лассальянства и прочих разновидностей оппортунизма.

Как образец политики основоположников марксизма в национальном вопросе помещены «Письма об Ирландии» и заметки об Индии. Маркс и Энгельс считали важнейшей задачей «пробудить в английском рабочем классе сознание, что национальная эмансипация Ирландии является для них не абстракт-

ным вопросом справедливости и человеколюбия, но первым условием их собственной социальной эмансипации» (стр. 506). Единственное средство способствовать революции в Англии—это сделать независимыми Ирландию и Индию, всячески способствовать развитию национально-освободительного движения в колониях. «Маркс и Энгельс,—писал Ленин,—и в ирландском вопросе вели последовательно-пролетарскую политику, действительно воспитывающую массы в духе демократизма и социализма».

Эта политика явилась исходным пунктом для дальнейшей разработки национально-колониального вопроса Лениным и Сталиным.

Особый интерес представляют заметки Маркса и Энгельса о России. Ленин указывает, что они проявляли живой интерес к русскому революционному движению, имели непосредственные сношения с русскими революционерами и не в пример «педантам марксизма» уже тогда видели, что центр революционного движения перемещается на Восток. В предисловии к русскому переводу «Коммунистического манифеста» они пишут: «Россия—передовой отряд революционного движения Европы». Они гениально предвидели приближение русской революции, которая будет иметь «величайшее значение для всей Европы уже по одному тому, что она одним ударом уничтожит последний, еще нетронутый резерв всей европейской реакции» (стр. 537). Пролетариат России осуществил на деле гениальное предвидение основоположников марксизма, став авангардом международного революционного движения, в противовес меньшевикам, утверждавшим, что «Россия не созрела для революции», что «Запад должен показать пример», и т. д.

*
*
*

Таково в общих чертах содержание двухтомника избранных произведений Маркса, Энгельса. Его выход—большой шаг по пути продвижения в массы важнейших работ основоположников марксизма. Настоятельно необходим его перевод на иностранные и национальные языки. За исключением некоторых недостатков в подборе материала, отмеченных нами, размещение последнего очень четко и стройно.

В огромной степени облегчают самостоятельную работу по этому первоисточнику довольно тщательно выполненные примечания редакции. Некоторая поспешность подготовки и выпуска двухтомника сказалась, к сожалению, на известной технической небрежности, особенно недопустимой по отношению к столь важному изданию. Речь идет об огромном количестве опечаток, особенно во втором томе. Важнейшие из них исправлены в приложении, но все же они не могут не затруднять работу. Тем более они досадны потому, что в целом издание выполнено прекрасно.

Выход двухтомника—существенный вклад в общую сокровищницу первоисточников марксистско-ленинской литературы. Только ВКП(б) и Коминтерн принимают все необходимое для того, чтобы сделать доступным для широких масс трудящихся все богатейшее идейное наследство основоположников марксизма.

Учение Маркса, нашедшее своих гениальных продолжателей в лице Ленина и Сталина, четко и стройно. Оно вылилось из одного куска стали, оттачиваясь в борьбе и все более обогащаясь новым опытом революционного движения пролетариата. В марксистско-ленинской теории пролетариат нашел незаменимое руководство для революционного действия. На гранитной основе этой теории возник большевизм как прямое и непосредственное продолжение и развитие той I международной коммунистической партии («Союз коммунистов» и I интернационал), вдохновителем, организатором и руководителем которого был Маркс.

В марксизме-ленинизме пролетариат черпает подтверждение правильности своей линии, «силу ориентировки, ясность перспективы» и твердую уверенность в полной и окончательной победе того дела, которому отдали свою жизнь основатели марксизма.

Я. АБРАМОВ

О полезных книжках, требующих исправления

Для начала речь пойдет лишь об одной из таких книжек. Я имею в виду вышедшую недавно в Партизате книгу «Проблема причинности в истории новой философии и диалектический материализм» Б. Богданова и В. Михайлова (под редакцией и с предисловием В. Вандека и В. Тимоско, 156 стр., тир. 10.000, ц. 1 р. 50 к.). Это — несомненно полезная книжка. В ней дается критическое изложение понимания причинности в рационалистической философии XVII в., у Декарта и Спинозы, в английском материализме и идеализме XVII и XVIII вв., у Бэкона, Гоббса, Локка, Беркли, Юма, затем у французских материалистов, далее у Канта, Гегеля, Фейербаха, Маха и Богданова, наконец в диалектическом материализме и в трактовке механистов и меньшевистствующих идеалистов.

Полезность этого начинания состоит в том, что здесь собран некоторый конкретный исторический материал, в котором в популярной форме (при степени популярности, рассчитанной на лиц, знакомых с основами диалектического материализма на уровне заочных комвузов) показана в данном разрезе борьба материализма с идеализмом. Тут же надо указать, что в целом ряде случаев при изложении фактического исторического материала авторы допускают много ошибок, неясностей, фактических погрешностей, что весьма досадно. Несмотря на это, такого рода работы, излагающие общедоступным языком не весь диалектический материализм в целом, а одну из проблем материалистической диалектики, полезны еще и потому, что они помогают, в том числе и их авторам, разобраться детально в данном вопросе, а потому могут послужить мостиком к созданию научно-исследовательских монографий, т. е. такого рода литературы, в которой мы больше всего нуждаемся. А при наличии таких монографий мы сможем подняться на следующую ступень в деле популяризации: последняя будет основываться уже на самостоятельных, оригинальных исследованиях.

Разбор проблемы причинности в книжке дается в целом правильно. Отдельные погрешности сравнительно мелки и относятся больше к известной неряшливости выражений, допущенной в том или ином случае, чем к тому содержанию, которое в то или другое положение повидимому хотели вложить авторы. Правда, таких ляпсусов не должно быть в философской работе, все равно как исследовательской, так и популярной.

Чтобы не быть голословным, приведем наудачу два примера. На стр. 49: «Хотя Гоббс и считает движение единственной и универсальной причиной всех явлений, но он при своей механической концепции, естественно, был не в состоянии объяснить причины самого движения». «Причиной движения, — пишет Гоббс, — можно считать только движение». А при немеханистической концепции как? Ошибка Гоббса не в том, что он видит причину движения в самом движении, а в том, что он обязательно видит причину одного движения в другом, лежащем во вне движения. Или на стр. 110: «Богданов дает идеалистические ответы и тем самым (?) обнаруживает свое кровное родство с махизмом» (а почему, скажем, не с кантианством?). Но правильность работы в целом такими обмолвками конечно не нарушается.

Однако книжка Богданова и Михайлова имеет два крупных недостатка, знание которых не умаляет то обстоятельство, что о них вскользь упоминают сами редакторы в своем предисловии.

Во-первых, история новой философии (за исключением диалектического материализма) для авторов кончается Богдановым, что конечно не может удовлетворить читателя. И это обстоятельство неслучайно, оно имеет отношение не только к данной книжке, но в значительной степени и ко всей философской, да и вообще ко всей нашей марксистской литературе сегодняшнего дня в области критики новых и новейших теоретических школ, в том числе и в политэкономии и по другим дисциплинам. Мы слишком мало сами знакомы и еще меньше знакомим советского читателя с действительно новой литературой. Работы, излагающие направления XX в., насчитываются единицами, в большинстве случаев имеются лишь журнальные рецензии хроникерского порядка. Поэтому одна-единственная страничка (9-я), которую редакторы посвятили перечислению (да и то неполному и случайному) тех современных буржуазных философов, которые под каким-либо новым соусом преподносят идеалистическое понимание причинности, ничего не дает.

С полным правом можно было требовать, чтобы редакторы, как они это сделали относительно древнегреческой материалистической и идеалистической философии, и при этом в более расширенном виде, дополнили хотя бы в своем предисловии этот существенный пробел книжки. Ведь не доводя историю новой философии до современности, обходя не только последний этап всеобщего кризиса капитализма, этап деградации буржуазной научной мысли, но и всю эволюцию за четверть века, прошедшую с 1908 г., книжка не вооружает читателя для борьбы с теми антимарксистскими взглядами, которые как раз сегодня, не в той форме, какую им придали Беркли, Юм, Мах или Богданов, а в той, которую придают им, скажем, Бергсон, Шпенглер, Эддингтон или Рейхенбах, пытаются (а иногда и не без известного успеха) завладеть умами и некоторой части нашей советской интеллигенции.

Наиболее слабым местом книжки является как раз глава IX — «Проблема причинности в диалектическом материализме» (стр. 118—140). Как сказано уже вначале, авторы в целом правильно, без извращений передают взгляды основоположников марксизма на данную проблему, исходя из положений: 1) что причинная связь есть связь объективного мира независимо от нашего сознания, связь движущейся материи; 2) что причинная связь является лишь моментом общей всемирной взаимозависимости, взаимодействия процессов, что она лишь односторонне, несовершенно отображает развитие материи. Но освещение вопросов крайне неполно, немало важнейших положений Энгельса, а в особенности Ленина просто не использовано, хотя у Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме» имеется о причинности специальная глава. Высказывания Маркса даже и не упоминаются.

Отсюда получается, что рассуждения вращаются здесь в значительной степени в кругу понятий, достаточно широко известных и растолкованных в преподавании, не углубляясь в проблему, а оставаясь на ее поверхности. Вот почему и выходит, что, прочтя IX главу, да пожалуй и последующую, посвященную механистам и меньшевистствующим идеалистам, у читателя не может не остаться неприятного осадка: ведь читатель узнает, скажем (беру этот случай для примера), что механистическая причинность недостаточна. Хорошо. Но какая именно — в отличие от механистической — диалектическая причинность, этого в книжке не найдете. Одним словом, положительным взглядам, которые должны заменить взгляды противника, уделено мало внимания.

Кроме того даже в этой центральной главе авторы ни разу не показывают читателю, что в связи с проблемой причинности раскрывается целое множество новых, еще нерешенных философских проблем, разрешить которые в состоянии только метод марксизма-ленинизма. Одним словом, волей-неволей создается впечатление, что из все проклятые вопросы ответы уже даны и что для нас и для грядущих веков в этой области остается лишь пересказ пройденного вместо того, чтобы на основе ленинских работ толкать читателя на путь углубленного критического анализа, а в дальнейшем и самостоятельных исследований, — такая постановка вопроса успокаивает, тормозит его.

Здесь же приходится отметить, что если в предыдущих главах слишком большая трактовка сложных вопросов объяснялась и даже оправдывалась задачами популяризации, то в главе о марксистско-ленинском учении о причинности не надо было допускать каких бы то ни было недомолвок. Так например (стр. 120) авторы сначала правильно отмечают, что причинность — одна из форм универсальных связей, чтобы через три строчки неправильно отождествить ее со всеобщей связью, подчиняющей себе всю действительность, и чтобы затем снова через 20 страниц опять-таки правильно упрекать в той же ошибке Плеханова. Крайне наивна и по существу идеалистична аргументация автора о недостижимости предела знания (стр. 122).

Можно было бы, как это делают редакторы в своем предисловии, считать еще одним недостатком IX главы и всей книги то обстоятельство, что авторами не вскрыто то новое, что привнес Ленин после Энгельса в диалектико-материалистическое учение о причинности. Однако следует согласиться с тем, что без предварительного основательного исследования по этому вопросу следует остерегаться опасности дать лишь самые общие места или просто власть в халтуру.

Наконец найдутся несомненно читатели, недовольные книжкой потому, что она не включает в себя проблемы причинности в современном естествознании. С моей точки зрения, наоборот, это составляет одно из ее достоинств. Ведь для того, чтобы изложить проблему причинности в физике, биологии и т. п., необходимы достаточно солидные знания данных конкретных наук, знания их не только по популярным изложениям, но в деталях, владение материалом и методом самой науки. Иначе неизбежно получаются грубейшие искажения как марксизма, так и естествознания. Нельзя например не отметить, что и в данной книжке, точнее в предисловии ее редакторов, в тех немногих строчках, которые посвящены современной физике, содержится достаточно повода для самых серьезных нареканий. Чего стоит например следующее изречение (стр. 14): «Совершенно непонятым явились причины нередких случаев (надо надеяться, что редакторы пользовались этими «нередкими случаями» и писали данное предисловие при наличии света солнечного, электрического или хотя бы стеариновой свечки.—Э. К.) перескакивания электрона с одной орбиты на другую»... Оно не может не вызвать улыбку. Далее, не говоря уже о том, что включение естественно-научного материала потребовало бы нежелательного для популярной книжки разбухания ее объема и привело к известному рассеиванию внимания, необходимо и с принципиальной стороны провести известное разграничение между трактовкой той или другой категории в философии и в естествознании. Марксизм-ленинизм борется против идеалистического отгораживания естествознания от философии (излюбленного у буржуазных естествоиспытателей и поддерживаемого также в последних двух статьях академика Вернадского в «Известиях Академии наук»), но вместе с тем он не отождествляет гносеологических выводов, которые делаются (или которые следует делать) из естествознания с самим естествознанием. Хотя естествознание, как известно, никогда не обходилось без философии, хотя философские понятия категорий обязательно входят в самое естествознание, но они содержатся там не в том же виде, в каком мы их встречаем в философии. Так, скажем, содержание «движения» в философии (в том числе и в естественно-научной философии в марксизме) не просто сумма всего того, что усматривают в движении механика, физика, химия, астрономия, геология, биология, общественные науки, психология,— философия содержит в себе движения и больше (поскольку она обобщает отдельные виды движения) и меньше (поскольку она отвлекается от специфичностей этих отдельных видов движения), чем в конкретных науках. То же самое можно сказать и о пространстве или, скажем, о закономерности и т. д. и т. п. Таким образом ясно, что смешивание причинности в философии и причинности в физике или, скажем, в биологии не обосновано, хотя конечно физическая причинность (или биологическая) не может обойтись без философского обоснования, а философская причинность не может возникнуть без причинности физической, биологической.

Добавим* к сказанному, что книжка представляет собой переработанные доклады в семинаре ИКП философии, отметив это обстоятельство как чрезвычайно положительное явление. Нужно посетовать разве, что оно слишком редко практикуется, и умилиться наконец радостно низкой по сравнению с большинством выходящих книжечек того же объема ценой (замечание, которое, надеюсь, не будет сочтено грубым материализмом). Здесь можно было бы поставить последнюю точку, если бы дело шло только о рецензии на данную книжку. Но, как было сказано уже в заголовке, речь идет не только об одной книжке.

Дело в том, что у нас часто бывает так: появляется рецензия, отмечающая отдельные ошибки в книге, самой по себе весьма полезной. В результате автор и издательство хоронят книгу, не знаю уже, по какому разряду. Между тем вывод, казалось бы, должен быть сделан как раз обратный: ошибки надо исправить, книгу переработать и переиздать. Чрезвычайно характерным примером может служить судьба популярного очерка т. Горнштейн «Диалектика природы Энгельса», вышедшего в 1931 г. и получившего справедливую по главным пунктам содержания, хотя и чересчур придирчивую рецензию со стороны т. Сахалтуева в № 7—8 «ПЗМ» за 1932 г. Книжка эта, несмотря на ряд серьезных ошибок, несомненно навеянных меньшевистствующе-идеалистическими установками, несмотря на явные следы поспешности, сейчас служит широко распространенным учебным пособием. Было бы весьма прустно, если бы автор махнул рукой на это полезное начинание вместо того, чтобы, учтя ошибки и исправив их, подготовить второе, переработанное издание, дать читателю исключительно нужную книжку, ибо «Диалектика природы» и ленинские сборники доступны далеко не всем. Тем самым кстати автор подтвердил бы и окончательный характер проделанного им поворота в философских вопросах. Было бы непростительно, если бы издательство (книжка тогда была издана Ленинградским областным издательством, — теперь дело за Партиздатом) не включило переработанного издания этой книжки в свой производственный план лишь потому что ее подвергли резкой критике. А ведь случается, что книги имеют такую судьбу.

Э. Кольман

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Литература, обязательная к приемным испытаниям в ИКП философии на 1933—34 год

(Вся литература по Ленину дается по 2-му и 3-му изданиям)

Энгельс—Л. Фейербах. Анти-Дюринг. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Диалектика природы. Жилищный вопрос.

Маркс—Энгельс. Немецкая идеология (соч. Маркса и Энгельса, т. IV) Письма, перевод Адоратского. Святое семейство (соч., т. III, стр. 153—163). К критике гегелевской философии права (соч., т. I, стр. 399—417). Предисловие и введение «К критике политекономии». Критика Готской программы. Коммунистический манифест. Ницшта философии, глава о методе. 18 брюмера Луи Бонапарта. Гражданская война во Франции. Крестьянский вопрос во Франции и в Германии.

Ленин—Материализм и эмпириокритицизм, т. XIII. К вопросу о диалектике, т. XIII. Что такое «друзья народа», т. I. Экономическое содержание народничества, т. I. Маркс—Энгельс—марксизм (сб.). Государство и революция, т. XXI. Пролетарская революция и ренегат Каутский, т. XXIII. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, т. XXIV. О брошюре Юниуса, т. XIX. Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. XXV. Удержат ли большевики государственную власть, т. XXI. Лен. сб. IX и XII. О значении воинствующего материализма, т. XXVII.

Сталин—Вопросы ленинизма. Доклад и заключительное слово на VII расширенном пленуме ИККИ (см. Стенографический отчет VII пленума ИККИ, т. II).

Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Яковлев—Доклады на XVI съезде ВКП(б).

МАТЕРИАЛЫ ЯНВАРСКОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК ВКП(б), ДОКЛАДЫ И РЕЗОЛЮЦИИ

Сталин—Речь на съезде колхозников-ударников.

Материалы XVII партконференции, доклады и резолюции.

Постановление ЦК о журнале «Под знаменем марксизма» и резолюции ячейки ИКП Философии и Естествознания (журнал «Под знаменем марксизма» № 10—12 за 1930 г.).

Сборник «За поворот на философском фронте».

Митин—К итогам философской дискуссии, журнал «Под знаменем марксизма» № 10—12 за 1930 г. Учебник по историческому материализму под ред. Митина и Разумовского.

Быховский—О Бэконе, журнал «Под знаменем марксизма» № 6 за 1931 г.

Гегель и диалектический материализм (сб. статей к 100-летию со дня смерти).

Юдин и Каммари—О Спинозе—статья в «Большевике», январь 1933 г.

Плеханов — Основные вопросы марксизма. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Очерки по истории материализма. Критика наших критиков, т. XVII.

Деборин — Очерки по истории материализма. Ленин как мыслитель. (Для критики).

Книга для чтения по истории философии. Введение в философию диалектического материализма. (Для критики).

Бухарин — Теория исторического материализма. (Для критики).

Гефдинг — История новой философии.

(Кроме того требуется знакомство с периодической марксистско-ленинской литературой по основным проблемам философии).

ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Маркс — Нищета философии. К критике политекономии (введение и предисловие). Капитал, т. I и III (главы с 28 по 35 и с 41 по 43 из III тома обязательны). Капитал, т. II, гл. I—VI, XVII, XVIII, XX, XXI.

Энгельс — Крестьянский вопрос во Франции и Германии.

Ленин — Империализм как новейший этап капитализма, т. XIX. Заметки на «Экономику переходного периода» Бухарина, Лен. сб. XI. Развитие капитализма в России (глава, помещенная в шеститомнике). К характеристике экономического романтизма, т. II. Аграрная программа с.-д. в первой русской революции, т. XI.

Сталин — Речь на конференции аграрников-марксистов. Доклад и заключительное слово на VII расширенном пленуме ИККИ.

Милютин, Боролин — Статья в «Большевике» № 2 за 1930 г.

ПО ИСТОРИИ ВКП(б)

Ленин — томы XVIII, XIX, XXIV. Из какого классового источника приходят кавеньяки. Луи-блановщина, т. XX. Русская революция и задачи пролетариата, т. IX.

Энгельс — Революция и контрреволюция в Германии.

Маркс и Энгельс — Коммунистический манифест. Обращение ЦК к Союзу коммунистов в марте 1850 г.

Энгельс — Крестьянская война в Германии. Введение к «Гражданской войне во Франции».

Ленин — Что делать, т. IV. Шаг вперед, два назад, т. VI. Доклад о революции 1905 г., т. XIX. Социал-демократия и временное революционное правительство, т. VII. Две тактики социал-демократии в демократической революции, т. VIII. Этапы — направления и перспективы революции, т. VIII. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению, т. VIII. Уроки московского восстания, т. X. Доклад об объединительном съезде, т. IX. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, т. XV. Проект резолюции о современном политическом моменте, т. XXI. Заметки публициста, т. XVI. О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве, т. XV. О новой фракции примиренцев или добродетельных, т. XV. О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве, т. XVII. Из резолюции Всероссийской Пражской конференции. Второе письмо И. И. Степанову-Скворцову, т. XIV. Международный социалистический конгресс в Штутгарте, т. VIII. О лозунге Соединенных штатов Европы, т. XVIII. Социализм и война, т. XVIII. Несколько тезисов, т. XVIII. Крах II интернационала, т. XVIII. Интернационал молодежи, т. XIX. Социалистическая революция и право наций на самоопределение, т. XIX. Итоги дискуссии о самоопределении, т. XIX. Письма изда-лека, т. XX. О задачах пролетариата в данной революции, т. XX. Письмо о тактике,

г. XX. Задачи пролетариата в нашей революции, т. XX. Речь на апрельской конференции, т. XX. К лозунгам, т. XXI. О конституционных иллюзиях, т. XXI. Уроки революции, т. XXI. Кризис назрел, т. XXI. Марксизм и восстание, т. XXI. Удержат ли большевики государственную власть, т. XXI. Письмо к товарищам, т. XXI. Речь на II съезде советов. Тезисы об учредительном собрании, т. XXII. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата, т. XXIV. К 4-летней годовщине Октябрьской революции, т. XXVII. К истории вопроса о диктатуре, т. XXV. Очередные задачи советской власти, т. XXII. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазной опасности, т. XXII. Доклады и речи на VII, VIII, IX и X съездах партии, т. XXII, XXIV, XXV, XXVI. О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого, т. XXVI. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина, т. XXVI. Кризис партии, т. XXVI. О прогналоге, т. XXVI. О значении золота теперь и после полной победы социализма, т. XXVII. Как нам реорганизовать рабкрин?, т. XXVII. Лучше меньше, да лучше, т. XXVII. О кооперации, т. XXVII. III интернационал и его место в истории, т. XXIV. Речь и резолюции на II конгрессе Коминтерна. Доклады и речи на III и IV конгрессах Коминтерна.

Сталин—Вопросы ленинизма. Об оппозиции. О некоторых вопросах по истории большевизма. Марксизм и национальный вопрос.

Резолюции XV съезда и XVI партконференции.

Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Яковлев—Доклады и резолюции на XVI парт'езде.

XVII партконференция. Доклады тт. Молотова, Куйбышева и Орджоникидзе.

Бела Кун—Коминтерн в резолюциях.

Резолюция VI конгресса Коминтерна и XI пленум ИККИ. Программа и устав Коминтерна. Статьи в «Большевике» и в бюллетене «Правды» в связи с письмом т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Каганович—Речь на 10-летнем юбилее ИКП.

Решения партийных съездов и конференций.

Редакционная коллегия
журнала „ПЗМ“

В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман,
П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев

Уполномоченный Главлита № В-56216. Сдано в набор 13/VI-33 г., подписано к печати 25/VII-33 г. Зак. № 1502. Изд. № 361. Тираж 35200.

Набрано в типографии газеты „Правда“, Москва, ул. им. Горького, 48.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

„КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“

Руководящий журнал в области культпропаботы партии

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

В задачи журнала входит освещение всех вопросов теории и практики культурного строительства и партийной пропаганды.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА:

Журнал содержит:

1) руководящие статьи по вопросам политики партии в различных областях социалистического строительства, в частности и в особенности в области культурного строительства; статьи по вопросам революционного движения в странах капитализма, а также по вопросам внутрипартийной жизни;

2) специальные материалы (руководящие статьи, освещение практики работы, обобщение опыта и т. д.), систематически помещаемые по вопросам:

а) марксистско-ленинское воспитание;

б) строительство высшей коммунистической сельскохозяйственной школы;

в) постановка техпропаганды на фабриках и заводах, а также агротехпропаганды;

г) культурно-массовая работа в городе и деревне.

В журнале освещаются также вопросы строительства школы (низшей, средней и высшей), а также вопросы политики партии в области науки и литературы.

Кроме того, в журнале помещаются материалы для докладчиков и пропагандистов по пропаганде и разъяснению решений партийных съездов, конференций, пленумов Центрального комитета и пленумов ИККИ, а также постановления ЦК и материалов съездов, совещаний по вопросам культпропаботы.

Журналом ведется также переписка с читателями и отдел вопросов и ответов.

Журнал рассчитан на культпропаботников парторганизаций краевых, областных, районных и на культпропаботников низовых парторганизаций в городе и деревне; на пропагандистов, на руководящих работников, преподавателей и студентов высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, на работников в области народного просвещения.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1933 год:

на 1 мес. —	60 коп.
на 3 мес. —	1 р. 80 "
на 6 мес. —	3 р. 60 "
на 12 мес. —	7 р. 60 "

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 60 коп.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА НА 1933 ГОД
НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

12-й год издания.

Журнал выходит под редакцией: [Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.]

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, с меньшевистствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воиствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма; отдел теоретической экономики и теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отделы переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1933 ГОД:

на 1 год — 18 руб.

на ½ года — 9 руб.

на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки — 3 руб.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, конторами Союзпечати, всеми письмоносцами, книжными магазинами Книгоцентра, организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.